

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 3 (43)

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2021

MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES

№ 3 (43)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д. А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГПУ)
<i>Северухин В. А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
<i>Борисова Н. Е.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Диноршоев А. М.</i>	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
<i>Дорская А. А.</i>	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
<i>Ефимова О. В.</i>	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
<i>Иларию Претелли</i>	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
<i>Мартыненко И. Э.</i>	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
<i>Мкртумян А. Ю.</i>	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
<i>Ростокинский А. В.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Рыбаков О. Ю.</i>	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
<i>Сауляк О. П.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Смирнов Л. Б.</i>	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
<i>Черногор Н. Н.</i>	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
<i>Честнов И. Л.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГПИ)
<i>Чурилов С. Н.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
<i>Безносикова О. И.</i> ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Баев В. Г. Принципы формирования аппарата управления в Германии (опыт для России). К 300-летию российской государственности 8
- Васильев П. В. Нетипичные, квази- и псевдоявления юридической реальности: отдельные проблемы и гипотезы их решения 17
- Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу..... 31
- Шатковская Т. В. Становление публично-правовых оснований Российского государства: к юбилею юридического оформления Российской империи..... 40

Публичное право

- Бурьянов С. А. Право на свободу совести в современном мире: основные проблемы и подходы к их решению 49
- Матчанова З. Ш. Кризисы в международном праве как препятствие эффективному противодействию международной преступности 56
- Чурилов С. Н. Оперирование доказательствами как элемент доказывания..... 63

Частное право

- Власова Н. В. Коллизионное регулирование отношений представительства в России: доктрина, законодательство и судебная практика..... 71

Трибуна молодых ученых

- Ботанцов Д. В. Классификация юридических лиц
Российской империи в период XVIII – первой четверти XIX века..... 80
- Конончук М. И. Актуальность внедрения в гражданское
законодательство Российской Федерации таких правовых
конструкций, как траст и фонд..... 89
- Новикова К. С. Элементы электронного правосудия
через призму основных принципов судопроизводства..... 96

Научная жизнь

- Залоило М. В. Субъект права и динамика его правового статуса
в условиях цифровизации 104

Памяти ученого

- Михаил Николаевич Марченко (11.08.1940 – 02.07.2021)..... 121

**Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки»,
2021, № 3 (43)..... 123**

- Требования к оформлению статей..... 127

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Baev V. G. Principles of the Administrative Machinery Formation in Germany (Experience for Russia) to the 300th Anniversary of Russian Sovereignty 8
- Vasiliev P. V. Nontypical, Quasi- and Pseudo-Phenomena of Legal Reality: Individual Problems and Hypotheses for Their Solution 17
- Pashentsev D. A. The Main Directions and Features of the Development of Legislation in the Context of Digitalization and the Transition to a New Technological Order 31
- Shatkovskaya T. V. Formation of the Public Legal Foundations of the Russian State: to the Anniversary of the Legal Registration of the Russian Empire..... 40

Public Law

- Buryanov S. A. The Right to Freedom of Conscience in the Modern World: Main Problems and Approaches to Their Solution 49
- Matchanova Z. Sh. Crises in International Law as an Obstacle to Effective Prevention of International Crimes 56
- Churilov S. N. Handling Evidence as an Element of Proof..... 63

Private Law

- Vlasova N. V. Conflict Regulation of Representative Relations in Russia: Doctrine, Legislation and Judicial Practice 71

The Tribune of Young Scientists

- Botantsov D. V. Classification of Legal Entities of the Russian Empire in the Period from the 18th Century up to the First Quarter of the 19th Century 80
- Kononchuk M. I. The Relevance of the Introduction of Such Legal Structures as a Trust and a Foundation into the Civil Legislation of the Russian Federation 89
- Novikova K. S. Elements of E-Justice through the Prism of the Basic Principles of Legal Proceedings 96

Scientific Life

- Zaloilo M. V. The Subject of Law and the Dynamics of Its Legal Status in the Context of Digitalization 104

Tribute to the Scientist

- Mikhail Nikolaevich Marchenko (11.08.1940 – 02.07.2021) 121

Authors of «Vestnik Moscow City University»,

- a Series of «Legal sciences», 2021, № 3 (43)..... 125**

- Requirements for Style Articles 127

Принципы формирования аппарата управления в Германии (опыт для России). К 300-летию российской государственности

В статье на основе принципа синхронизации исследуются точки взаимодействия двух государств — России и Пруссии — на стадиях их возвышения: России — в империю, Пруссии — в королевство. Внимание концентрируется на анализе цели, подготовки и осуществления Великого посольства Петра в Европу в 1697–1698 годах. Помимо технико-промышленного опыта Запада интерес русского царя вызывали идеи так называемого регулярного государства, пропагандируемые немецкими философами Лейбницем и Пуффендорфом. На их фундаменте Петр рассчитывал строить свою империю.

Ключевые слова: Фридрих Великий; Петр I; королевство; империя; регулярное государство.

Проблематика вопроса. История отношений России и Германии (мы будем иметь в виду Пруссию) крайне противоречива. Россия дважды сталкивалась с Германией в кровопролитных мировых войнах, полностью менявших картину мира. Но при этом налицо династические интересы, кровными узами связывавшие эти две страны. Бесспорным остается высокий уровень управления Германии, обеспечивший ей эффективное развитие в разных отраслях науки, техники, социальной сферы и политики. В год 300-летия российской государственности, фундамент которой заложил Петр I, представляется важным интерес, который русский царь проявлял к системе управления в европейских странах. Этот интерес в исторической литературе о Великом посольстве Петра (1697–1698) не считался приоритетным — на первом месте стояло знакомство с техническими новшествами. Тем не менее идеи построения государства на точных математических расчетах, высказанные известными прусскими учеными, не могли пройти мимо острого механистического ума молодого Петра.

Нам известны только два случая построения государства в соответствии с заранее заготовленными планами: США, например, были организованы

сообразно идеям Т. Джефферсона. Российская империя формировалась Петром согласно принципам регулярного государства Г. Лейбница. Разумеется, государства не создаются от начала до конца по заранее разработанным проектам. Практика жизни часто вынуждает политиков-конструкторов менять заявленную в теории архитектуру.

Тем не менее синхронность процессов складывания государственности Пруссии и России позволяет вывести их управленческий компонент в повестку нашего исследования. Соответственно формулируются и *задачи нашей статьи*. *Во-первых*, это выяснение, на какой идеологической основе формировалось прусское служилое дворянство и какую роль играли в этом процессе государственные идеи Г. Лейбница и Х. Вольфа. *Во-вторых*, это раскрытие вопроса, в какой форме данные идеи нашли воплощение в деятельности прусского курфюрста Фридриха Великого и как они наследовались последующими прусскими королями. Для иллюстрации эффективности теории управления, выстраданной пруссаками и описанной впоследствии М. Вебером, автор вводит в научный оборот акты прохождения молодым Бисмарком экзаменационных испытаний для занятия простой должности референта в правительстве прусского города Аахена в 1836 году. *В-третьих*, надо выяснить, почему российскому монарху в сходных с Пруссией обстоятельствах не удалось завершить затеянный им процесс построения государства на регулярных началах.

Методология исследования построена на синхронизации исторических процессов, связанных с возвышением Пруссии (из курфюршества в королевство) и России (превращение в империю). Участвующие в синхронизации отношения по своей природе могут обладать неочевидным и неоднозначным характером или быть вовсе не познанными¹. Принцип синхронизации побуждает к поиску самых неожиданных контактов и форм взаимного влияния, причем последствия этих контактов и этого влияния дают подчас весьма неожиданные эффекты. Как представляется, именно такие связи Пруссии и России способны выступить в качестве интересного объекта научного исследования. Анализ последствий таких контактов помогает понять причины разнонаправленного развития наших стран при наличии их синхронности на начальном этапе становления государственности.

Исторические предпосылки имперского титула России. 300 лет назад русский царь Петр I принял титул Петра Великого, отца Отечества, императора Всероссийского. А Россия получила статус империи, что стало демонстрацией ее новой роли в международных делах. Случилось редкое в истории, если не сказать феноменальное, явление. Обычно народ и государство плывут по ходу истории, приспособляясь к новым, порожденным жизнью обстоятельствам. В нашем случае царь Алексей Михайлович и его сын Петр I осуществили проектный подход к построению государства. Государственность создавалась исходя из их представлений о том, как и из каких элементов

¹ Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории: монография [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Мир книг». URL: https://mir-knig.com/read_208828-8# (дата обращения: 03.03.2021).

следует конструировать Российское государство. Они сломали степенное течение истории, приложив титанические усилия для соединения национальной, византийской и западноевропейской традиций, укрепив тем самым страну.

Идеологически Алексей Михайлович и его сын придерживались разных взглядов. Если отец — убежденный грекофил, то Петр I — стопроцентный западник, к тому же «педагогически запущенный» и потому безрассудный, непредсказуемый; он, четырнадцатый ребенок в семье, не готовился к роли правителя. Тем не менее Россия освободила себя от эпизодов непродуманных действий Петра, отсеяла наносное и ненужное и оставила то, без чего послепетровская страна уже не могла существовать: армию, флот, промышленность, имперские атрибуты. Удивительно, но в исторической памяти русских сохранился так называемый проектный опыт, ставший неотъемлемым элементов нашего отношения к реальности. Двести лет спустя большевики не только осмыслили философию Маркса, но и провели эксперимент по строительству социалистического государства и нового общества. Можно ли сомневаться в том, что это напрямую связано с эпохой петровских преобразований?

Бытует убеждение, что Россию уже с XVI века можно считать империей. Русское слово «царь» (цезарь) — титул римских императоров. Утратив связь с Римом, оно стало обозначать правителя. По сути, и допетровская Россия не была изолирована от Европы. Как и все европейские державы, Московское царство опиралось на римскую традицию и являлось, как показал современный исследователь Михаил Кром, не восточной деспотией, а вариантом европейской государственной модели².

По мнению историков, имперский титул Петра был вызван к жизни претензией на вступление в клуб европейских держав. Эта заявка подкреплялась демонстрацией военной мощи, радикальными культурными и социальными преобразованиями, в частности внедрением европейских наук, образования, сословной организации, календаря, одежды и быта. Кстати, именно Петровские реформы создали русскую европейскую культуру, которая есть наш главный вклад в мировую историю³. Представляется вполне убедительным тот факт, что российская государственность имела не только собственный источник вдохновения. Свою государственно-политическую конструкцию она собирала из разных деталей, что отразилось на евразийском орнаменте России. Хотя базовая часть ее имела все-таки европейское происхождение.

² Кром М. М. Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4 (43). С. 5–14. — Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-istoricheskiy-fakt-evolyutsiya-predstavleniy-ob-osnovnoy-kategorii-istoricheskogo-poznaniya/viewer> (дата обращения: 03.03.2021).

³ Котов А. Э. Рождение империи. Как Россия начала жить в новом статусе [Электронный ресурс] // Наследие | Санкт-Петербургские ведомости. 2021. 10 февраля. № 23 (6861). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/rozhdenie-imperii-kak-rossiya-nachala-zhit-v-novom-statuse/> (дата обращения: 03.03.2021).

Следует подчеркнуть, что трансформация Московии в Российскую империю — это не одномоментный акт, сопровождаемый победным залпом Петра и петровского окружения. Россия шла к ней более 20 лет, решая задачи укрепления армии, расширения территорий, развития системы управления.

Исходным моментом последующего длительного наращивания имперских «мускулов» стало Великое посольство Петра в Европу в 1697–1698 годах. Дипломатический десант Петра I преследовал цель не только наладить дипломатическое сотрудничество и ознакомиться с техническими новшествами Европы. Не менее значимым являлось и намерение царя изучить искусство европейского политического и административного управления. Неизвестно, кто именно подсказал Петру мысль отправиться за границу в составе Великого посольства, но несомненно, что сама идея витала в воздухе [2, с. 89]. Именно это посольство можно считать переломным моментом русской истории, которым Петр и придал России западный вектор развития.

Пруссия и ее возвышение в эпоху Фридриха Великого. При анализе прусской и российской истории исследователю бросается в глаза синхронность исторических процессов возвышения Пруссии и России на рубеже XVII–XVIII веков. На этапе, когда Россия вела подготовку к реализации своего имперского проекта, прусский курфюрст Фридрих Вильгельм (1620–1688), прозванный Великим, подготавливал свое княжество к статусу королевства. Его безусловным достижением явилось превращение территориально и экономически слабо связанных между собой владений в сплоченную страну с эффективно функционирующим управленческим аппаратом. Именно при нем начала складываться абсолютистская система правления, внутри которой появились предпосылки для формирования служилого дворянства⁴.

Заметим, что у Гогенцоллернов не было такой огромной, как Россия, страны с неисчерпаемыми природными запасами. Скучными были людские ресурсы, не позволявшие отстоять независимость от крупных стран Европы. «Наполеон дунул, и Пруссии не стало» (А. З. Манфред). Они собирали бюджет по копейке, экономя на всем и используя все на одно достояние — армию.

Изучение истории династии Гогенцоллернов важно для понимания преемственности в действиях курфюрстов, королей, а затем и императоров из этой династии и логики правления самого Фридриха Великого, которому принадлежит фраза: «На мече и науке должно быть основано значение этого государства без прошлого, с одним только будущим»⁵. В завещании он написал: «Хотя союзы и могут быть достаточно хороши для обеспечения безопасности,

⁴ Беляев М. П. Воспитание кальвинистского правителя: детство и юность Великого курфюрста Бранденбурга Фридриха Вильгельма [Электронный ресурс] // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2013. № 2. С. 43–55. — Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-kalvinistskogo-pravitelya-detstvo-i-yunost-velikogo-kurfyursta-brandenburga-fridriha-vilgelma/viewer> (дата обращения: 03.03.2021).

⁵ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 2002. 816 с. [Электронный ресурс] // Rbook.ru: электронная библиотека. URL: <https://rbook.me/book/11659158/read/page/10/> (дата обращения: 03.03.2021).

однако собственная армия — лучше». Всю свою жизнь курфюрст посвятил служению своей стране, закладывая фундамент будущей Германской империи.

Умер Фридрих I, первый король в Пруссии, в феврале 1713 года в возрасте 55 лет, сумев возвысить свое курфюршество до королевства к 1701 году, за 20 лет до провозглашения России империей.

Наблюдаемая синхронность прусских и российских политических процессов, связанных с появлением в этих странах государственности, объясняет намерение Петра спроектировать российское государство по образу прусского регулярного государства. Что кроется в самом понятии «регулярное государство»? Идея такого государства родилась в умах немецких философов в середине XVII века.

Германский философ Готфрид Лейбниц рассматривал государство в виде огромных часов: «как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы»⁶.

Х. Вольф шел еще дальше: «Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз картинами, а уши — музыкою, пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзии, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые прилежали добродетели и благочестию»⁷.

Многие из представителей великокняжеской элиты читали сочинения Х. Вольфа и С. фон Пуффендорфа, но мало кто из них был вдохновлен идеей регулярного государства.

Взгляды научной школы «регулярного государственного строя» были созвучны воззрениям первого российского императора Петра I, который состоял в активной переписке с Лейбницем, при этом, правда, не читал его сочинений. Но получилось у Петра не все: не хватило времени собственной жизни.

Для Пруссии же была свойственна иная, чем в России, картина, в которой внимание руководства к формированию армии сочеталось с развитием просвещения. Политический капитал, наработанный Фридрихом Великим, не был растрочен его последователями. Они продолжали его линию, накапливая резервы на будущее переустройство страны. Логично предположить, что и прусское управление питалось идеями немецких ученых. Нет сомнений, что рационализм прусского управления эпохи Фридриха Великого и его наследников черпал свою идеологию из теории регулярного государства Лейбница,

⁶ Мережковский Д. С. Петр и Алексей [Электронный ресурс] // Онлайн-библиотека. URL: <https://online-knigi.com.ua/page/19593> (дата обращения: 03.03.2021).

⁷ Победоносцев К. П. Исповедь хулигана [Электронный ресурс] // GigaBaza.ru — документарное хранилище. URL: <https://gigabaza.ru/doc/156833-p66.html> (дата обращения: 03.03.2021).

образовав глубокую колею в сознании правителей Пруссии (эффект колеи), из которой они уже не могли выйти.

Спустя столетие после кончины Фридриха Великого зачинатель немецкой социологии, философ, экономист и историк Макс Вебер приступил к созданию теории рациональной бюрократии и материалом для нее вполне мог стать управленческий опыт Гогенцоллернов. Для таких выводов есть все основания. Квинтэссенция теории Вебера — человек-функция, чиновник, выполняющий заданную функцию при полном отсутствии человеческих эмоций⁸. Строго формальные, профессиональные и дисциплинарные правила должны быть сформулированы, а затем беспрекословно соблюдаться всеми сотрудниками организации и предполагать определенные санкции за их нарушение. В этом смысле М. Вебер считал важным полное документирование управленческого процесса, при котором все распоряжения и приказы отдаются и впоследствии хранятся в письменной форме [1, с. 71]. Постфактум представляется, что задача Вебера свелась лишь к тому, чтобы придать взглядам Фридриха Великого и идеям регулярного государства научную форму.

Жизнеспособность рациональной теории управления подтверждается ее длительным и эффективным использованием в Германии. Бесспорно, что «правильное» управление может оказывать колоссальное воздействие на трансформацию общества. «Правильное» управление формирует и отшлифовывает соответствующие теоретическим стандартам управленческие кадры.

Продемонстрируем этот тезис на примере становления административной карьеры Отто фон Бисмарка. В издании «Ежегодник Бисмарка» [3] нами обнаружены акты от 1836 года, отражающие в деталях процедуру прохождения Бисмарком экзаменов на занятие должности стажера в администрации прусского города Аахена. Вводимые в научный оборот документы имеют двойную ценность: во-первых, опровергают сложившиеся в научной бисмаркиаде представления о Бисмарке как о недостойном студенте с низким уровнем подготовки. Во-вторых, являют собой пример теории рациональной бюрократии, воплощенной в прусской реальности XIX века.

Анализируемые документы — это 27 страниц текста, состоящего из переписки главы королевского правительства города Аахена графа Арнима, его подчиненных и 21-летнего графа О. фон Бисмарка. Введением в дело явилось прошение Бисмарка на имя председателя городского президиума Аахена от 28 января 1836 года. Бисмарк выражает пожелание перейти с должности помощника окружного судьи в Берлине в администрацию Аахена, просит назначить ему комиссию для прохождения экзамена на должность референта и определить тематику экзаменационных испытаний. Сформулированная

⁸ Сокиркин Д. Н. Социология управления М. Вебера как основа немецкой концепции менеджмента [Электронный ресурс] // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 6 (126). С. 118–121. — Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-upravleniya-m-vebera-kak-osnova-nemetskoj-kontseptsii-menedzhmenta/viewer> (дата обращения: 03.03.2021).

экзаменаторами тематика оказалась весьма непростой и включала два вопроса: 1) природа и допустимость присяги в целом, а также в ее различных формах с позиции философии права и христианского учения о добродетели; 2) об экономии государственного бюджета, его сущности и успехах экономии с историческими примерами [3, с. 7]. Соискатель был предупрежден о необходимости самостоятельного выполнения задания. 20 мая Бисмарк доносит о выполнении письменного экзамена, подтверждает, что выполнил его самостоятельно, и просит, если комиссия сочтет его удовлетворительным, назначить дату и тематику устного экзамена. 15 июня комиссия, проверив письменную работу Бисмарка, результировала ее оценкой «очень хорошо».

30 июня Бисмарк был подвергнут устному экзамену, длившемуся три часа. В пакете документов имеется протокол устного экзамена. Разброс вопросов, предложенных Бисмарку, чрезвычайно широкий: греческий язык, латынь, философия и история. Затем шли вопросы об управлении имуществом, государственном праве, многим аспектам политэкономии и финансов, в особенности вопросы о прусской налоговой системе. Наконец, обсуждались различные материи прусского и французского гражданского права, общее немецкое ленное право, а также решения практических вопросов.

Кандидат продемонстрировал знание древних языков, переводы с греческого и латыни, свою интерпретацию речей Цицерона. Его ответы на поставленные вопросы можно было считать, по заключению экзаменаторов, абсолютно удовлетворительными. Бисмарк продемонстрировал хорошие знания в юридических науках. По его ответам на вопросы из области государственного права и политической экономии было видно, что он глубоко их продумал и имеет собственные взгляды на их решение.

Не менее высокими были признаны его познания из области римского права, прусского земельного права. Решая частные правовые случаи, он делал правильные выводы. В целом кандидат продемонстрировал превосходную силу убеждения, быстроту мысли, умение устной речи. Экзаменаторы единогласно оценили знания как очень хорошие [3, с. 14] и сочли, что Бисмарк вправе занять должность референта.

5 июля на пленарном заседании городского совета Бисмарк произнес служебную клятву, которая стала завершающим актом полугодовой процедуры замещения должности референта в городском правительстве. Но и этого оказалось недостаточным. Всю последовавшую за этим осень Бисмарк находился под жестким контролем своих непосредственных начальников, наблюдавших за тем, насколько ответственно он исполняет порученные ему обязанности. В итоге руководители департаментов единодушно посчитали, что Бисмарку можно поручать самостоятельную работу, но одновременно указали, что молодому человеку следует привыкать к точности исполнения заданий и служебной дисциплине [3, с. 22].

Обращение к истокам карьеры Бисмарка лишь ответвление от основной линии наших рассуждений. Оно призвано придать дополнительный акцент

важности идеи регулярного государства, обеспечившей стране прогрессивный рынок в развитии. Нельзя не учитывать серьезности экзаменационных испытаний, которые должен был пройти молодой Бисмарк, чтобы получить нижнюю по рангу должность референта в городском правительстве. Не слишком ли велики транзакционные издержки в виде экзаменов, растянувшихся на добрых шесть месяцев? Они ведь очень значительны, особенно если учесть, что речь идет о занятии должности простого письмоводителя. Но именно так выковывалась в Германии рациональная бюрократия.

К выводам. В заключительной части научного исследования принято подводить итоги, давать ответы на поставленные во введении вопросы. Мы специально выделяли синхронность процессов становления государственности в России и Пруссии. Их временное совпадение указывает на возможность наличия контактов между двумя странами, которые документально не обнаруживаются, но фактически существуют. В основе российского интереса (прежде всего самого Петра I) лежала идея реализации проекта регулярного государства. Этот интерес был подкреплён также и тем, что важнейшие элементы такого государства — армия, аппарат чиновников и образовательные учреждения — в Пруссии уже появились и успешно функционировали. Взяв их за образец, русский царь своей энергией запустил процесс перестройки российского государства. Но 52 лет его жизни не достало. Однако и прусские курфюрсты, и короли не отличались долгожительством, но все-таки умудрялись умножать и совершенствовать наследие Фридриха Великого, в то время как «птенцы Петра гнездова» не горели желанием продолжать его дело. Почему?

Первый вывод: однажды запущенные реформы следует доводить до победного завершения. Второй вывод: когда идея овладевает массами, она превращается в материальную силу, способную пробудить народ к творчеству. В петровской и послепетровской России отсутствовали для этого важнейшие предпосылки: свободный народ и просвещенная элита во главе с энергичным верховным правителем. В итоге приходится констатировать, что отмеченная нами синхронизация государственности Пруссии и России идеологически обогатила Российскую империю, наметила траекторию ее будущего развития, но объективно не смогла вывести страну на германский уровень управления.

Литература

1. Вебер М. Избранное: Образ общества / сост. С. Я. Левит. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 767 с.
2. Павленко Н. И. Сопратники Петра. М.: Мол. гвардия, 2001. 494 с.
3. Acta, betr. den Kammergerichts-Auscultator O. von Bismarck // Bismarck-Jahrbuch. Bd. 3. Hrsg. von Horst Kohl. Berlin: Verlag von D. Häring, 1896. 588 s.

Literatura

1. Veber M. Izbrannoe: Obraz obshhestva / sost. S. Ya Levit. M.-SPb.: Centr gumanitarny`x iniciativ, 2017. 767 s.

2. Pavlenko N. I. Soratniki Petra. M.: Mol. gvardiya, 2001. 494 s.

3. Acta, betr.den Kammergerichts-Auscultator O. von Bismarck // Bismarck-Jahrbuch. Bd. 3. Hrsg. von Horst Kohl. Berlin: Verlag von D. Häring, 1896. 588 s.

V. G. Baev

**Principles of the Administrative Machinery Formation in Germany
(Experience for Russia) to the 300th Anniversary of Russian Sovereignty**

Based on the principle of synchronization, the article examines the points of interaction of the states Russia and Prussia at the stages of their rise, the rise of Russia into an empire and the rise of Prussia into a kingdom. The attention is focused on the analysis of the purpose, preparation and implementation of the Great Embassy of Peter in 1697–1698 to Europe. In addition to technical and industrial experience of the West, the Russian tsar was interested in the ideas of the so-called regular state promoted by the German philosophers Leibniz and Puffendorf. Peter hoped to build his empire on their foundation.

Keywords: Frederick the Great; Peter I; kingdom; empire; regular state.

УДК 340.1

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.02

П. В. Васильев

Нетипичные, квази- и псевдоявления юридической реальности: отдельные проблемы и гипотезы их решения

В статье рассмотрены проблемы образования и использования юридических терминов с использованием форм имени прилагательного «нетипичные», а также морфем «квази-» и «псевдо-». Нетипичными предложено называть множественные явления, имеющие как содержательную, так и формальную общность с базовыми при различии с ними также в содержательных и формальных свойствах. Приставку «квази-» уместно использовать для обозначения явлений, сходных с базовым только содержательно, а «псевдо-» — для обозначения явлений, сходных с базовыми только формально.

Ключевые слова: юридическая терминология; нетипичные юридические явления; юридические квазиявления; юридические псевдоявления.

Сегодня можно встретить множество научных работ, в которых присутствует терминология, сочетающая формы имени прилагательного «нетипичные», а также морфемы «квази-» и «псевдо-».

Объединение проблематики изучения нетипичных, квази- и псевдоявлений в рамках одного исследования обусловлено общностью генезиса их возникновения или обнаружения. Изучаемые явления либо созданы путем изменения некоторых свойств базовых явлений (например, нетипичные формы правления), либо выявлены посредством диалектического сопоставления и противопоставления значимых для исследователя свойств базовых и производных явлений (например, юридические квазипоследствия [5]).

Принимая во внимание существенное расхождение во взглядах исследователей на научную терминологию, обозначим некоторые исходные суждения.

Научную проблему мы понимаем в философском смысле, то есть как специфическую форму научного знания о явлениях объективной или субъективной реальности, подробная характеристика которой обстоятельно представлена в специальной литературе [2, с. 85]. Любое знание о явлении — это суть отражение его свойств в принятой исследовательской парадигме. Последнюю мы понимаем в том смысле, который заложен в этот термин Т. Куном [9, с. 11].

В юридической реальности существуют лишь явления (феномены), то есть самостоятельные вещи, процессы и отношения. Явления обладают свойствами.

Последние самостоятельно от явлений не существуют, их никак нельзя считать явлениями без необоснованного удвоения реальности. Свойства явлений получают отражение в сознании познающего субъекта, образуя отдельные *признаки* и их системы, то есть *понятия*. Весьма распространенная методологическая ошибка исследователей, по нашему мнению, состоит в том, что какое-либо свойство явления в нарушение принципов системности и всесторонности получает отражение как *самостоятельное явление*. основополагающие суждения относительно типов юридических явлений и их свойств представлены нами в статье «О разработке основополагающей типологии государственно-правовых явлений» [4].

Под формой явления в настоящем исследовании понимаем способ существования его содержания. Последнее представляет собой систему существенных свойств, обуславливающих собственное качество этого явления. Диалектика — это методологический подход к познанию некоторого множества, класса явлений, предполагающий использование парных категорий, отражающих изменения в формальных и содержательных свойствах явлений по мере развития последних, описываемого законами отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей, взаимного перехода количественных изменений в качественные. В данном случае это важно, так как нетипичные, квази- и псевдоявления генетически производны от базовых либо понимание явлений изучаемого класса образовано путем последовательного со- и противопоставления их свойств со свойствами базовых явлений по заданным критериям.

Проблема разграничения свойств квази- и псевдоявлений осложнена также некоторой общностью смысла, вкладываемого справочными словарными изданиями в данные морфемы. Так, согласно «Большому толковому словарю русского языка» С. А. Кузнецова морфема «квази-» происходит от латинского слова *quasi*, обозначающего «как будто, будто бы», и представляет собой первую часть сложных слов со смыслом «мнимый, ложный, ненастоящий», а морфема «псевдо-» — от греческого слова ψεύδος, обозначающего «ложь», «вымысел», представляет она собой первую часть сложных слов и вносит значение «ложный, мнимый» [3, с. 424, 1041]. Однако закономерности соотношения содержательных и формальных свойств нетипичных, квази- и псевдоявлений юридической реальности с аналогичными свойствами их базовых явлений существенно различны. Именно это обстоятельство обусловило необходимость самостоятельного рассмотрения изучаемых явлений как некоторого однородного класса, внутри которого предлагаем различать существенные видовые различия.

Заложенная Аристотелем и поддержанная наукой традиция обосновывать научные выводы эмпирическими данными предопределяет обращение к анализу практики употребления терминологии, обозначающей указанный класс явлений.

Так, 17 апреля 2021 года мы воспользовались популярным научным ресурсом «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» для получения

следующей эмпирической информации. В графе поиска «Что искать» при ограничении тематики поиска опцией «Государство и право. Юридические науки» и при прочих равных условиях были сделаны три запроса: первый — с формулировкой «нетипичные», второй — «квази-», а третий — «псевдо-». Результатом поиска стало обнаружение из 36 566 728 имевшихся в базе работ следующего количества публикаций: по первому запросу — 897, по второму — 213, по третьему — 72. Данная эмпирическая информация показывает, во-первых, некоторый интерес к явлениям, обладающим необычными для отечественной юридической науки свойствами; во-вторых, нежелание авторов использовать терминологию, сочетающую формы имени прилагательного «нетипичные», а также морфемы «квази-» и «псевдо-»; в-третьих, нетипичные явления используются в юридической науке в 4,2 раза чаще, чем квазиявления, и в 12,4 раза чаще, чем псевдоявления.

Все три разновидности упомянутых явлений существуют в юридической реальности и входят в общий предмет юридической науки. Почему же авторы предпочитают избегать использования терминологии, связанной с указанными словоформами? Полагаем, что это обусловлено, во-первых, очевидным консерватизмом юридического мышления; во-вторых, неразвитостью методологии обнаружения и изучения таких явлений; в-третьих, как ни парадоксально, отсутствием выработанных и принятых научным юридическим сообществом правил терминообразования и употребления подобной терминологии.

Проблема консерватизма в юриспруденции получила достаточно пространное, на наш взгляд, описание в работах по данному предмету. Так, известный дореволюционный правовед С. А. Муромцев в работе «О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права» [12] изложил аспекты, вполне относимые к современной юриспруденции. Проблема консерватизма современного научного юридического мышления имеет множество самостоятельных аспектов, носящих более общий характер (методологический, мировоззренческий и др.), чем затронутый терминологический аспект, и может стать предметом самостоятельного изучения. В настоящем исследовании мы лишь обозначаем ее существование.

Относительно проблемы неразвитости методологии обнаружения и изучения таких явлений заметим, что она имеет также общий характер и может стать предметом обстоятельного исследования монографического уровня. Однако некоторые основополагающие суждения относительно методологии решения проблемы понимания юридических квази- и псевдоявлений считаем возможным и целесообразным предложить уже в настоящей работе.

Реализация закона достаточного основания в человеческом познании предполагает *фиксацию форм явлений*, абстрагируясь от которых познающий субъект осуществляет переход к пониманию содержания явления. Именно такой подход к научному познанию был заложен Аристотелем. Следуя аристотелевскому подходу изучения явлений от формы к содержанию, вначале рассмотрим сугубо формальный, то есть терминологический аспект проблемы.

Он состоит в *отсутствии выработанных и принятых научным юридическим сообществом правил терминообразования и употребления терминологии, пригодной для обозначения нетипичных, квази- и псевдоявлений.*

Применительно к изучаемому аспекту предмет исследования составляют *закономерности образования и употребления терминологии, отражающей нетипичные, а также квази- и псевдоявления.* Постараемся их выявить и сформулировать.

Если по поводу раздельного написания форм имени прилагательного «нетипичные» с другими лексемами неопределенности не выявлено, то этого нельзя сказать о практике терминологического обозначения квази- и псевдо-явлений. Изучение научных публикаций позволяет обнаружить как минимум четыре самостоятельных способа написания морфемы «квази-»: как приставки, например при обозначении феномена «квазипрофессиональное сознание» [16, с. 13], через дефис — «квази-обременения» [11], раздельное с основным словом — «квазиуголовная ответственность» [6], и даже в скобках — «(квази)спонтанная студенческая коммуникация» [20]. По поводу написания морфемы «псевдо» наблюдаем практически такое же многообразие: слитное написание, например, «псевдоколлизии в праве» [19], раздельное — «псевдо льготы» [1], через дефис — «псевдо-рабский» [8]. Полагаем, что изложенное доказывает существование обозначенной терминологической проблемы.

Обнаруженное нами в справочном издании по русскому языку правило написания: «Слитно пишутся начальные составные части *квази-, пан-, псевдо-*. Однако перед собственным именем они пишутся через дефис (*квази-Репин, пан-Америка, псевдо-Вольтер*)» [14, с. 77] — позволяет удовлетворительно снять указанную проблему. Заметим, что представленная позиция непосредственно основана на тексте Правил русской орфографии и пунктуации, утвержденных Академией наук СССР, Минвузом СССР и Минпросом РСФСР в 1956 году.

Можно было бы сделать упрек авторам неправильных способов написания указанных морфем в том, что они просто не знают правил русского языка. Однако при более общей постановке проблема терминологического обозначения сложных юридических явлений не может быть удовлетворительно решена забуриванием учебного материала. Дело в том, что научное мышление, привыкшее подчиняться закону достаточного основания, требует ответа на вопрос о причинах такого написания, а популярные справочные издания по русскому языку его не дают. Ответ на поставленный вопрос считаем возможным обнаружить в парадигме диалектики формы и содержания явлений.

Считаем аксиомой суждение о том, что *лексические решения по оформлению знания должны адекватно отражать сущность явления, то есть гармонично входить в систему терминологического аппарата науки, не вводя в заблуждение относительно его свойств, не создавая лишних, запутывающих понимание аллюзий.*

Указанное выше правило о написании слов с морфемами «квази-» и «псевдо-» применимо для снятия указанной терминологической проблемы, так как изучаемые явления *имеют единую и принципиально неделимую (без потери смысла) сущность*. Полагаем, что *единство неделимой сущности должно обуславливать соответствующее единство формы, то есть слитного в данном случае написания указанных морфем с основным словом*.

Если научное сообщество разделит с нами данное убеждение, то логично определить общий методологический подход к поиску решений указанной проблемы. *Первоначально необходимо отразить содержательные свойства нетипичных, квази- и псевдоявлений, а потом уже подбирать соответствующую терминологию для их оформления*.

Через дефис предлагаем писать вновь вводимую юридическую терминологию в том случае, если новый термин обозначает системное явление и имеет по этой причине в своем составе два или более термина, «обозначающих равноправные понятия» [14, с. 84] о явлениях, способных самостоятельно существовать друг без друга. При этом, будучи соединенными, эти явления обуславливают возникновение качественно новых интегративных свойств производного явления, принципиально отсутствующих у базовых. Если у автора возникает потребность в обозначении таких явлений с акцентированием внимания на этих интегративных свойствах, то вводимый термин целесообразно писать через дефис. Например, контрадикторно-трансформационный метод исследования, предлагает писать именно через дефис, так как он состоит в изменении исходной модели явления таким образом, что в производной модели изучаемого явления исследователь может обнаружить трансформацию свойств (выход за пределы базовой формы) — трансформационный аспект, но именно посредством контрадикции, то есть полного отрицания базового свойства в новой модели — контрадикторный аспект. При этом в качестве самостоятельных методов могут быть использованы как трансформационный, так и контрадикторный методы исследования [15, с. 41–54].

Если же перед нами не связанное неразрывным единством множественное явление, например обозначаемое терминами «источники права», «функции права», то все лексемы целесообразно писать отдельно. В таких случаях лексемы в их сочетаниях неравноправны, так как акцент сделан на первых словах. При этом у познающего субъекта есть возможность доказать отдельное существование как самого права, которое может и не функционировать (утратившие регулятивную силу древние памятники права; право, еще не получившее такую силу), так и источников в информационном смысле слова, которые к праву не имеют никакого отношения (художественная литература, публицистические работы и т. д.).

Принимая во внимание, что среди явлений изучаемого класса наибольшую распространенность имеют нетипичные, полагаем уместным начать изучение именно с них.

В текстах правовых актов формы имени прилагательного присутствуют, хотя и весьма ограниченно. Так, например, Росстат к нетипичным индивидуальным предпринимателям относит «хозяйствующие субъекты, у которых показатели “количество грузовых автомобилей”, “среднее расстояние перевозки одной тонны груза” или один из перечисленных показателей находятся за пределами, определенных экспертным путем максимального и минимального их пороговых значений»¹. В современной юридической науке упоминание нетипичных явлений распространено несколько шире, чем в практике. Различным нетипичным правовым явлениям внимание уделяли как отечественные, так и зарубежные исследователи. При этом каждый из авторов представляет свое видение *нетипичности* как свойства изучаемого им явления. Однако теоретически обобщенного понимания нетипичности как основного свойства указанных явлений в изученных работах обнаружить не удалось.

Изучение нетипичных юридических явлений на основе индуктивного методологического подхода показало существенное разнообразие в используемой терминологии. При этом нередко можно встретить использование форм имени прилагательного «нетипичные» в значениях, никак не соотносимых с пониманием категории «тип». Иными словами, часто вообще непонятно, почему авторы считают одни явления типичными, а другие нет. Однако в научной литературе представлены методологически ценные суждения относительно выявления и изучения нетипичных явлений. Так, например, с точки зрения внешнего проявления нетипичных феноменов речи представляет интерес замечание В. М. Сырых о нетипичных источниках научных публикаций. К последним автор относит опубликованные рукописные и эпистолярные работы, в которых в «*незавершенной* (курсив наш. — П. В.) форме могут содержаться отдельные принципиально важные теоретические положения по вопросам общей теории права» [17, с. 153]. Принимая во внимание предметную область теории и истории права и государства, было бы отступлением от принципа полноты оставление без внимания нетипичных явлений из сферы государства. Наиболее широко известными нетипичными явлениями, получившими отражение в государствоведении, выступают нетипичные формы правления.

Сказанное позволяет констатировать один значимый для нас научный факт — несмотря на достаточно широкую распространенность нетипичных юридических явлений и наличие отдельных теоретических и отраслевых разработок проблематики частных нетипичных феноменов, в теории права и государства отсутствуют какие-либо результаты генерализации знания о нетипичных юридических явлениях в целом.

¹ Приказ Росстата от 29 ноября 2013 г. № 458 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об общем объеме коммерческой перевозочной деятельности грузового автомобильного транспорта» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157163/ (дата обращения: 19.04.2021).

Само имя прилагательное «нетипичный» предполагает существование явлений типичных, то есть относимых к типу. По этой причине полагаем методологически оправданным, во-первых, установить понимание типа юридических явлений; во-вторых, определить типичные юридические явления; в-третьих, осуществив отрицание типичных свойств при сохранении других сущностных свойств (контрадикторно-трансформационный метод), разработать понимание нетипичных юридических явлений.

Справочные словарные издания определяют категорию «тип» в интересующем нас смысле как некоторый образец, своеобразную модель, форму, которым соответствует группа каких-либо явлений [3, с. 1323], разновидность явления, которое вместе с другими подобными составляют группу [18, с. 1357]. Словарное понимание типа говорит нам о том, что это некая *модель совокупности явлений в их однородном множестве, сформированная посредством выделения их наиболее существенных и устойчивых признаков.*

Можно заметить, что тип понимается в двух взаимосвязанных, но существенно различающихся и гносеологически самостоятельных аспектах: *как модель мира идей и как реально существующее множество явлений.* Так, например, типология государств предполагает первоначальное индуктивное формирование представления о типе государства вообще, то есть создание его базовой модели, а затем исследование конкретных государств посредством со- и противопоставления их свойств с типом.

На основе указанных словарных значений определим *тип правовых явлений в идеальном смысле как модель признаков множества явлений сферы правовой реальности, сформированную посредством выделения их наиболее существенных и устойчивых свойств, а в реальном — как совокупность явлений, выделяемых с использованием критерия обладания/необладания наиболее значимыми и существенными свойствами, в рамках более широкого множества однородных феноменов.*

Таким образом, термин «типичный» вполне уместно употреблять в словарном значении, то есть как воплощающий в себе характерные, наиболее существенные особенности какого-либо типа явлений, ярко выраженный, явный, наиболее часто встречающийся, характерный, обычный, естественный для какого-либо множества [3, с. 1324]; наиболее ярко и характерно представляющий собой некий общий класс явлений [18, с. 1357].

Преломляя сказанное через призму методологии изучения правовых явлений, для цели настоящего исследования заключим, что *типичные правовые явления представляют собой явления правовой реальности, которые обладают наиболее характерными, устойчивыми и существенными свойствами в ряду прочих явлений указанной сферы.*

Применяя контрадикторно-трансформационный метод, определим *нетипичные правовые явления как явления правовой реальности, которые, имея некоторые общие свойства с классом базовых, типичных, не обладают при этом наиболее характерными, устойчивыми и существенными свойствами*

по сравнению с типичными феноменами указанной сферы, либо к ним в ходе развития добавлено или выявлено нехарактерное для них свойство.

Теперь мы можем определить и диалектически соотнести понятия «типичность» и «нетипичность» для сферы явлений правовой реальности. Используя методологию построения изолирующей абстракции, определим понятие «типичность правовых явлений» применительно к объектно-предметной области настоящего исследования как *наиболее существенное свойство множества однотипных явлений правовой реальности, позволяющее однозначно разграничить их со всеми другими однородными, смежными явлениями.* Используя познавательный потенциал контрадикторно-трансформационного метода и ранее установленную закономерность возникновения нетипичных правовых явлений путем *добавления к типичным нехарактерного для них свойства, изъятия или замены такового,* определим нетипичность правовых явлений как *свойство совокупности однотипных явлений правовой реальности во множестве однородных, возникшее в результате добавления к типичным нехарактерного для них свойства, изъятия у типичных явлений их наиболее свойственного свойства, включая замену последнего нетипичным, при непрерывном условии сохранения общих сходств родового феноменологического множества.* При этом методологической ошибкой будет не уделить внимания последнему аспекту, а именно условию сохранения общих сходств родового феноменологического множества. Так, например, нетипичные формы правления должны предполагать наличие всех свойств форм правления, а не политико-правового режима или чего-то еще.

Таким образом, типичные и нетипичные явления состоят между собой в отношениях логической контрадикторности. С методологической точки зрения это означает, что познание нетипичных явлений возможно осуществить посредством контрадикторного противопоставления их типичным.

Типизируя явления юридической реальности, мы можем получать знания об их типах. Далее, *контрадикторно отрицая типичные признаки юридического явления или добавляя к нему нетипичные, мы методологически обоснованно можем получать научное знание о нетипичных юридических явлениях.*

Нетипичными правовыми явлениями считаем *вещи, то есть стабильно существующие явления, процессы и отношения, которые имеют общие формальные и содержательные свойства со множеством типичных вещей, процессов и отношений, но не совпадают с ними по другим, как формальным, так и содержательным, свойствам.*

Если наше исследование закономерностей возникновения и обнаружения нетипичных явлений юридической реальности верно, то рекомендации по образованию и употреблению терминологии с использованием форм имени прилагательного «нетипичные» могут быть следующими. Называть нетипичными допустимо те множественные или единичные юридические явления, которые имеют общие как формальные, так и содержательные свойства с типичными. При этом существование множества последних не вызывает обоснованных

возражений. Например, единичным нетипичным явлением можно назвать социалистическое правосознание [7], представляющее собой источник права в РСФСР революционного периода, а множественными — административные правовые акты, такие, например, как концепция регулирования, стратегия, дорожная карта, различные программные документы [13].

Несколько иначе обстоит дело с закономерностями возникновения юридических квазиявлений. Отметим, что в правовых актах морфема «квази-» присутствует, но весьма ограничено. Так, нам удалось обнаружить только один документ «Методика формирования статистики внешней торговли Российской Федерации услугами»², утвержденный Банком России. В нем есть упоминания о строительных квази-корпорациях (бригады и отдельные работники), выполняющих заранее согласованный с заказчиком объем работ. Написание термина, обозначающего изучаемое явление, через дефис показывает отрицание автором текста указанной методики правила о слитном его правописании. Возможно, настоящее исследование убедит его и других в целесообразности следования изложенному методологическому подходу решения терминологических проблем.

С содержательной точки зрения отметим значимое для настоящего исследования обстоятельство понимания строительных квазикорпораций. Банк России непосредственно утверждает, что деятельность таких субъектов права «относится к услугам, а не к оплате труда, поскольку не имеет в основе двусторонних отношений между резидентом и нерезидентом принципа “работодатель – работник”». Ознакомление с текстом данного документа позволяет сделать вывод о том, что использование морфемы «квази-» обусловлено существенным содержательным сходством строительных квазикорпораций с их базовым явлением — строительными корпорациями в части формирования статистики внешней торговли услугами. При этом формальное юридическое различие Банком России подчеркнуто весьма определенно — правоотношения, понимаемые в данном случае как способ юридического оформления социальных связей, с такими субъектами не имеют в своей основе принципа «работодатель – работник». Иными словами, различие между строительными квазикорпорациями и строительными корпорациями, использующими работников на основе трудовых отношений, имеет *строго формальный с юридической точки зрения характер*. Корпорации используют работников в рамках юридически оформленных трудовых правоотношений, а квазикорпорации — нет. Таким образом, строительная квазикорпорация как субъект права имеет со строительной корпорацией только содержательные общие признаки, такие как множественность участников и строительная деятельность. Однако *формального юридического свойства, то есть собственно трудовых правоотношений, в которых их участники имеют именно трудовые права и обязанности, у строительной квазикорпорации нет.*

² Методика формирования статистики внешней торговли Российской Федерации услугами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth_com_ext_tr_s/ (дата обращения: 19.04.2021).

В принципе, такой подход к пониманию юридических квазиявлений оправдан, так как позволяет относить к ним те, которые формально отличны от базовых, тогда как принципиально значимые содержательные свойства у них в значительной степени совпадают. При этом генетически юридические квазиявления произошли именно в силу изменения внешних, формальных юридических свойств при сохранении общих с базовыми содержательных и функциональных свойств.

Если считать наше предложение достаточно обоснованным, то возникает теоретическая и практическая возможность терминологически разграничить юридические квази- и псевдоявления, к которым предлагаем относить те, которые имеют только формальную, внешнюю общность свойств с базовыми при существенном содержательном их различии.

На наш взгляд, существо юридических псевдоявлений лучше всего отразил В. И. Ленин в ходе своего заключительного слова по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б), задав риторический вопрос: «Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство?» [10, с. 328]. Полагаем возможным определять *юридические псевдоявления как образованные от базовых юридических явлений путем существенного изменения содержательных, функциональных свойств при сохранении всех внешних, формальных.*

Распространенность терминов с морфемой «псевдо-» в правовых актах весьма незначительна и наблюдается только в текстах весьма узкоспециализированных актов, например в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2019 года № 32 «О внесении изменений в технический регламент Таможенного союза «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» (ТР ТС 009/2011)», в котором обозначено вещество «6,10-Диметил-3,5,9-андекатрин-2-он (псевдо ионон)». В науке терминология с морфемой «псевдо-» представлена значительно шире и использована корректнее.

Так, выделяя признаки псевдоколлизий в праве, В. А. Толстик указывает: «Псевдоколлизия будет иметь место тогда, когда в понятии, отражающем анализируемую ситуацию, не будет хватать хотя бы одного признака присущего коллизии в праве. ...Во-первых, *внешне* (курсив наш. — П. В.) противоречащие друг другу нормы (акты) могут быть предназначены для регулирования разнородных общественных отношений...» [19, с. 5]. Заметим, что в тексте работы В. А. Толстик, обозначая неоднократно признаки псевдоколлизий в праве, всегда отмечает только внешнюю их схожесть с коллизиями. Это значимо, диалектика формы и содержания позволяет сделать вывод о том, что *базовые и псевдоявления имеют в качестве общих только внешние, то есть формальные свойства, но не имеют содержательных, составляющих сущность явления.*

Подводя итог, отметим следующее.

Руководствуясь принципом научной точности употребления терминологии, можно предложить следующий вариант правил разграничения использования форм имени прилагательного «нетипичные», а также морфем «квази-» и «псевдо-».

Формы имени прилагательного «нетипичные» более приемлемы для обозначения явлений, имеющих как содержательные, так и формальные общие и различные свойства с базовыми, называемыми в этом случае типичными и образующими тип как генеральную совокупность признаваемых явлений. То есть нетипичными удобнее всего называть *множественные* явления, которые имеют одно или несколько общих сущностных и формальных свойств с типичными, *но при этом имеют также сущностные и формальные свойства, которые не присущи последним*. Формами данного имени прилагательного полагаем уместным называть, например, нетипичные источники права, нетипичные юридические акты и другие.

Приставку «квази-» полагаем уместным использовать в тех случаях, когда у базовых и квазиявлений есть общность только некоторых юридически значимых содержательных свойств с базовыми явлениями, но нет аналогичной общности свойств формальных.

Приставку «псевдо-» считаем уместной для обозначения явлений, которые имеют только формальные общие свойства с базовыми, но не обладают с ними общностью содержательных, функциональных свойств. Такие явления создают только видимость наличия базовых свойств и лучше всего могут быть охарактеризованы приведенным выше ленинским высказыванием.

Рассмотрев основы методологии понимания и обозначения юридических нетипичных, квази- и псевдоявлений, полагаем уместным обозначить проблему совмещения нетипичных и квазиявлений, а также нетипичных и псевдоявлений в сфере юриспруденции, которая может быть предметом более общего исследования.

Литература

1. Александренко М., Слюняев Д. Псевдольготы — тормоз на пути прогресса // Актуальные проблемы российского права и законодательства: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / сост. Е. В. Василенко. Екатеринбург: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2016. С. 45–47.
2. Баранец Н. Г. Философия науки: учебное пособие для аспирантов. Ульяновск: Вектор-С, 2011. 200 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Васильев П. В. О разработке основополагающей типологии государственно-правовых явлений // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 2. С. 108–118.
5. Васильев П. В. Правовые последствия и квазипоследствия: постановка проблемы соотношения явлений: монография. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2021. 72 с.

6. Вертлиб Ф. О., Чирков Е. В. К вопросу о квази уголовной ответственности юридических лиц // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 227–231.

7. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

8. Зайков А. В. Илоты древней Спарты: псевдо-рабский правовой статус и организованное социальное насилие (попытка объяснения феномена) // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом: материалы XVI Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета: в 2 т. / ред. кол.: Л. А. Закс [и др.]. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. С. 452–459.

9. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

10. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 43. 561 с.

11. Микрюков В. А. О государственной регистрации квази-ограничений и квази-обременений прав на недвижимое имущество // Нотариус. 2009. № 1. С. 24–27.

12. Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1875. 189 с.

13. Осинцев Д. В. Методы формирования административной политики // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 13–19.

14. Розенталь Д. Э. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы. М.: ОНИКС 21 век: Мир и Образование, 2004. 416 с.

15. Самойлов С. Ф., Насиров М. Н. Методологические основания интегративной природы социального познания. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2011. 158 с.

16. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 9–20.

17. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2001. 528 с.

18. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, 2003. 1582 с.

19. Толстик В. А. Коллизии и псевдоколлизии в праве: проблема разграничения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 336–341.

20. Ухова П. С. Современные тенденции развития (квази)спонтанной студенческой коммуникации: прагмасинтаксический аспект // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. В. Н. Степанов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2019. С. 573–586.

Literatura

1. Aleksandrenko M., Slyunyaev D. Pseudol'goty' — tormoz na puti progressa // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava i zakonodatel'stva: sbornik materialov

IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov, molody`x ucheny`x / sost. E. V. Vasilenko. Ekaterinburg: Sibirskij institut biznesa, upravleniya i psixologii, 2016. S. 45–47.

2. Baranecz N. G. Filosofiya nauki: uchebnoe posobie dlya aspirantov. Ul`yanovsk: Vektor-S, 2011. 200 s.

3. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.

4. Vasil`ev P. V. O razrabotke osnovopolagayushhej tipologii gosudarstvenno-pravovy`x yavlenij // Lex russica. 2021. T. 74. № 2. S. 108–118.

5. Vasil`ev P. V. Pravovy`e posledstviya i kvaziposledstviya: postanovka problemy` sootnosheniya yavlenij: monografiya. Ul`yanovsk: Izdatel` Kachalin Aleksandr Vasil`evich, 2021. 72 s.

6. Vertlib F. O., Chirkov E. V. K voprosu o kvazi ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz // Ugolovny`j process: ot proshlogo k budushhemu: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch. / pod red. A. I. Bastry`kina. M.: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2014. S. 227–231.

7. Dekret VCIK ot 30 noyabrya 1918 g. «O Narodnom Sude Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki (Polozhenie)» // SU RSFSR. 1918. № 85. St. 889.

8. Zajkov A. V. Iloty` drevnej Sparty`: psevdorabskij pravovoj status i organizovano-social`noe nasilie (popy`tka ob`yasneniya fenomena) // Rossiya v mire XXI veka: mezhdunarodny` dialogom: materialy` XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Gumanitarnogo universiteta: v 2 t. / red. kol.: L. A. Zaks [i dr.]. Ekaterinburg: Gumanitarny`j universitet, 2013. S. 452–459.

9. Kun T. Struktura nauchny`x revolyucij. S vvodnoj stat`ej i dopolnenny`mi 1969 g. / per. s angl. I. 3. Naletova. M.: Progress, 1977. 300 s.

10. Lenin V. I. Zaklyuchitel`noe slovo po dokladu o prodovol`stvennom naloge // Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M.: Izd-vo politicheskoy literatury`, 1970. T. 43. 561 s.

11. Mikryukov V. A. O gosudarstvennoj registracii kvazi-ogranichenij i kvazi-obremenij prav na nedvizhimoe imushhestvo // Notarius. 2009. № 1. S. 24–27.

12. Muromcev S. A. O konservatizme rimskoj yurisprudencii: opy`t po istorii rimskogo prava. M.: Tipografiya A. I. Mamontova i Ko, 1875. 189 s.

13. Osincev D. V. Metody` formirovaniya administrativnoj politiki // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 4. S. 13–19.

14. Rozentel` D. E`. Posobie po russkomu yazy`ku dlya postupayushhix v vuzy`. M.: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2004. 416 s.

15. Samojlov S. F., Nasirov M. N. Metodologicheskie osnovaniya integrativnoj prirody` social`nogo poznaniya. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2011. 158 s.

16. Sinyukov V. N. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost` i novizna // Lex russica. 2021. T. 74. № 2. S. 9–20.

17. Sy`ry`x V. M. Logicheskie osnovaniya obshhej teorii prava: v 2 t. T. 1: E`lementny`j sostav. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yusticinformat, 2001. 528 s.

18. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / pod red. D. V. Dmitrieva. M.: AST, 2003. 1582 s.

19. Tolstik V. A. Kollizii i psevdokollizii v prave: problema razgranicheniya // Yuridicheskaya tekhnika. 2017. № 11. S. 336–341.

20. Ухова П. С. Sovremenny`e tendencii razvitiya (kvazi)spontannoj studencheskoj kommunikacii: pragmasintaksicheskij aspekt // Russkaya grammatika: aktivny`e processy` v yazy`ke i rechi: sbornik nauchny`x trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma / nauch. red. V. N. Stepanov. Yaroslavl` : Yaroslavskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo, 2019. S. 573–586.

P. V. Vasiliev

**Nontypical, Quasi- and Pseudo-Phenomena of Legal Reality:
Individual Problems and Hypotheses for their Solution**

The article deals with the problems of the formation and use of legal terms using the forms of the adjective «nontypical», as well as the morphemes “quasi” and «pseudo». It is proposed to use the adjective «nontypical» to call multiple phenomena that have both substantive and formal commonality with the basic ones, with a difference also in content and formal properties. It is appropriate to use the prefix «quasi» to denote phenomena that are similar to the basic ones only in meaning and to use «pseudo» to denote the phenomena that are similar to the basic ones only formally.

Keywords: legal terminology; nontypical legal phenomena; legal quasi-phenomena; legal pseudo-phenomena.

УДК 340.112

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.03

Д. А. Пашенцев

Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу¹

В статье с использованием положения теории технологических укладов показаны особенности развития законодательства, детерминированные цифровизацией. Дана характеристика моделям законодательства: догоняющей и опережающей, пирамидальной и сегментарной, выявлено их соотношение в современной российской практике. Показаны перспективные направления развития законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу. Сделан вывод, что потребности регулирования отношений, непосредственно связанных с экономической деятельностью, во многом определяют основные направления развития законодательства.

Ключевые слова: законодательство; цифровизация; технологический уклад; модели законодательства.

Введение

В современных условиях важным фактором динамики общественных отношений и, как следствие, их правового регулирования выступает цифровизация. Стремительно развивающиеся цифровые технологии превращаются в драйвер экономического роста. Изменение параметров социально-экономического и технологического развития позволяет ученым говорить о начале перехода к новому, шестому технологическому укладу. Этот переход вызван кумулятивным эффектом новых технологий, в состав которых, наряду с цифровыми, можно включить био-, нано-, когнитивные и некоторые другие. В экономической сфере под влиянием цифровых технологий происходит изменение темпов и направлений развития. В то же время представляется обоснованным мнение о том, что следует говорить не о формировании цифровой экономики как принципиально нового типа, а о «цифровизации отдельных сегментов экономики при открываемых научно-техническим прогрессом возможностях использования технологий в сферах производства и потребления» [6, с. 12].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

Развитие цифровых сегментов экономики существенно меняет целый ряд параметров системы общественных отношений, включая правовую сферу общества. Динамика современной экономики связана с активным использованием новых технологий в производстве и сфере услуг, развитием интернет-торговли, появлением и продвижением виртуальных и цифровых продуктов, многократным повышением значения и ценности информации.

Новые технологии (цифровые, а также нано-, био-, когнитивные и другие), усиливая друг друга, определяют начало перехода к новому технологическому укладу, что неизбежно влияет на динамику и направления развития общественных отношений [4, с. 33]. Право как регулятор этих отношений неизбежно меняется вслед за ними, отражая происходящие в социуме процессы.

Определение подходов к формированию направлений развития законодательства в целях его адаптации к формирующейся цифровой экономике должно опираться на понимание тех закономерностей трансформации правового пространства, которые непосредственно связаны с развитием цифровых технологий и их внедрением в экономическую сферу. Необходим тщательный прогностический анализ всех изменений, которые связаны с формированием цифровой экономики и должны получить свое отражение в ходе совершенствования правового регулирования.

Методологической основой исследования выступает теория технологических укладов, которая была сформулирована и обоснована учеными на основе анализа мировых социально-экономических процессов [1]. С помощью этой теории, имеющей в определенной степени междисциплинарный характер, можно проследить влияние новых технологий на динамику права, выявить перспективные направления развития законодательства.

Основное исследование

В условиях, когда новые технологии детерминируют переход к шестому технологическому укладу, требуется серьезная модернизация законодательства как важного источника правового регулирования экономических отношений. Направления такой модернизации в существенной мере определяются теми изменениями, которые происходят в общественных отношениях в условиях цифровизации экономической сферы. Но также они зависят от самой сущности закона как источника права, от его особенностей, проявляющихся в современных условиях.

Сложно отрицать потребность в принятии новых законодательных норм и целых актов, отвечающих вызовам времени и потребностям экономического развития в условиях цифровизации. При этом совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно опираться на результаты научно-теоретического исследования происходящих в современной правовой системе процессов. Вызовы цифровой реальности предъявляют повышенные

требования к развитию теории права, которой предстоит проанализировать направления трансформации правовой сферы общества, определить тенденции развития права и законодательства.

Для российской правовой системы основным источником права выступают нормативные правовые акты, а среди них главную роль играют законы, которые обладают высшей юридической силой и регулируют наиболее важные общественные отношения. Динамика общественных отношений под воздействием цифровизации детерминирует повышенное внимание к развитию законодательства, его формальных и содержательных параметров [5, с. 99].

В силу своей важности законы имеют особый порядок принятия, который предполагает последовательное прохождение законопроектов через ряд инстанций в рамках системы законодательной (представительной) власти. Такой порядок призван обеспечить высокое качество и юридико-техническое совершенство принимаемых законов, их соответствие общественным интересам. В то же время он существенно замедляет весь процесс принятия законов.

В условиях цифровой экономики темпы развития общественных отношений многократно ускоряются, это требует гибкого и оперативного правового регулирования, незамедлительного реагирования на новые феномены, своевременного выявления и устранения пробелов в правовом регулировании, число которых под влиянием цифровизации возрастает. В этих условиях регулятивного потенциала законов в ряде случаев оказывается недостаточно. Законотворчество все больше приобретает догоняющий характер, законодатель с опозданием реагирует на возникновение новых групп общественных отношений. Происходит смещение баланса от законов к подзаконным нормативным актам, что негативно влияет на устоявшуюся модель правового регулирования.

В целом в условиях цифровой экономики законодательство может иметь две модели развития: догоняющую и опережающую.

В рамках первой модели законодатель реагирует на появление новых сфер общественных отношений, вызванных к жизни развитием цифровых и иных технологий и их внедрением в экономику. Это предполагает активный мониторинг правоприменительной практики, в том числе и для своевременного выявления новых пробелов в законодательном регулировании, обнаружения недостаточно эффективно работающих в новых условиях правовых норм.

В рамках второй модели предполагается опережающее принятие новых норм, ориентированное на результаты правового прогнозирования. Данная модель имеет как свои преимущества, так и определенные недостатки.

Преимуществом модели опережающего законотворчества выступает то, что в этом случае возникающие в цифровой экономике новые отношения с самого начала становятся предметом регулирования уже действующих норм, что не создает темпорального пробела в правовом регулировании, повышает его эффективность, способствует укреплению правопорядка в экономической сфере.

Недостатком данной модели является возможная недостоверность прогнозирования, его сохраняющийся вероятностный характер, что может повлечь

за собой принятие таких норм, которые в дальнейшем останутся невостребованными. В свою очередь, это может негативно сказаться на эффективности правового регулирования, но не нанесет реального ущерба развитию экономических отношений.

Помимо новых технологий, на развитие законодательства влияют и иные факторы, в результате образуется общий вектор динамики законодательства. К числу таких факторов можно отнести конституционную реформу 2020 года, влияние которой на процесс законотворчества в определенной мере сочетается с имеющимся технологическим воздействием.

Современное законотворчество характеризуется сочетанием пирамидальной и сегментарной моделей, соотношение между которыми может изменяться.

Пирамидальная модель предполагает иерархическое развитие системы нормативных правовых актов, движение правотворческой деятельности сверху вниз — от так называемой основной нормы, то есть положений Конституции, к более широкому кругу законодательных актов, а затем к конкретизирующим их подзаконным актам. Она характеризуется достаточно равномерным распределением принимаемых законопроектов по тем сферам общественных отношений, которые они регулируют. Особенно востребована пирамидальная модель правотворчества после принятия новой конституции, когда существует потребность в существенном обновлении действующего законодательства в соответствии с новыми конституционными нормами.

В условиях, когда конституционная реформа привела к обновлению лишь некоторых положений Основного закона, пирамидальная модель правотворчества оказывается востребованной лишь частично, поэтому, как показывает проведенный мониторинг, она сочетается с сегментальной моделью.

Сегментальная модель предполагает выборочное, неравномерное развитие правотворчества в разных сферах общественных отношений. В каждом случае особенности такой модели определяются существующими потребностями в регулировании тех или иных конкретных групп общественных отношений. Элементы сегментальной модели, как показал проведенный мониторинг, также отчетливо проявляются в развитии правотворческой деятельности в рассматриваемый период. В то же время преобладание такой модели может в перспективе привести к формированию диспропорций в законодательном регулировании разных сфер, в том числе критически важных для общества и государства.

В условиях, когда законодательство приводится к требованиям обновленной Конституции, продолжается иерархическое развитие системы нормативных правовых актов, наблюдается упомянутое выше движение правотворческой деятельности сверху вниз — от положений Конституции к более широкому кругу законодательных актов, а затем и к конкретизирующим их подзаконным актам. В то же время продолжается выборочное, неравномерное развитие правотворчества в разных сферах общественных отношений, представляющих наибольшую актуальность на данный момент, что характерно для сегментарной модели. На перспективу прогнозируется постепенное смещение баланса

от пирамидальной к сегментарной модели по мере решения задачи приведения законодательства к требованиям, соответствующим конституционным поправкам. Такое смещение в значительной степени вызвано сегодня именно воздействием цифровых технологий, появлением под их влиянием новых сфер общественных отношений.

Исходя из сказанного, важным направлением развития законодательства является повышение его гибкости и оперативности, достигаемое в том числе и с помощью цифровых технологий. Это направление не относится к числу содержательных, оно связано не с новыми нормами и институтами законодательства, а непосредственно с самим законом как источником права. Вместе с тем данный аспект непосредственно связан с регулированием отношений в условиях цифровой экономики, повышением эффективности реализации законодательных норм. Ученые, изучающие перспективы развития законодательства в условиях цифровизации, пишут о прогнозируемом переходе к новому этапу развития законотворчества — цифровому, что будет означать трансформацию источников права [2, с. 54]. Характерными чертами этого этапа могут стать следующие:

- широкое внедрение в законотворческий процесс цифровых технологий (искусственный интеллект, программный код), способных не только изменить саму схему этого процесса, но и оптимизировать систему действующего законодательства;
- планомерное внедрение с помощью цифровых технологий правового прогнозирования с целью повышения позитивного эффекта от принятия новых законов, определения их оптимального содержания;
- трансформация существующих законотворческих технологий, что наглядно проявляется на примере правового эксперимента, который в условиях цифровизации эволюционировал в так называемые регуляторные песочницы, т. е. экспериментальные правовые режимы, применяемые в инновационных областях;
- внедрение новых законотворческих технологий, обеспечивающих насущные потребности общества²;
- более активное использование в законотворческой деятельности общественного обсуждения законопроектов с помощью сети Интернет, дальнейшее развитие технологий правотворческого краудсорсинга в направлении возрастания демократического характера законотворчества;
- прогнозируемый переход к машиночитаемым нормам, алгоритмизации законотворчества;

² Примером служит регуляторная гильотина, которая используется для отмены большого массива законодательных норм. При этом стоит учитывать, что подобные решения должны быть взвешенными и обоснованными. Применение регуляторной гильотины возможно только после глубокой проработки вопроса научным экспертным сообществом, чтобы отмена большого количества актов не повлекла за собой появление существенных пробелов в нормативном правовом регулировании.

– пополнение аксиологической составляющей законотворческой деятельности новыми, ранее неизвестными ценностями, в том числе связанными с цифровыми правами;

– появление новых структурных образований в системе права — циклических нормативных правовых массивов³;

– повышение влияния негосударственных структур, включая сетевые сообщества, на процесс законотворчества, начиная от стадии законодательной инициативы и до обсуждения принимаемых законодательных актов и результатов применения действующего законодательства;

– обеспечение опережающего характера законодательного регулирования в условиях высоких темпов развития общественных отношений [9, с. 122–123].

Также представляется возможным выделить в рамках обозначенной выше сегментарной модели ряд направлений и особенностей содержательного характера, непосредственно связанных с развитием законодательства в условиях цифровой экономики.

Первое направление определяется самим характером процесса цифровизации экономики, когда особое значение приобретает обмен информацией, а также развитие рынка информационных и иных услуг, которые предоставляются с помощью сети Интернет и иных цифровых сервисов и платформ [3, с. 44]. В связи с этим отмечается необходимость приоритетного развития законодательства об информации, интеллектуальной собственности, защите интеллектуальных прав. Также предполагается активное развитие законодательства об оказании услуг в Интернете, защите прав потребителей информационных услуг.

Второе направление связано с необходимостью приоритетного развития гражданского законодательства, что определяется необходимостью выравнивания баланса между частным и публичным правом. В настоящее время сложилась диспропорция между публично-правовым и частноправовым регулированием, между императивными и диспозитивными нормами. Представляется, что потребности цифровой экономики определяют необходимость усиления диспозитивной направленности действующего законодательства, которое должно предоставлять больше возможностей участникам экономических отношений определять детали своего взаимодействия, устанавливая договорные начала регулирования, гибко отвечающие меняющейся экономической ситуации. Сегодня очевидна потребность в более активном использовании диспозитивного метода правового регулирования, основанного на договорных отношениях, вступление в которые строится на партнерстве, взаимном согласии и общем интересе участников этих отношений. Современная практика свидетельствует о расширении значения договора в качестве универсального средства правового воздействия на развивающиеся общественные отношения, что характеризует его как общеправовую категорию. В определенной степени это обусловлено увеличением объемов договорного регулирования в сфере

³ Ученые выделяют, в частности, циклические массивы цифрового и антикоррупционного законодательства [8].

публичного права. Поиск адекватных договорных форм применительно к складывающимся на практике конкретным ситуациям приводит к выводу о необходимости разработки новых договорных механизмов, раскрытия природы договора с точки зрения публично правовой конструкции и ее законодательного закрепления.

Третье направление развития законодательства связано с самими цифровыми технологиями, а также их применением в экономических отношениях.

Современная цифровая экономика активно начинает использовать искусственный интеллект, блокчейн, большие данные, финтех и регтех, интернет вещей и т. д. При этом использование данных инструментов еще не в полной мере урегулировано законодательством. Остаются вне правового поля смарт-контракты, которые в силу своей природы могут заключаться и исполняться без применения правовых норм. В связи с этим законодательство требует дополнения в части норм, регулирующих применение этих инструментов участниками экономических и иных общественных отношений. В перспективе прогнозируется принятие целого законодательного массива, направленного на регулирование применения цифровых технологий. При этом речь идет не о формировании новой отрасли, а скорее о новом циклическом правовом массиве, объединяющем все цифровые нормы, которые пронизывают уже существующие отрасли законодательства [7]. Этот цифровой массив, помимо специального законодательства, отражающего специфику определенной сферы общественных отношений, также охватывает отраслевые нормы, воспроизводящие существующие разновидности соответствующих отношений. Образуется структурно обособленная область правовой регламентации, неоднородная по своему составу и разноректорная по объектам правового воздействия.

Четвертое направление определяется необходимостью развития отраслей законодательства в целях их адаптации к цифровой экономике, в том числе гражданского законодательства (развитие законодательства о сделках, законодательная регламентация оборота виртуальных объектов в цифровом пространстве, цифровизация публичных реестров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), трудового законодательства в части, касающейся правовой защиты граждан от безработицы в условиях информационных технологических новаций в сфере труда, обеспечения регулирования трудовых отношений людей с гибкой и дистанционной занятостью, финансового, банковского и инвестиционного законодательства и т. д.

Вывод

Проведенное исследование показало, что в условиях развития технологий пятого технологического уклада и начала перехода к шестому укладу цифровизация оказывает существенное воздействие на формальные и содержательные параметры законотворческой деятельности, в значительной мере определяя

динамику законодательства. Формирование цифровой экономики предъявляет новые требования к законодательству как в формальном, так и в содержательном отношении. В итоге именно потребности регулирования отношений, непосредственно связанных с экономической деятельностью, во многом определяют основные направления развития законодательства, научные и практические подходы к формированию нового законодательного массива. В то же время, несмотря на цифровизацию многих сфер общественной и государственной жизни, процесс формирования межсистемных связей цифрового законодательства с другими отраслями на практике происходит весьма медленно, прогнозируемая тенденция к формированию в сфере цифрового законодательства нового циклического правового массива в настоящий момент в полной мере не реализована и может рассматриваться только как перспективная.

Выявленные особенности законотворчества укладываются в рамки сегментарной модели, в связи с чем можно прогнозировать дальнейшее опережающее развитие законодательства, регулирующего отношения в сфере экономики.

Литература

1. Глазьев С. Ю. О неравномерности современного экономического роста как процесса развития и смены технологических укладов // Социология. 2013. № 4. С. 42–52.
2. Иванюк О. А. Источники цифровой трансформации права // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 48–61.
3. Корчагина Т. В., Николаев А. И. Российский конституционализм в условиях новой информационной реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2020. № 3. С. 42–47.
4. Пашенцев Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2020. № 4. С. 32–38.
5. Рогачев М. А. Закон в российской дореволюционной правовой мысли (на примере работ А. Д. Градовского, Н. С. Суворова, В. Н. Хвостова) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 1. С. 99–104.
6. Синицын С. А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 8–15.
7. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
8. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–19.
9. Alimova Dina R., Zaloilo Maxim V., Ivanyuk Oksana A., Pashentsev D. A. historical stages in the development of domestic lawmaking: from imperial tradition to digital innovation // Вопросы истории. 2020. № 11–2. С. 122–123.

Literatura

1. Glaz`ev S. Yu. O neravnomernosti sovremennogo e`konomicheskogo rosta kak processa razvitiya i smeny` texnologicheskix ukladov // Sociologiya. 2013. № 4. S. 42–52.

2. Ivanyuk O. A. Istochniki cifrovoj transformacii prava // Transformaciya pravovoj real'nosti v cifrovuyu e'poxu: sbornik nauchny'x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. M.: INFRA-M, 2019. S. 48–61.
3. Korchagina T. V., Nikolaev A. I. Rossijskij konstitucionalizm v usloviyax novoj informacionnoj real'nosti // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 3. S. 42–47.
4. Pashencev D. A. Sistema prava Rossii v usloviyax perexoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 4. S. 32–38.
5. Rogachev M. A. Zakon v rossijskoj dorevolucionnoj pravovoj my'sli (na prime-re rabot A. D. Gradovskogo, N. S. Suvorova, V. N. Xvostova) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1. S. 99–104.
6. Sinicy`n S. A. Grazhdanskoe pravo v sovremenny`x social`no-e`konomicheskix usloviyax // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 1. S. 8–15.
7. Xabrieva T. Ya. Pravo pred vy`zovami cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 9. S. 5–16.
8. Xabrieva T. Ya. Ciklicheskie normativny`e massivy` v prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 12. S. 5–19.
9. Alimova Dina R., Zaloilo Maxim V., Ivanyuk Oksana A., Pashentsev D. A. historical stages in the development of domestic lawmaking: from imperial tradition to digital innovation // Voprosy` istorii. 2020. № 11–2. S. 122–123.

D. A. Pashentsev

The Main Directions and Features of the Development of Legislation in the Context of Digitalization and the Transition to a New Technological Order

The article considers the features of the development of legislation determined by digitalization using the provisions of the theory of technological structures. The characteristics of the lawmaking models are given, such as catch-up and advance, pyramidal and segmental, their correlation in modern Russia is revealed. The perspective directions of lawmaking in the context of the transition to a new technological structure are shown. It is concluded that the needs of regulating relations directly related to economic activity largely determine the main directions of the development of legislation.

Keywords: legislation; digitalization; technological structure; models of lawmaking.

УДК 34.01

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.04

Т. В. Шатковская

Становление публично-правовых оснований Российского государства: к юбилею юридического оформления Российской империи

Статья посвящена выявлению особенностей перехода в России от фактического к юридическому порядку политических отношений. Автором определены основания и подходы к формированию публично-правового порядка Российского государства, а также раскрыто их влияние на современное отечественное публичное право.

Ключевые слова: публичное право; Российское государство; публично-правовой порядок; общественный долг; рецепция права; Российская империя.

При определении тенденций развития современного государства нам не избежать обращения к историческому опыту, который выполняет двоякую роль. С одной стороны, он выступает надежным критерием оценки правильности планируемой модернизации государства и права. С другой стороны, пережитое служит культурным основанием последующих преобразований в диалоге с исторической традицией. И в этом смысле проблематика исследования, несмотря на то что она относится к началу XVIII века, весьма актуальна, поскольку юбилейная дата, связанная с юридическим оформлением Российской империи, возродила интерес к проблематике государства, причем не только у научного сообщества, но и у представителей государственной власти.

В аспекте политического запроса на формирование сильного государства необходимо напомнить о том, что с начала XVIII века государственное развитие опирается на идею связанности государства правом. Эта идея имеет давнюю историю научного обоснования, но весьма непродолжительный опыт юридической разработки и законодательного оформления.

Как справедливо отмечал Ф. В. Тарановский, если частное право имеет тысячелетнюю историю и, соответственно, значительный юридический материал для создания его догматики, то правовая культура государственной жизни начинается не с признания государством частного права, а вследствие воплощения государством идеи его связанности правом в конкретных юридических формах [9, с. 105–106].

При всей дискуссионности, которую вызывает идея связанности государства правом в юридической науке, отметим, что именно переход от фактического

к юридическому порядку политических отношений и складывание публичного права способствовали формированию современного государства. Фактические политические отношения отличаются изменчивостью, нестабильностью, хаотичностью, что препятствует формированию политической системы общества и устойчивых оснований его государственного строя.

Условия такого перехода правоведы определяют по-разному. Так, Р. Иеринг одним из таковых считал «двухсторонне-обязательную силу закона» [5, с. 257], то есть подчинение государственной власти издаваемым ею законам. Представители психологической школы права считали необходимой наличие «правовой проекции индивида или общества на политические отношения, а именно связанность правом субъектов политических отношений» [10, с. 15], порождающую социально-психологическую потребность в нормативной определенности и систематизации.

Полагаем, что переход от фактических политических отношений к правовым возможен при наличии двух ключевых условий: институциональной готовности политической организации к признанию ее правовой и восприятие в общественном правосознании идеи связанности государства правом как социальной ценности, обуславливающей запросы и требования со стороны общества к государству о признании права основой политических отношений и гарантированности юридической связи субъектов права.

В российском общественном правосознании идея связанности государства правом получила своеобразную трансформацию. Это объясняется, на наш взгляд, влиянием восточно-христианской идеологии, воспринимающей любые человеческие установления как несовершенные. В то время как западноевропейская юриспруденция освобождается от религиозного влияния и опирается на рационалистические идеи римского права, обладающие прагматизмом и целесообразностью, в российском общественно-политическом сознании XVIII века право не воспринималось как социальная ценность, а использовалось как средство государственного управления. В итоге фактически сложившиеся тогда отношения господства и подчинения становятся источником для идейного обоснования юридической природы абсолютистского государства, заложенного в конструкцию его правопорядка.

При сохраняющейся в России в начале XVIII века видимости преемственности государственного развития нельзя не заметить явного стремления верховной власти разорвать сложившиеся в Московском государстве патриархальные политические отношения, придав им не только новые внешние атрибуты, но и упорядочив их при помощи западноевропейских юридических конструкций и форм. «Петербургский период» Российского государства ознаменовался сознательным отказом от пестроты источников права, переходом всей полноты законодательной власти в руки императора для создания единого универсального общеимперского правового порядка.

Начало XVIII века становится важным переходным этапом развития отечественного публичного права, в ходе которого удалось перейти от юридикации

фактических к формированию публично-правовых политических отношений. На данном этапе постепенно просачивавшиеся в российское идейно-политическое пространство рационалистические западноевропейские идеи приобрели законодательно закреплённый статус ориентиров государственного развития.

Российское общественное сознание в принудительном порядке получило «прививку» западноевропейским рационализмом. И, несмотря на то что после смерти Петра I происходит закономерный откат к патриархальным, проверенным политическим отношениям, идея законности государственной власти и необходимости публично-правовой трансформации политических отношений постепенно внедряется в общественное правосознание.

Значимость изучения рассматриваемой проблематики обусловлена тем, что на данном этапе научного дискурса выработаны некоторые основания и подходы к формированию публично-правового порядка Российского государства. И эти основания весьма противоречивы.

Публично-правовой порядок формируется на основе широкого использования метода юридической централизации. Первая четверть XVIII века по праву может быть признана периодом максимального использования данного метода в досоветской истории российского публичного права. Складывание империи путем расширения централизованной власти на подвластные территории настоятельно требовало упорядочения, унификации и единообразия правового регулирования. И это достигалось тем, что единственным источником права становится верховная воля императора. Любое решение до момента утверждения царем считалось мнением или в исключительных случаях временным решением и только после его подписания носителем абсолютной власти становилось источником действующего права. Исключением не были и решения Сената. Для примера приведем указ 1721 года под названием «Мнение Сената о беглых», заверенный восемью сенаторами, но вступивший в законную силу только после подписания императором.

Кроме того, именно в петровский период была введена практика широкого заимствования юридических конструкций, выработанных догмой западного публичного права, и упорядочения с их помощью российских общественно-политических отношений. Такое упорядочение осуществлялось без должного теоретического осмысления, что В. М. Гессен объясняет «низким умственным уровнем нашего общества», индифферентного к вопросам государственной жизни [3, с. 38].

Проблемы восприятия иностранных актов, сотнями поступавших из всех уголков Европы, начинались с их перевода. Согласно архивным данным, к переводу законов, инструкций, уставов и прочих актов привлекались иностранцы, находившиеся на российской службе, послы, иностранные купцы, многие из которых слабо владели русским языком. Некоторые юридические тексты так и остались непереуслышанными в силу отсутствия знающих язык людей и сложности содержащихся в них «высоких речей» [2, с. 81]. Только

к началу 20-х годов XVIII века данная проблема была решена введением в штат коллегий должности переводчика.

Востребованность такой должности была высока, так как, судя по документам Кабинета Петра I, каждый принятый в этот период закон имел в основании собранные иностранные источники. Так, Регламент Адмиралтейства был составлен на основании французских морских кодексов, прежде всего ордонанса Людовика XIV. В свою очередь последующие регламенты коллегий должны были основываться на этом адмиралтейском регламенте [1, с. 109]. И хотя на такие вопросы, как объем и характер содержательного заимствования установленных в европейских актах правил поведения, до сих пор нет четких ответов в отечественной историко-правовой науке, полагаем, что мощный приток юридической информации и терминологии, западноевропейского правоприменительного опыта не мог не повлиять на юридическое мышление, систему ценностей и правосознание российского общества.

Наблюдением и собиранием западноевропейского (прежде всего шведского, датского, но также и английского, французского, испанского, итальянского) права Петр I занимался не только лично, но и посредством дипломатов и тайных агентов. Источники урегулирования таких сугубо национальных вопросов общественно-политической жизни, как церковное устройство, систематизация основных положений православного вероучения, наследование дворянских имуществ, организация коллегий и иных органов управления, в том числе военного, создание табели о рангах, разыскивались по всей Европе [1, с. 37].

Это приводило к тому, что, с одной стороны, юридические нормы приобретали противоречивый характер, так как архаические по своей сути отношения облекались в несвойственную им модернизационную форму. С другой стороны, они воспринимались обществом как чужеродные и не находили отклика в его сознании. Положительное право начинает рассматриваться как средство реализации чуждых интересов и вторжения в сферу частных интересов лица.

Наглядной иллюстрацией тому служит знаменитый указ Петра I «О хранении прав гражданских» от 13 апреля 1722 года, который оставался настольной книгой российского чиновничества вплоть до 1917 года. Его основанием послужило искаженное толкование императорских указов чиновниками, включая сенаторов, производимое даже в присутствии самого императора. Возмущенный такими злоупотреблениями Петр I распорядился под угрозой смерти не изменять ни литеры в регламентированных нормах, не предлагать новых правил по вопросам, уже урегулированным регламентами, и своими вымыслами указы (правду) не портить. Тем самым подданные приучались под угрозой наказания исполнять утвержденные царем законы. При этом они оставались внешними по отношению к субъектам, которые не осознали, не пережили и не восприняли эти юридические предписания как свои.

В петровский период законность насаждалась путем установления внешней поведенческой дисциплины, полицейского порядка и жестких наказаний за их нарушение. Принудительные меры не вызывали сочувствия не только

у обывателей, но и у сподвижников царя, а также заглушали их творческую инициативу [2, с. 106]. Данные сенатского архива подтверждают тот факт, что многие сенаторы поневоле участвовали в законодательном оформлении новых государственных порядков и пытались при этом привести юридические нормы регламентов к правовым основаниям допетровского законодательства. Например, при подготовке Регламента Главного магистрата Сенат, с одной стороны, правил первоначальный проект закона в сторону обеспечения петровской политики самостоятельности городов и исправной выплаты горожанами казенных платежей; с другой стороны, внес ряд изменений, предписывающих обер-президенту Главного магистрата при осуществлении судебной деятельности твердо держаться норм Соборного уложения 1649 года [2, с. 156].

Главным источником публичного права России становится закон как выражение воли монарха. Закон перестает быть носителем правды, религиозного и этического минимума, а также общей справедливости. Его предназначением становится закрепление целесообразных политических устремлений верховной власти. Правильность политических отношений теперь не связана с освящением их волей предков и соответствием Божественным законам, она санкционируется государством в надлежащем порядке и форме.

Закон создается в ходе управленческой, а не собственно законодательной деятельности. Поэтому фактически источником для формирования догмы публичного права выступали административные акты, в большинстве своем это были разнообразные указы, должности, уставы, инструкции, регламенты. Юридизация политических отношений осуществлялась исходя из политических целей государства. Юридические нормы публичного права обладали не связующей, а принудительной силой. Их значимость обуславливалась местом органа, его принявшего, в нормативно закреплённой иерархии государственной власти. Самостоятельность исходивших не от государства источников права отрицалась, действие правовых обычаев допускалось только в силу прямого указания на них в законе.

Справедливости ради отметим, что в значительной степени единоличное принятие царем законов позволяло возводить не только сословные, но и государственные интересы в ранг закона. Так, Петр I решил проблему отсутствия свободной наемной рабочей силы для создания отечественной промышленности введением института посессионного владения и запретом возвращения беглых фабричных работников их владельцам. Заменой миноратной на майоратную систему наследования было существенно расширено служилое сословие, что способствовало формированию российской бюрократии и офицерства.

Именно воззрения Петра I на государство, приобретенные им прежде всего методом наблюдения и фиксируемые затем в записную книжку, зачастую становились новыми правилами политической жизни [2, с. 48]. Такими законами из записной книжки «наблюдательного законодателя» стали Духовный регламент, Морской устав, Должности Сената и др. Только в ходе учреждения системы коллегий Петр I собственноручно составил 27 различных указов,

которыми он пытался уничтожить старые служебные порядки и внедрить систему центральных органов по европейскому образцу [1, с. 195–269]. Для сравнения: Сенат — высший законосовещательный орган при Петре I — разработал в то время всего два законопроекта [2, с. 107].

Другим источником, побуждавшим законодательную инициативу императора, становились проекты, отчеты, мнения, доношения, челобитья, предложения, ходатайства наиболее активных и деловитых представителей церкви, светских и военных чинов, дипломатов, коммерсантов. Петр I не только поощрял, но даже и вменял в обязанность ответственным за исполнение его поручений лицам предлагать решения насущных проблем государственной жизни. О масштабах этой общественной инициативы свидетельствует архив Кабинета Петра I, содержащий 95 томов, многие из которых превышают тысячу листов [2, с. 61]. К примеру, по разработанному князем А. Черкасским проекту Петр I изменяет практику выполнения казенных работ. Настоятельные доношения военного инженера В. Геннинга стали источником указа от 20 февраля 1717 года о привлечении детей духовенства к гражданской службе [Там же, с. 64–65].

Анализ опубликованной части общественных инициатив приводит к выводу о том, что чаще всего в законную форму облекались ходатайства, обеспечивавшие интересы государства. Такой подход позволял императору прорабатывать отдельные практические стороны государственного управления, но препятствовал складыванию системы публичного права, поскольку юридическая деятельность субъектов права ограничивалась поиском и осуществлением надлежащих приемов соблюдения и исполнения многочисленных юридических предписаний.

В итоге властность, иерархичность, принудительный характер становятся признаками российского публичного права. Так, сторонник естественно-правового подхода И. А. Покровский считает, что централизация составляет сущность публично-правовых отношений [7, с. 9]. Ученый не разграничивает властное правовое регулирование и применение метода централизации.

Свобода как сущностный элемент права, означающая возможность субъекта пользоваться правами по-своему усмотрению, в данный период полностью отсутствовала. Характерным в этом смысле является пример развития Петром I промышленности в России. Предписывая давать собраным в компанию русским торговцам заводы, он добавляет, что если они этого «непохотят», то делать это неволью [2, с. 119].

На данном этапе сформировалась и тесная взаимосвязь российского публичного права и политики. Источником публичного права становится верховная власть. В этом смысле интересное высказывание содержит словарь В. И. Даля. При определении значения слова «власть» приводится такое высказывание: «Закон определяет власть каждого должного лица, а верховная власть выше закона» [4, с. 243]. В Руководстве к познанию законов М. Сперанский напишет: «Империя Российская есть монархия в коей все стихии державного права соединяются в особе Императора» [8, с. 49].

Отсутствие единых правовых оснований, общих понятий, правовых конструкций и принципов публичного права в силу серьезных пробелов в научном осмыслении политических отношений, с одной стороны, порождало множественность несистематизированных противоречивых нормативно-правовых актов; с другой стороны, приводило к догматизации устаревшего политического устройства, сдерживая формирование правовых связей, творческую политическую активность общества и отдельных индивидов.

В частности, именно петровское законодательство закрепило сословную стратификацию общества как законную. В обществе, разделенном на сословия, дворянский состав «созаконодателей» императора начал тормозить разработку и реализацию актов, нацеленных на расширение политических прав других сословий. В результате этого только общественно-политическая деятельность дворянского сословия получала законные основания. Другие сословия вплоть до времени образования земских и городских учреждений были лишены или ограничены в юридической возможности заявлять о своих политических интересах и добиваться придания им законной формы.

Вместе с тем именно в петровский период впервые в формирующемся публичном праве был закреплён принцип законности и в приоритет поставлено его неукоснительное соблюдение прежде всего органами государственной власти, компетенция которых впервые разграничивается; также были разработаны юридические основания и критерии профессиональной государственной службы; юридически оформлено понятие государственного интереса, служебного и общественного долга; получает закрепление письменная форма нормативно-правовых актов, словесные же указы к концу правления Петра практически сводятся на нет; внедрена практика широкой публикации и учета законов; предпринята попытка осуществить юридическое конструирование политических отношений в соответствии со стратегическими целями государства [6, с. 31]. Впервые законы сопровождаются разного рода введениями, в которых не только содержится историческая справка, но и разъясняется основная идея закона и существо государственных преобразований.

Многие понятия, введенные в этот период в публично-правовой оборот, получили в XX веке конституционное оформление. Например, понятие долга нашло закрепление в Конституциях СССР 1936 (ст. 130, 133) и 1977 годов (ст. 31, 61, 62, 64, 68, 69), а также в ст. 59 Конституции РФ 1993 года.

По инициативе Петра I впервые законодательную охрану получила честь подданных. Он принимает указ, запрещающий использование самоуничижительных имен при обращении к верховной власти [1, с. 162]. Вслед за этим должностные лица получили право подписывать акты, имеющие подзаконный характер. Тем самым закреплялась личная ответственность исполнителя за порученное ему дело.

Подводя итоги, выделим уроки петровской модернизации российского публичного права, которые, как нам представляется, россиянам не удалось выучить:

– во-первых, при создании нового нельзя недооценивать прошлый опыт, а следует качественно переосмысливать национальное «пережитое». При этом отметим, что именно Петр I впервые начал систематическое собирание памятников российского права, ощутив в этом практическую потребность при проведении законодательных работ. Об этом свидетельствует донесение Коллегии иностранных дел Сенату от 16 октября 1720 года [1, с. 86];

– во-вторых, даже благие политические цели не могут осуществляться антигуманными средствами. Предназначение публичного права состоит не в принудительном упорядочении общественных отношений (как сказано в одном из указов Петра I: «навязать народу недостающие ему блага»). Выстраивание политических отношений исключительно по принципу господства и подчинения приводит к их упрощению. Важно обеспечить прочные юридические основания каждой личности и объединениям личностей для саморазвития, самореализации и самодеятельности. Этими юридическими возможностями лицо наделяется публичной властью при условии выполнения правовых требований, определяющих пределы личной инициативы [11, с. 18–22];

– в-третьих, необходимо избавиться от ложного предрассудка, что в истории российского права есть полностью изученные темы, их нет. Прежде всего это касается истории публичного права, которая до сих пор не написана. У нас есть только ее предпонимание. Ее не следует путать с историей публичных отраслей законодательства. Только тщательная научная проработка публично-правового опыта России и позволит продолжить работу по совершенствованию юридических оснований российского публичного права.

Литература

1. Вознесенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / под ред. Б. И. Сыромятникова. Т. 1. М., Л., Изд-во Академии наук Союза ССР, 1945. 602 с.
2. Вознесенский Н. А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 407 с.
3. Гессен В. М. Общее учение о государстве. Лекции, читанные в С.[анкт]-Петербургском политехническом институте. СПб.: Типо-лит. И. Трофимова, 1912. 190 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1999. 699 с.
5. Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Издательство Н. В. Муравьева, 1881. 425 с.
6. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 27–35.
7. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. 328 с.
8. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1845. 171 с.

9. Тарановский Ф. В. Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии: историко-методологическое исследование. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1904. 342 с.

10. Тоцкий Н. М. Кризис науки государственного права. СПб.: Правда, 1914. 124 с.

11. Шатковская Т. В. Человек как юридическая личность в правовой концепции И. А. Покровского // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 18–22.

Literatura

1. Voznesenskij N. A. Zakonodatel'ny'e akty' Petra I. Redakcii i proekty' zakonov, zametki, doklady', donosheniya, chelobit'ya i inostranny'e istochniki / pod red. B. I. Sy'romyatnikova T. I. M., L., Izd-vo Akademii nauk Soyuzha SSR, 1945. 602 s.

2. Voznesenskij N. A. Petr Velikij kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo processa v Rossii v e'poxu reform pervoj chetverti XVIII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 407 s.

3. Gessen V. M. Obshhee uchenie o gosudarstve. Lekcii, chitanny'e v S.[ankt]-Peterburgskom politexnicheskom institute. SPb.: Tipo-lit. I. Trofimova, 1912. 190 s.

4. Dal' V. I. Tolkovny'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4 t. T. 1. M.: Rus. yaz., 1999. 699 s.

5. Iering R. Cel' v prave. SPb.: Izdatel'stvo N. V. Murav'eva, 1881. 425 s.

6. Pashencev D. A. Gosudarstvenny'e preobrazovaniya petrovskogo vremeni cherez prizmu istoriko-antropologicheskoy teorii prava (k 300-letiyu provozglasheniya Rossijskoj imperii) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 27–35.

7. Pokrovskij I. A. Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava. Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1917. 328 s.

8. Speranskij M. M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancelyarii, 1845. 171 s.

9. Тарановский Ф. В. Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии: историко-методологическое исследование. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1904. 342 с.

10. Тоцкий Н. М. Кризис науки государственного права. СПб.: Правда, 1914. 124 с.

11. Шатковская Т. В. Человек как юридическая личность в правовой концепции И. А. Покровского // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 18–22.

T. V. Shatkovskaya

Formation of the Public Legal Foundations of the Russian State: to the Anniversary of the Legal Registration of the Russian Empire

The article is devoted to identifying the features of the transition from the actual order to the legal order of political relations in Russia. The author defines the foundations and approaches to the formation of the public law order of the Russian state and discloses their influence on modern Russian public law.

Keywords: public law; Russian state; public order; public duty; reception of law; Russian Empire.

С. А. Бурьянов

Право на свободу совести в современном мире: основные проблемы и подходы к их решению

В статье исследованы проблемы и перспективы реализации права на свободу совести на международном и внутригосударственном уровнях, включая Россию. Предложены подходы к решению выявленных проблем. Делается вывод, что совершенствование принципов, норм и механизмов защиты прав человека в сфере свободы совести будет способствовать преодолению этноконфессиональных конфликтов и укреплению международной безопасности.

Ключевые слова: ООН; этноконфессиональные конфликты; международная безопасность; права человека; свобода совести.

Право на свободу совести признается в качестве важной составляющей международно признанных и конституционных прав человека в современных демократических государствах, включая Россию. На международном уровне оно закреплено во Всеобщей декларации прав человека (1948), пактах о правах человека (1966) и других основополагающих международно-правовых актах. Конституция и законодательство России также декларируют свободу совести, свободу вероисповедания каждому, но весьма спорно делают акцент на регулировании деятельности религиозных организаций.

Упоминание многих государств в качестве нарушителей международно признанной и конституционной свободы совести в докладах международных правозащитных организаций является лишь малой видимой частью мировых проблем. Это говорит как минимум о серьезных недоработках в данной области.

В 2019 году представитель ООН выразила обеспокоенность по поводу проблем со свободой совести в России и призвала пересмотреть ее «антиэкстремистское» законодательство. Также было предложено «снять обвинения и освободить лиц, задержанных в связи с осуществлением их права на свободу

религии или вероисповедания, свободу выражения мнения, а также свободу на мирные собрания и ассоциации»¹.

Международная правозащитная христианская организация Open Doors публикует ежегодный список стран, преследующих христиан. В 2018 году впервые за последние семь лет в список Open Doors попала Россия. Она заняла 41-ю строчку и расположилась между Кенией (40-е место) и Малайзией (42-е место). В частности, отмечается, что нарушения прав христиан зафиксированы на Северном Кавказе².

В Докладах Международного этического и гуманистического союза (ИHEU) рассматриваются нарушения прав атеистов в более чем 80 государствах мира. Из их числа к наиболее злостным нарушителям относятся: Афганистан, Бруней-Даруссалам, Иран, Мавритания, Малайзия, Мальдивская Республика, Саудовская Аравия, Судан, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан. Также отмечается, что 69 стран объявили вне закона «богохульство» или критику религии по аналогичным законам, в 6 из них законодательства предусматривают смертную казнь. Между тем по меньшей мере 18 стран объявили вне закона «отступничество» (сам факт или объявление факта ухода или смены религии), в 12 из них имеется закон о смертной казни. Международный этический и гуманистический союз в рамках Организации Объединенных Наций и других международных институтов продолжает освещать дела обвиняемых «отступников» и призывает государства отменить их средневековые законы³.

С учетом ключевой роли этноконфессионального фактора в мировых конфликтах и войнах [3], можно говорить о том, что от соблюдения права на свободу совести зависит глобальная, региональная и национальная безопасность [5]. Разбалансировка международных отношений, нарушение стратегической стабильности, этноконфессиональные конфликты и проблемы соблюдения прав человека — это не для всех очевидные, но все-таки звенья одной цепи [1]. Приходится признать, что условная карта современных конфликтов в значительной мере совпадает с картой несоблюдения прав человека в сфере свободы совести, нарушений права на свободу совести.

В свою очередь, сохранение полноты свободы совести существенно зависит от взаимоотношений государств с религиозными организациями. Как правило, привилегии для одних конфессий оборачиваются ограничениями для других, что также является фактором дестабилизации и конфликтогенности.

¹ Верховный комиссар ООН раскритиковала приговор датчанину в РФ по делу «Свидетелей Иеговы» [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 7 февраля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6091341> (дата обращения: 07.06.2020).

² Россия попала в список преследующих христиан стран впервые за семь лет [Электронный ресурс] // РБК. 2019. 16 января. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5c3f228d9a794778ad909e4e> (дата обращения: 08.06.2020).

³ Editorial Introduction [Электронный ресурс] // Freedom of Thought Report. URL: <https://fot.humanists.international/editorial-introduction/> (дата обращения: 04.06.2020).

По данным Pew-Templeton Global Religious Futures 2017 от Pew Research Center, в котором анализируются религиозные изменения и их влияние на общества во всем мире, более 80 стран из 199 создали привилегированные условия для некоторых религий. Из них почти 40 ввели государственный статус для избранных религиозных течений, а еще 40 поддерживают их неофициально. Кроме того, Вьетнам, Китай, Куба, Северная Корея, а также Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан жестко контролируют религиозные объединения⁴.

В материале Pew Research Center от 2019 года отмечается, что за десятилетие, с 2007 по 2017 год, правительственные ограничения на религию — законы, в целом политика действий государственных чиновников, ограничивающих религиозные убеждения и обычаи, — заметно возросли во всем мире.

Кроме того, с 2007 года, когда Pew Research Center начал отслеживать эту проблему, также возросло социальное давление, связанное с религиозными отношениями, включая насилие и домогательства со стороны частных лиц, организаций или групп. Действительно, последние данные показывают, что 52 правительства, в том числе некоторые, действующие в очень густонаселенных странах, таких как Китай, Индонезия и Россия, устанавливают высокие или очень высокие уровни ограничений на религиозную деятельность по сравнению с 40 такими странами в 2007 году, где люди испытывают самые высокие уровни социальной вражды с участием факторов религиозного характера, в ходе десятилетнего исследования цифра возросла до 56⁵.

Далее в отчете отмечается, что правительственные ограничения выросли несколькими различными способами. Законы и политика властей, ограничивающие свободу вероисповедания (например, требующие, чтобы религиозные группы обязательно регистрировались для возможности своей деятельности) и государственный фаворитизм религиозных групп (например, посредством финансирования духовенства, религиозного образования, содержания собственности) неизменно были наиболее распространенными видами ограничений во всем мире и в каждом из пяти регионов, охваченных исследованием: Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа, Ближний Восток — Северная Африка и страны Африки к югу от Сахары. Оба типа ограничений росли, глобальный средний балл в каждой из этих категорий в период с 2007 по 2017 год увеличился более чем на 20 %⁶.

⁴ Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially [Электронный ресурс] // Pew Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2017/10/03/many-countries-favor-specific-religions-officially-or-unofficially/> (дата обращения: 04.06.2020).

⁵ A Closer Look at How Religious Restrictions Have Risen Around the World. Tenth annual report dives deeper into the ways government restrictions on religion and social hostilities involving religion have changed, from 2007 to 2017 [Электронный ресурс] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewforum.org/2019/07/15/a-closer-look-at-how-religious-restrictions-have-risen-around-the-world/> (дата обращения: 04.06.2020).

⁶ Там же.

При этом следует отметить, что актуальные исследования Pew Research Center's посвящены нарушениям религиозной свободы, а не мировоззренческой свободы каждого человека. Таким образом, результаты упомянутого исследования несколько смягчают картину реальности. О серьезных проблемах реализации упомянутого права регулярно предупреждает международная правозащитная организация Human Rights Watch⁷.

На внутригосударственном уровне проблемы реализации свободы совести неоднократно поднимались на заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека⁸, в материалах государственных⁹ и неправительственных правозащитных структур [7]. В ходе одного из заседаний Совета В. В. Путин выразил удивление в связи с преследованиями организации «Свидетели Иеговы», заявив, что это «полная чушь»¹⁰. В 2018 году участники Правозащитного совета Санкт-Петербурга выпустили заявление, в котором осудили преследования граждан по религиозному признаку и выступили за необходимость отмены норм об «оскорблении чувств верующих» (ст. 148 УК РФ)¹¹.

Сотрудники [2] и студенты [4] кафедры международного права и прав человека Школы права Института права и управления МГПУ 20 лет ведут фундаментальные исследования в области прав человека на свободу совести, что нашло отражение в более чем 10 монографиях [8] и 100 научных статьях [6].

Наряду с огромным значением свободы совести для жизни современного общества были выявлены системные проблемы реализации этого права на международном и внутригосударственном уровнях, а также на теоретико-правовом, нормативно-правовом и правоприменительном.

Исследования выявили системообразующее влияние уровня научной разработанности теоретико-правовых проблем в области прав человека в сфере

⁷ Всемирный доклад – 2019: Посягательства автократов на права человека встречают отпор [Электронный ресурс] // Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2019/01/17/326425> (дата обращения: 04.06.2020).

⁸ СПЧ обеспокоен ситуацией с гонениями на Свидетелей Иеговы [Электронный ресурс] // Сайт Московской хельсинской группы. URL: <https://mhg.ru/news/spch-obespokoен-situaciyе-s-goneniyaми-na-svideteley-iegovу> (дата обращения: 07.06.2020).

⁹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 07.06.2020).

¹⁰ Опубликована полная стенограмма встречи Совета по правам человека с Президентом России Владимиром Путиным 11 декабря 2018 г. Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5135> (дата обращения: 07.06.2020).

¹¹ Правозащитный совет Петербурга выступил против религиозного неравенства, особенно заметного в РФ после принятия «законов Яровой» [Электронный ресурс] // Портал-Credo.ru. URL: <https://credo.press/218646/> (дата обращения: 07.06.2020).

свободы совести на эффективность работы принципов и норм международного и внутригосударственного права, предопределивших появление системных проблем на уровне правоприменения, а конечном итоге — недостаточный уровень их реализации в государствах современного мира в целом и в России в частности. Крайне слабый уровень научной разработанности ключевых и смежных терминов в сфере права на свободу совести предопределил низкую эффективность принципов и норм международного права и их неудовлетворительное взаимодействие с внутригосударственным законодательством Российской Федерации.

Важный блок теоретико-правовых проблем в сфере права на свободу совести связан с проблемой соотношения источников и форм упомянутого права. С позиций разграничения источников и форм права на свободу совести в Российской Федерации действует единая система форм международного и внутригосударственного права на свободу совести, взаимосвязанная с системой форм прав человека.

Концепции верховенства международного права и правового государства выступают важной основой реформирования принципов и норм международного и внутригосударственного права на свободу совести. Концепции верховенства права и правового государства взаимосвязаны не только между собой, но и связаны с правовой определенностью принципов и норм права, являющейся стабильной и предсказуемой основой успешности реализации прав человека в сфере свободы совести и недискриминации. Среди многих факторов правовой определенности принципов и норм права основополагающим является юридическая терминология, а именно ключевые правовые понятия (с помощью которых выражается содержание нормативных предписаний), поскольку именно из них формируются юридические конструкции и нормативные акты. Несоответствие ключевой юридической терминологии требованиям правовой определенности делает невозможным единообразное понимание и толкование принципов и норм международного и внутригосударственного права на свободу совести, предопределяя их низкую эффективность.

Важнейшей основой для реформирования форм международного и внутригосударственного права на свободу совести является концепция мировоззренческого нейтралитета, взаимосвязанная с концепциями верховенства международного права и правового государства, ориентированных на реализацию прав человека. Здесь также отметим тенденции к сближению правовых семей и отказу от некоторых элементов конфессиональных предпочтений. В России концепция мировоззренческого нейтралитета нашла отражение в ст. 14 Конституции РФ, которая закрепила «принцип светскости государства и равенство религиозных объединений».

В связи с многочисленными проблемами реализации права на свободу совести, а также в связи формированием глобальной взаимозависимости государств необходимы исследования взаимосвязи этих проблем с толерантностью и противодействием нетерпимости в обществе. Международно признанное

право на свободу совести, концепция мировоззренческого нейтралитета тесно взаимосвязаны с толерантностью и противодействием ксенофобии, нетерпимости и дискриминации, закрепленными в принципах и нормах международного права, а также во внутригосударственном праве России. Следует подчеркнуть необходимость системной работы по формированию толерантности как взаимоуважения на основе равноправия вне зависимости от различий и противодействию нетерпимости, проводимой через международные организации и государственные системы образования.

Для повышения эффективности принципов и норм международного и внутригосударственного права в сфере свободы совести необходима системная работа на всех упомянутых уровнях и решение ряда первоочередных задач. Первой такой задачей, безусловно, является выработка адекватной теоретико-правовой базы.

Далее на этой основе, а также с учетом требований юридической техники, можно будет реформировать принципы, нормы и институты на международном и внутригосударственном уровнях. В условиях усиления глобальных процессов и обострения планетарных проблем речь сегодня идет о необходимости не точечных изменений, а о масштабной системной реформе. Здесь ключевая роль должна принадлежать ООН и ее специализированным межправительственным учреждениям и неправительственным агентствам, которые должны существенно укрепить доверие и механизмы взаимодействия с неправительственными организациями и государствами современного мира. Исходя из понимания объективной природы глобальных процессов модернизация взаимодействий мировых политических институтов должна быть направлена на их интеграцию, взаимопроникновение и открытость.

В Российской Федерации инициировать реформы могут и должны представители академического сообщества, государственных и неправительственных правозащитных организаций. Представляется актуальной и своевременной инициацией совместной Всероссийской программы МГПУ и Аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ «Свобода совести: проблемы теории и практики».

В качестве вывода отметим, что совершенствование принципов, норм и механизмов защиты прав человека в сфере свободы совести будет способствовать преодолению этноконфессиональных конфликтов и укреплению международной безопасности.

Литература

1. Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018. Преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред.: А. Г. Арбатов, Н. И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2018. 270 с.
2. Бурьянов С. А. Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов: монография. М.: Полиграф-сервис, 2020. 624 с.

3. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. 504 с.
4. Никитаев Д. М., Бурьянов С. А. Проблемы реализации свободы совести в современной России и мире: монография. М.: Русайнс, 2020. 146 с.
5. Никитин А. И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: учебник. М.: Аспект-Пресс, 2018. 384 с.
6. Права человека в международном и национальном праве: сборник научных статей, посвященных 10-летию кафедры международного права и прав человека юридического института МГПУ / науч. ред.: Е. М. Павленко. М.: Права человека, 2015. 280 с.
7. Права человека в Российской Федерации : сборник докладов о событиях 2018 г. / отв. ред. и сост.: Н. Костенко. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2019. 338 с.
8. Свобода совести: проблемы теории и практики / под ред. Ф. М. Рудинского, С. А. Бурьянова. М.: Мир, 2012. 1024 с.

Literatura

1. Bezopasnost` i kontrol` nad vooruzheniyami 2017–2018. Preodolenie razbalansirovki mezhdunarodnoj stabil`nosti / отв. red.: A. G. Arbatov, N. I. Bubnova. М.: ИМЭМО РАН; Politicheskaya ènciklopediya, 2018. 270 s.
2. Bur`yanov S. A. Mezhdunarodnoe priznanie prava na svobodu sovesti i problemy` ego implementacii v Rossijskoj Federacii v usloviyax sovremenny`x global`ny`x processov: monografiya. М.: Poligraf-servis, 2020. 624 s.
3. Konflikty` i vojny` XXI veka (Blizhnij Vostok i Severnaya Afrika) / Institut vostokovedeniya RAN. М.: IV RAN, 2015. 504 s.
4. Nikitaev D. M., Bur`yanov S. A. Problemy` realizacii svobody` sovesti v sovremennoj Rossii i mire: monografiya. М.: Rusajns, 2020. 146 s.
5. Nikitin A. I. Mezhdunarodny`e konflikty` : vmeshatel`stvo, mirotvorchestvo, uregulirovanie: uchebник. М.: Аспект-Press, 2018. 384 s.
6. Prava cheloveka v mezhdunarodnom i nacional`nom prave: sbornik nauchny`x statej, posvyashhenny`x 10-letiyu kafedry` mezhdunarodnogo prava i prav cheloveka yuridicheskogo instituta MGPU / nauch. red.: E. M. Pavlenko. М.: Prava cheloveka, 2015. 280 s.
7. Prava cheloveka v Rossijskoj Federacii : sbornik dokladov o soby`tiyax 2018 g. / отв. red. i sost.: N. Kostonko. М.: Mosk. Xel`sink. gruppa, 2019. 338 s.
8. Svoboda sovesti: problemy` teorii i praktiki / pod red. F. M. Rudinskogo, S. A. Bur`yanova. М.: Mir, 2012. 1024 s.

S. A. Buryanov

The Right to Freedom of Conscience in the Modern World: Main Problems and Approaches to their Solution

The article examines the problems and prospects of realizing the right to freedom of conscience at the international and domestic levels, including Russia. Approaches to solving the identified problems are proposed. It is concluded that the improvement of the principles, norms and mechanisms for the protection of human rights in the field of freedom of conscience will help to overcome ethnic and confessional conflicts and strengthen international security.

Keywords: UN; ethno-confessional conflicts; international security; human rights; freedom of conscience.

УДК 341.1

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.06

З. Ш. Матчанова

Кризисы в международном праве как препятствие эффективному противодействию международной преступности¹

Анализируя кризисы в международном праве как препятствия эффективному противодействию международной преступности, автор разделяет комплекс существующих препятствий на объективные и субъективные. К препятствиям объективного характера автор относит в первую очередь отставание развития международно-правовых норм от постоянно меняющихся условий международной жизни и реально существующие трудности в применении конкретных международно-правовых норм в сфере противодействия преступности. К препятствиям субъективного характера отнесены, прежде всего, игнорирование определенных международно-правовых норм отдельными субъектами международного права и двойные стандарты в применении норм международного права в конкретных обстоятельствах. Отмечается, что, несмотря на многообразие и изменчивость проблем, существующих в исследуемой сфере, рассмотренные препятствия наиболее устойчивы.

Ключевые слова: международное право; международно-правовые нормы; кризисы; эффективность; международная преступность; предупреждение преступности; противодействие преступности.

Взаимосвязанность, взаимообусловленность и взаимозависимость различных процессов и явлений, характеризующих определенные этапы развития общественных отношений, уже давно признаны учеными и практиками, работающими в различных областях знаний, в том числе и представителями юридической науки. Тенденциям взаимообусловленности даже посвящены отдельные научные работы [2, с. 80–83]. Иногда такое взаимовлияние носит позитивный, конструктивный характер [10], а иногда, напротив, одно явление становится препятствием для эффективного и успешного развития другого. В частности, говоря о международно-правовой проблематике, подобное влияние можно усмотреть в сфере развития такой важнейшей для всего международного сообщества сферы, как противодействие международной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерение».

преступности. Считаем, что есть основания утверждать, что препятствием эффективному противодействию международной преступности сегодня, помимо прочего, являются кризисы в международном праве.

Кризисам права в целом [1, 3] и кризисам международного права в частности [4, 9] уделяется в юридической науке все больше внимания. По обоснованному мнению российских ученых, кризисные явления в современном международном праве выражаются «в пробуксовывании сложившейся международной правовой системы, “обесчеловечивании” права, трудностях правоприменения...» [7, с. 11–12].

Характеризуя кризисы в международном праве как препятствия эффективному противодействию международной преступности, по нашему мнению, целесообразно разграничивать комплекс проблем, существующих в исследуемой сфере, на две большие группы в зависимости от природы их происхождения, а именно: различать объективное и субъективное происхождение препятствий. Такое разграничение считаем важным по двум причинам: во-первых, всегда важно понимать, в чем кроется проблема — в нежелании или же неспособности исполнять международно-правовые нормы; во-вторых, многие препятствия носят системный характер, поэтому их понимание и анализ именно в таком ключе позволят правильно распознать сущность имеющихся препятствий. Системный подход активно применяется в юридической науке при анализе кризисных явлений современного общества и права [8, с. 308–312].

Полагаем, что начать следует с базовых препятствий, имеющих объективное происхождение, т. е. препятствий, возникновение и существование которых не зависит напрямую от воли какого-либо субъекта, актора, а предопределено в силу целого ряда объективно существующих условий и обстоятельств.

К таковым мы склонны относить, прежде всего, такие базовые препятствия, как: во-первых, отставание (запаздывание) развития международно-правовых норм от постоянно меняющихся условий международной жизни; во-вторых, реально существующие трудности в правоприменении конкретных международно-правовых норм в сфере противодействия преступности.

Представители международной общественности нередко упрекают государства, выступающие инициаторами и разработчиками международно-правовых документов, в том, что они реагируют на распространение новых видов преступности лишь тогда, когда преступные организации, организованные преступные группы или отдельные преступники уже в полной мере проявили себя, успев нанести серьезный ущерб разным государствам и их населению. Справедливо отмечается необходимость принятия предупредительных мер, совершенствования методов и средств прогнозирования развития криминальной ситуации в тех или иных регионах мира. Именно поэтому при исследовании кризисов в международном праве столь важно уделять внимание проблеме отставания развития международно-правовых норм от постоянно меняющихся условий международной жизни, особенно когда речь идет о таких

существенных сферах, требующих своевременного и эффективного реагирования, как противодействие международной преступности.

Однако, как правило, у такого отставания есть сугубо объективные причины, главная из которых состоит в том, что крайне затруднительно на международном уровне, основываясь на согласовании воле различных государств мира, характеризующихся серьезными отличиями в политико-правовых, социально-экономических и иных позициях, подходах, возможностях, в короткие сроки выработать круг взаимных обязательств по предупреждению и противодействию преступлению, специфические особенности которого еще не достаточно эффективно выявлены представителями правоохранительных органов и специальных служб, а также другими специалистами. Чтобы закрепить в международно-правовом источнике методы и средства, а также конкретные механизмы предупреждения преступления, противодействия ему, с учетом задействования коллективных ресурсов, необходимо сначала понять, каковы эти методы, средства, механизмы, ресурсы. Именно недостаточность практических наработок порой тормозит процесс международно-правового взаимодействия государств по противодействию международной преступности.

Отмеченное выше, разумеется, не должно служить оправданием волокиты и медлительности в принятии решений о разработке насущно необходимых норм, поэтому здесь мы делаем упор исключительно на объективно определенных, закономерно возникающих проблемах, трудностях и препятствиях.

Первое, отмеченное нами, препятствие тесно связано со вторым, которое было указано ранее, а именно: реально существующими трудностями в практическом применении конкретных международно-правовых норм в сфере противодействия преступности. В данном случае мы имеем дело с «обратной» ситуацией, когда необходимые нормы есть, они выработаны, приняты, соответствующие договоры подписаны, ратифицированы, и государства предпринимают усилия по выполнению взятых на себя обязательств, но криминогенная ситуация не улучшается или же улучшается крайне медленно, эффективность мер носит неустойчивый, избирательный, фрагментарный характер.

Возникает закономерный вопрос: почему при наличии необходимой международно-правовой базы средств и законов по противодействию международной преступности это явление по-прежнему распространяется со все большей силой, натиском, направленным против законных прав и интересов государств мира, международной общественности, граждан конкретных государств. Объяснения в данном случае могут быть самыми различными и снова возвращают нас к теме кризисов в международном праве. В ряде случаев субъекты противодействия сталкиваются с тем, что правильные и, на первый взгляд, разумные меры, закрепленные международными документами, оказываются нежизнеспособными.

Общеизвестно, что уровень развития правоохранительной системы, опыт обеспечения законности и правопорядка, кадровый и материально-технический потенциал во всех государствах очень серьезно отличаются. Например,

некоторые нормы, предполагающие быстрый, эффективный обмен информацией, имеющей ключевое значение для розыска преступников и осуществления иных мер, на практике реализуются не в полной мере. И проблема не в том, что субъекты противодействия преступности на местах не работают должным образом, а в том, что, в силу недостаточности штатной численности сотрудников или устаревающего материально-технического обеспечения, необходимые действия совершаются со значительной потерей времени, а, как известно, упущенный момент впоследствии восполняется крайне тяжело или не восполняется совсем. Это дает цепную реакцию, когда все проблемы, с которыми сталкиваются субъекты противодействия на первоначальном этапе, объективно притормаживают либо направляют по ложному пути всю последующую деятельность.

Переходя к базовым препятствиям, имеющим субъективное происхождение, отметим, что они, в отличие от объективно обусловленных препятствий, зависят от воли конкретных субъектов, их интересов, претензий, требований, а также их субъективных правовых и политических позиций, взглядов, подходов.

К подобным препятствиям считаем возможным отнести: во-первых, игнорирование определенных международно-правовых норм отдельными субъектами международного права; во-вторых, двойные стандарты в применении международно-правовых норм в конкретных обстоятельствах и в отношении определенных субъектов преступлений, имеющих международную опасность.

Неисполнение тех или иных международно-правовых норм, равно как и недобросовестное или нерегулярное исполнение, в силу их игнорирования отдельными субъектами носит явный субъективный характер. Что характерно, неисполнение или даже подчеркнутое игнорирование существующих правовых норм отечественные юристы-международники относят к числу основных и наиболее существенных признаков кризиса права [6, с. 84–85].

Уточним, что здесь речь идет не о невозможности исполнения норм, а о нежелании по каким-либо причинам исполнять их в конкретных обстоятельствах или же применительно к конкретной ситуации. Отдельно следует отметить проблему недостаточного уровня взаимодействия правоохранительных органов и специальных служб, отсутствие налаженной системы обмена информацией в сфере противодействия международной преступности в определенных ее проявлениях.

Однако описанная нами проблематика была более характерна для конца XX века, а в начале XXI века, несмотря на многочисленные трудности международного взаимодействия, которые наблюдаются сейчас в различных областях международных отношений, в основном субъекты нацелены на сотрудничество по противодействию международной преступности, поскольку она стала угрозой поистине глобального масштаба. В первую очередь внимание сосредоточивается на сотрудничестве в области противодействия преступлениям против личности (в особенности тем из них, которые посягают на права детей), незаконном распространении наркотиков, морском пиратстве. Более сложно складывается обстановка в сфере противодействия незаконной торговле оружием, что связано с другой серьезной международной проблемой —

проблемой локальных вооруженных конфликтов, которые перманентно возникают в разных регионах мира.

В гораздо большей степени препятствием к эффективному противодействию международной преступности являются двойные стандарты в применении международно-правовых норм. Наиболее наглядно это демонстрирует опыт международного взаимодействия в сфере противодействия преступлениям террористической направленности. Разные подходы к определению границ понятия «терроризм», попытки интерпретировать те или иные проявления террористической активности как борьбу за некие идеалы, взгляд на уголовные преследования террористов в конкретных странах как на преследования по политическим мотивам — все это создает пресловутую проблему двойных стандартов. Как известно, сказываются двойные стандарты и на применении норм в области экстрадиции (выдачи) преступников, в том числе и международных террористов.

Завершая, отметим, что международная преступность существовала в том или ином виде во все времена. Но как любое явление общественной жизни, она модифицируется, меняя свои характеристики, свойства, признаки. Как уже упоминалось выше, сегодня международная преступность стала глобальной, всеобъемлющей проблемой, поскольку она проникает в самые различные сферы жизни людей, сообществ, государств. Новые методы и средства, которые используют преступники, требуют от субъектов международного права — государств, международных межправительственных и неправительственных организаций, разработки и внедрения новых методов и средств противодействия. В идеале международное сообщество должно идти на шаг впереди, но, к сожалению, именно организованная международная преступность развивается, распространяется, усиливается в настоящее время со значительным опережением. И, пожалуй, отчасти это связано с «ускорением» современного мира как таковым, ведь очевидно, что многие процессы и явления, которые прежде развивались довольно медленно, сейчас развиваются огромными темпами. Возможно, именно поэтому современные проявления международной преступности столь разрушительны.

С учетом вышеизложенного, считаем абсолютно справедливым высказываемое учеными мнение о том, что перечень признаков кризисных явлений права меняется в зависимости от эпохи, уровня правосознания общества, внешних факторов [5, с. 12]. Однако применительно к кризисам в сфере противодействия международной преступности рассмотренные нами препятствия представляются наиболее характерными и устойчивыми в современных условиях. Более того, исходя из особенностей текущей международной обстановки, полагаем, что они не перестанут проявлять себя и в ближайшем будущем. Хотя, разумеется, убеждены, что невозможно существование международного права и международных отношений в условиях бесконечного кризиса. Потенциал международного сообщества и имеющиеся у него ресурсы (материальные, политические, а, главное, интеллектуальные) представляются нам более чем достаточными для решения широкого спектра существующих мировых проблем

и эффективного противодействия разнообразным угрозам, требуется только коллективная воля для того, чтобы все необходимые международно-правовые меры были предприняты.

Литература

1. Андреев Н. Ю. и др. Кризис права: история и современность. СПб.: Алетейя, 2018. 514 с.
2. Бочкарев С. В. Развитие конституционализма и кризис в праве: тенденции взаимообусловленности // Образование и право. 2020. № 1. С. 80–83.
3. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 43–54.
4. Глазунов О. Н., Тимофеева А. В. Кризис основных институтов международного права как одно из условий становления новой мировой системы // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 3. С. 59–61.
5. Дорская А. А. Конституционные кризисы в истории российского права: уроки преодоления // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 4. С. 7–12.
6. Дорская А. А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 84–88.
7. Дорская А. А. Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: основные направления исследований // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2020. № 2 (38). С. 11–19.
8. Игнатъева М. В. Основные понятия системной теории права и кризисные явления современного общества // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. С. 308–312.
9. Курчинская-Грассо Н. О. Кризис современного международного права — наиболее проблемный вопрос // Colloquium-journal. 2019. № 23-9 (47). С. 33–34.
10. Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы. Коллективная монография / под ред. А. А. Дорской, З. Ш. Матчановой. СПб.: Астерион, 2018. 432 с.

Literatura

1. Andreev N. Yu. i dr. Krizis prava: istoriya i sovremennost`. SPb.: Aletejya, 2018. 514 s.
2. Bochkarev S. V. Razvitie konstitucionalizma i krizis v prave: tendencii vzaimoobuslovlennosti // Obrazovanie i pravo. 2020. № 1. S. 80–83.
3. Vlasenko N. A. Krizis prava: problemy` i podxody` k resheniyu // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 8 (200). S. 43–54.
4. Glazunov O. N., Timofeeva A. V. Krizis osnovny`x institutov mezhdunarodnogo prava kak odno iz uslovij stanovleniya novej mirovoj sistemy` // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2017. № 3. S. 59–61.
5. Dorskaya A. A. Konstitucionny`e krizisy` v istorii rossijskogo prava: uroki preodoleniya // Istoriko-pravovy`e problemy`: novy`j rakurs. 2020. № 4. S. 7–12.
6. Dorskaya A. A. Krizisy` prava i razvitie prav cheloveka: problema sootnosheniya ponyatij // Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendencii, riski, perspektivy` razvitiya. Saratov: Saratovskij istochnik, 2020. S. 84–88.

7. Dorskaya A. A. E`ffektivnost` pravovogo regulirovaniya i preodolenie krizisov v prave: osnovny`e napravleniya issledovanij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 2 (38). S. 11–19.

8. Ignat`eva M. V. Osnovny`e ponyatiya sistemnoj teorii prava i krizisny`e yavleniya sovremennogo obshhestva // Pravovaya kommunikaciya gosudarstva i obshhestva: otechestvenny`j i zarubezhny`j opy`t. Voronezh: Nauka-Yunipress, 2020. S. 308–312.

9. Kurchinskaya-Grasso N. O. Krizis sovremennogo mezhdunarodnogo prava — naibolee problemny`j vopros // Colloquium-journal. 2019. № 23-9 (47). S. 33–34.

10. Otrasleye delenie mezhdunarodnogo prava: tradicionny`e i novy`e podhody`. Kollektivnaya monografiya / pod red. A. A. Dorskoj, Z. Sh. Matchanovoj. SPb.: Asterion, 2018. 432 s.

Z. Sh. Matchanova

Crises in International Law as an Obstacle to Effective Prevention of International Crimes

Analyzing crises in international law as obstacles to effective international crime prevention, the author divides the complex of existing obstacles into objective and subjective. First of all the author refersthe lag in the development of international legal norms from the constantly changing conditions of international life and the real difficulties in the application of specific international legal norms in the field of crime preventionto the obstacles of an objective nature. Obstacles of a subjective nature include, first of all, the ignorance of certain international legal norms by individual subjects of international law and double standards in the application of international law in specific circumstances. It is noted that, despite the diversity and variability of the problems existing in the field under study, the considered obstacles are the hardest ones.

Keywords: international law; international legal norms; crises; efficiency; international crime; crime prevention.

УДК 343

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.07

С. Н. Чурилов

Оперирование доказательствами как элемент доказывания

В статье рассматривается одна из острых проблем теории доказательственного права — доказывание по уголовным делам. По мнению автора, содержащееся в ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ понятие доказывания не соответствует задачам уголовного судопроизводства и реалиям современной уголовно-процессуальной деятельности. В этой статье УПК к понятию доказывания отнесены лишь собирание, проверка и оценка доказательств. Приводятся аргументы, указывающие на то, что единый процесс доказывания состоит, наряду с указанными элементами, в использовании доказательств. Предлагается новое определение понятия доказывания, подлежащее включению в указанную статью уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: доказывание; понятие доказывания; элементы доказывания; доказательства; использование доказательств.

В отличие от уголовно-процессуального закона РСФСР 1960 года в ныне действующем уголовном судопроизводстве в принцип возведено его назначение, включающее не только осуществление уголовного преследования подозреваемых / обвиняемых в совершении преступления и назначение виновным справедливого наказания, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее конституционных прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Защита прав человека как основной ценности общества ставится в приоритет наряду с задачей борьбы с преступностью. Такое назначение уголовно-процессуального законодательства создает необходимые правовые условия для исключения из правоприменительной практики различных категорий жертв уголовного судопроизводства.

К сожалению, при принятии УПК РФ законодатель не счел необходимым включить в него имевшие место в УПК РСФСР важнейшие принципы реализации этого назначения уголовного судопроизводства, к которым относится принцип полноты, объективности и всесторонности при осуществлении судебного исследования по уголовным делам. Кроме этого существенного пробела в ныне действующем уголовно-процессуальном законе следует указать на обвинительную тенденцию понятия доказывания и незавершенность его элементного состава. В ст. 85 УПК РФ под доказыванием понимается уголовно-процессуальная деятельность, заключающаяся в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных

ст. 73 уголовно-процессуального закона. Представляется, что такое понимание доказывания не освобождает уголовное судопроизводство от обвинительного уклона, ибо оно не учитывает его начальной стадии, на которой при проверке повода для возбуждения уголовного дела устанавливается наличие или отсутствие достаточных фактических данных, указывающих на признаки преступления. Не учитывает оно и п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, предписывающего исследовать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния. Поэтому в определении понятия «доказывание» должно быть указано, что оно состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления *наличия или отсутствия* обстоятельств, предусмотренных указанной статьей УПК. Эта поправка, вносимая в понятие доказывания, имеет важное теоретическое и практическое значение, ибо в гносеологическом и правовом аспекте правильно ориентирует прокурора, следователя, дознавателя и суд на необходимость тщательно исследовать обстоятельства произошедшего события как на их наличие, так и отсутствие.

Собирание, проверка и оценка доказательств — это логический процесс, целью которого является установление существования или несуществования отдельных фактов, совокупности фактов, связей между ними, указывающих на наличие или отсутствие уголовно-релевантных обстоятельств, образующих предмет доказывания. Однако решением этой задачи не исчерпывается общая цель судебного исследования произошедшего события. Не менее важной задачей, в случае обнаружения признаков преступления и возбуждения уголовного дела, является осуществление стороной обвинения уголовного преследования подозреваемого/обвиняемого в целях изобличения его в совершении преступления. Достижение этой цели, как известно, достигается путем предъявления подозреваемому/обвиняемому в ходе допроса имеющихся в уголовном деле доказательств: фактических данных, содержащихся в показаниях других лиц, документах, протоколах следственных действий и приложениях к ним в виде аудио-, видеозаписи, киносъемки, а также вещественных доказательств. Изобличение подозреваемого/обвиняемого осуществляется и в ходе проведения с ним очных ставок, следственного эксперимента и проверки показаний на месте с его участием, других следственных действий.

Осуществление уголовного преследования путем изобличения лица в совершении преступления является в соответствии со ст. 21 УПК РФ обязанностью стороны обвинения. В процессуальном аспекте задача по изобличению лица в инкриминируемом ему деянии непосредственно связана с решением задачи по раскрытию преступления. Изобличение лица в совершении преступления — это процесс, связанный с использованием собранных по уголовному делу доказательств, это оперирование доказательствами.

Использование имеющихся в уголовном деле доказательств, оперирование ими осуществляется не только при изобличении лица, совершившего преступление, но и при проведении конкретных следственных действий в целях получения новых доказательств. Фактические данные, полученные

при проведении определенного следственного действия, оцениваются как с точки зрения их значения для установления конкретного обстоятельства, его допустимости и достоверности, так и на предмет перспектив их использования в ходе дальнейшего судебного исследования по уголовному делу. Дело в том, что установленные факты при проведении того или иного следственного действия могут касаться других фактов, еще не установленных, но наличие или отсутствие которых необходимо установить. По результатам проведения определенного следственного действия выдвигаются и проверяются следственные версии о существовании других фактов, объясняющих характер исследуемого события в целом или отдельные связанные с ним обстоятельства.

Так, сведения, полученные в ходе допроса свидетеля-очевидца преступления, используются при проведении следственного эксперимента на предмет возможности видеть облик преступника при определенных сообщенных им условиях: освещенности, состоянии его зрения, расстоянии, с которого велось наблюдение, продолжительности наблюдения и т. п. В целях создания тождественных условий восприятия при проведении данного следственного эксперимента производится реконструкция обстановки в месте производства этого следственного действия. Воссоздание подлинных условий, имевших место в действительности, возможно при наличии соответствующих фактических данных, содержащихся в показаниях допрошенного лица. Достоверные и полные сведения о подлинных условиях исследуемого события — необходимое условие получения достоверных результатов опытных действий при проведении следственного эксперимента.

Как видно, в процессе доказывания фактические данные, полученные при проведении одного следственного действия, используются в целях получения новых доказательств при проведении других следственных действий. К примеру, обнаруженные и изъятые при проведении обыска в помещении искомые объекты используются в дальнейшем при допросе подозреваемого/обвиняемого в качестве вещественных доказательств в целях изобличения его в совершении расследуемого преступления. Судебное решение о проведении обыска в помещении принимается не иначе как при наличии достаточных фактических данных, дающих основание полагать, что в определенном месте у конкретного лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы, ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 182 УПК РФ). Такие данные могут содержаться в показаниях ранее допрошенных лиц.

Вообще, что касается оценки полноты и достоверности содержащейся в показаниях информации, требуется во всех случаях выяснить психологические условия формирования показаний лица, а также получить данные о его личности. Сведения об этом субъект расследования получает из показаний других лиц. Об этом же могут свидетельствовать изъятые при производстве обыска или выемки документы, предметы и другие объекты, а также выводы судебно-психологической экспертизы и пр., которые должны использоваться в ходе

допроса того или иного лица, проводимого не в отрыве от них, а с их учетом. Это позволяет правильно оценить сложившуюся ситуацию, выбрать и применить адекватную ей тактику ведения допроса.

К числу следственных действий, проводимых при наличии определенных фактических данных, относится очная ставка и предъявление для опознания. Очная ставка проводится между двумя ранее допрошенными лицами только при наличии факта существенных противоречий в сообщенных ими сведениях, содержащихся в их показаниях. В ходе этого следственного действия субъект доказывания вправе предъявить вещественные доказательства и документы (ч. 3 ст. 192 УПК РФ). После дачи показаний участниками очной ставки или их отказа от дачи показаний УПК допускает оглашение сведений, содержащихся в показаниях ранее проведенных допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки их показаний (ч. 4 ст. 192 УПК РФ). При оценке результатов предъявления для опознания важное значение имеет соблюдение при его проведении всех требований, содержащихся в ст. 193 УПК РФ. В частности, до начала этого следственного действия опознающий предварительно допрашивается об обстоятельствах, при которых он видел лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым он может его опознать. Только при наличии данных о том, что допрошенное лицо может опознать объект среди других предъявляемых для опознания объектов по конкретным его приметам и особенностям, проводится данное следственное действие. Отрицательный или вероятный результат предъявления для опознания может быть использован для поиска иных источников доказательств неустановленного факта при проведении этого следственного действия.

Наглядным примером оперирования доказательствами в процессе доказывания является использование выводов, содержащихся в том или ином судебно-экспертном заключении. Категорические положительные или отрицательные выводы эксперта, содержащиеся в его заключении, будучи доказательствами по уголовному делу, используются субъектом расследования в целях изобличения подозреваемого/обвиняемого путем предъявления их в ходе его допроса. Доказательства, содержащиеся в заключении эксперта, оцениваются, в частности, с точки зрения того места, которое они занимают в системе иных доказательств, а также возможности использования их при производстве других следственных действий.

Исходя из вышеизложенного, следует прийти к выводу о том, что содержание процесса доказывания по уголовному делу не исчерпывается собиранием, проверкой и оценкой доказательств. Оперирование доказательствами, т. е. использование их в процессе доказывания при производстве следственных действий, а также при решении задачи по изобличению подозреваемого / обвиняемого в совершении преступления, является самостоятельным элементом процесса доказывания, неотъемлемой его частью. Без этого элемента процесса доказывания невозможно не только установление обстоятельств, образующих предмет доказывания при судебном исследовании произошедшего события,

но и решение задачи по уголовному преследованию лица путем изобличения его в совершении преступления. Использование доказательств в процессе уголовно-процессуальной деятельности органически связано с собиранием, проверкой и оценкой доказательств. Именно эти четыре гносеологических элемента образуют понятие доказывания в уголовном судопроизводстве. Реализация в уголовно-процессуальной деятельности этих элементов, взятых в неразрывном единстве, обеспечивает достоверное установление обстоятельств исследуемого события в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Не менее важной задачей уголовного судопроизводства является доказывание вины лица в инкриминируемом ему деянии путем предъявления в ходе допроса собранных по уголовному делу доказательств.

При этом нужно иметь в виду, что оперирование фактическими данными может иметь самостоятельное значение в процессе доказывания — в отрыве от собирания, проверки и оценки доказательств. К примеру, при предъявлении обвиняемому доказательств в целях его изобличения в совершении преступления следователь может вполне абстрагироваться от действий по обнаружению, фиксации, изъятию, проверке и оценке доказательственной информации. Аналогичное возможно и при проведении любого следственного действия.

Доказательственное право, как отмечено выше, не включает использования доказательств в содержание процесса доказывания, хотя в ст. 89 УПК РФ говорится об *использовании* в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Не находим упоминания об этом элементе процесса доказывания и в фундаментальном труде советской эпохи — «Теории доказательств в советском уголовном процессе». Впервые вопрос об использовании результатов отдельных следственных действий в процессе доказывания поставил Р. С. Белкин в своем блистательном труде «Собирание, исследование и оценка доказательств», в котором в названии главы X говорится об «исследовании, оценке и использовании результатов отдельных следственных действий в процессе расследования» [2]. Однако и он в этой работе, которая не потеряла своей актуальности до сих пор, сделал акцент только на вопросах исследования и оценки результатов некоторых следственных действий. Об использовании этих результатов в процессе доказывания ничего не сказано [Там же, с. 258–293]. Недостаточно внимания уделено этому важному для теории и правоприменительной практики вопросу и в современной уголовно-процессуальной литературе. Так, одни авторы в содержание процесса доказывания включают по-прежнему только собирание, проверку и оценку доказательств [1, с. 136; 5, с. 22; 6, с. 12; 7, с. 215; 8; 9, с. 169]. Другие авторы, хотя и упоминают термин «использование доказательств», но не раскрывают его сущности. Так, И. А. Грудинин полагает, что доказывание состоит из собирания, проверки, оценки и использования доказательств — при обосновании версий события преступления и правомерности принятия уголовно-процессуальных решений [4, с. 14]. В представлении К. Н. Горбачева, доказывание состоит из установления, собирания, проверки, оценки и использования

доказательств с целью установления истины об обстоятельствах, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела [3, с. 186]. С. А. Шейфер, перу которого принадлежат фундаментальные труды по проблемам доказательств и доказывания в уголовном процессе, пишет о том, что оперирование доказательствами есть доказывание; оперируя аргументами, субъект доказывания подтверждает правильность своих выводов [10]. Однако он обошел молчанием вопрос о необходимости правового решения этой проблемы. Исходя из этого обстоятельства, мы склонны считать, что С. А. Шейфер не включает использование доказательств в содержание процесса доказывания в качестве самостоятельного элемента. Дополнительным элементом доказывания он считает *представление доказательств* органам расследования и суду [10]. Право представления доказательств на стадии предварительного расследования и в суде имеют потерпевший, обвиняемый и другие участники процесса со стороны обвинения и защиты. Однако они, на наш взгляд, не являются субъектами доказывания по уголовному делу. Представление указанными участниками уголовного процесса доказательств и получение их следователем, дознавателем и судом является не чем иным, как одним из процессуальных действий по собиранию доказательств.

Анализируя взгляды названных ученых на рассматриваемую проблему, можно утверждать, что в теории доказательственного права наметилась тенденция рассматривать использование доказательств в качестве элемента единого процесса доказывания. Действительно, на досудебной стадии уголовного судопроизводства и в суде без оперирования достоверно установленными фактическими данными нельзя установить связи как между ними, так и с предметом доказывания, нельзя ответить на главный вопрос — о наличии либо отсутствии виновности лица.

Мы убеждены в том, что использование доказательств нельзя исключать из содержания процесса доказывания, оно является самостоятельной процессуальной категорией, находящейся в пределах понятия уголовно-процессуального доказывания. Подлинное единство и неразрывность процесса познания в структурном отношении достигается именно за счет включения в процесс доказывания элементов собирания, проверки, оценки и *использования* доказательств. Об этом свидетельствует многовековой опыт осуществления уголовного преследования подозреваемого / обвиняемого в совершении преступления и судебного разбирательства по уголовным делам.

Признавая использование доказательств в качестве самостоятельной процессуальной категории, мы тем самым ставим вопрос о необходимости фундаментальной разработки в теории доказательственного права этой актуальной проблемы и устранения указанного пробела в уголовно-процессуальном законе. Ограничение понятия доказывания в уголовном судопроизводстве только собиранием, проверкой и оценкой доказательств, невключение в его содержание использования доказательств дезориентирует субъектов уголовно-процессуальной деятельности относительно содержания процесса доказывания по уголовным делам, снижает качество обучения уголовно-процессуальному праву.

Подводя итог вышесказанному, можно определить доказывание как уголовно-процессуальную деятельность, которая состоит из собирания, проверки, оценки и использования доказательств в целях достоверного установления обстоятельств, образующих предмет доказывания, и решения других задач уголовного судопроизводства.

Литература

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 640 с.
2. Белкин Р. С. Собирание, проверка и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 296 с.
3. Горбачев К. Н. Понятие и предмет уголовно-процессуального доказывания // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 184–187.
4. Грудинин И. А. Средства доказывания в уголовном производстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 26 с.
5. Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2012. № 7. С. 15–22.
6. Пальчикова Н. В. Теоретические и практические проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 32 с.
7. Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. М.: Гарант-сервис-университет, 2014. 1289 с.
8. Рудов Д. Н. Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве России // Политика, государство и право. 2014. № 5. URL: <http://politika/snauka/ru/2014/o5/1620> (дата обращения: 11.09.2020).
9. Чурилов Ю. Ю. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: самый простой и понятный комментарий. М.: Эксмо, 2019. 800 с.
10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Монография. М.: Норма, 2009. 125 с.

Literatura

1. Bezlepkin B. T. Kommentarij k Uголовno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j). 15-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2021. 640 s.
2. Belkin R. S. Sobiranie, proverka i ocenka dokazatel`stv. M.: Nauka, 1966. 296 s.
3. Gorbachev K. N. Ponyatie i predmet uголовno-processual`nogo dokazy`vaniya // Molodoj ucheny`j. 2020. № 17 (307). S. 184–187.
4. Grudinin I. A. Sredstva dokazy`vaniya v uголовnom proizvodstve: sistema, sodержanie, gnoseologicheskie aspekty`: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2012. 26 s.
5. Lupinskaya P. A. Dokazatel`stva i dokazy`vanie v novom uголовnom processe // Rossijskaya yusticiya. 2012. № 7. S. 15–22.
6. Pal`chikova N. V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy` dokazy`vaniya v stadii vzbuzhdeniya uголовnogo dela: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. 32 s.
7. Ry`zhakov A. P. Kommentarij k Uголовno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j). 9-e izd., pererab. M.: Garant-servis-universitet, 2014. 1289 s.

8. Rudov D. N. Process dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve Rossii // Politika, gosudarstvo i pravo. 2014. № 5. URL: <http://politika/snauka/ru/2014/o5/1620> (data obrashheniya: 11.09.2020).

9. Churilov Yu. Yu. Ugolovno-processualnyj kodeks RF: samyj prostoj i ponyatnyj kommentarij. M.: E'ksmo, 2019. 800 s.

10. Shejfer S. A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovny'm delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. Monografiya. M.: Norma, 2009. 125 s.

S. N. Churilov

Handling Evidence as an Element of Proof

The article deals with one of the acute problems of the theory of evidence law that is proof in criminal cases. According to the author the concept of proof in Art. 85 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not correspond to the tasks of criminal proceedings and the realities of criminal procedural activity. In this article of the CPC, only the collection, verification and evaluation of evidence are referred to the concept of proof. Arguments which indicate that a single process of proof consists of the use of evidence along with the indicated elements are presented. A new definition of the concept of proof is proposed and should be included in the specified article of the criminal procedure law.

Keywords: proof; concept of proof; elements of proof; evidence; use of evidence.

Н. В. Власова

Коллизионное регулирование отношений представительства в России: доктрина, законодательство и судебная практика

В статье исследуются проблемные аспекты коллизионного регулирования отношений представительства в России. Делаются выводы о различиях в применении принципа автономии воли при регулировании внутренних и внешних отношений представительства, возможности применения судом вненациональных правовых источников при рассмотрении трансграничных споров, вытекающих из отношений представительства, а также о дальнейшем совершенствовании российского коллизионного регулирования этих отношений.

Ключевые слова: представительство; доверенность; коллизионные нормы; применимое право; автономия воли; вненациональные правовые источники; акты мягкого права.

Отношения представительства, содержащие в своем составе иностранный элемент, стали предметом весьма обширной международно-правовой и региональной унификации как в конвенциях, так и во вненациональных правовых источниках. Однако созданные на международном уровне единообразные материально-правовые нормы не охватывают всех аспектов внутренних (между представителем и представляемым) и внешних (с третьим лицом) отношений представительства ввиду невозможности на момент разработки достижения полного компромисса между континентальными и англо-американскими правовыми традициями в регулировании рассматриваемых отношений, которые заметно отличаются. Тенденция нормативной фрагментации, отмеченная в доктрине в отношении международного частного права в целом [10, с. 210–213], в срезе международно-правового регулирования представительства проявляется наиболее отчетливо ввиду

многообразие субъектов (международные организации, наднациональные интеграционные объединения, бизнес-сообщество) и уровней правотворчества в этой области (межгосударственный, надгосударственный, частный), что влияет на характер принимаемых норм (обязательные, рекомендательные). Фрагментация здесь имеет и свои преимущества, заключающиеся в «институциональном рассредоточении субъектов международного правотворчества», «гибком разнообразии» и «упорядоченном плюрализме» [4, с. 29], что позволяет сторонам отношений представительства, в особенности действующим в международном коммерческом обороте, выбирать подходящие правовые источники, регламентирующие их отношения. Вместе с тем в случае возникновения споров между представляемым и представителем либо споров этих лиц с третьими лицами, например относительно полномочий представителя, правовая определенность в их разрешении в наибольшей степени может быть достигнута посредством обращения к детально проработанным и соответствующим современным запросам международной коммерческой практики коллизионным нормам.

Специфика субъектного состава отношений представительства обуславливает существование двух разновидностей коллизионных норм в этой области. Объемом первой выступают внутренние отношения трансграничного представительства, объемом второй — внешние. Для каждого вида подбирается та коллизионная норма, которая отсылает к правопорядку, наиболее тесно связанному с соответствующими отношениями. В 1978 году с принятием Гаагской конференцией по международному частному праву (Гаагская конференция) Конвенции о праве, применимом к договорам с посредниками и к представителям (Конвенция 1978 г.), была осуществлена международная унификация коллизионных норм о представительстве. Эта конвенция стала ориентиром для национального законодателя многих государств (в том числе России), включивших в последние годы в состав кодифицированных актов о международном частном праве коллизионные нормы о представительстве.

В российском Гражданском кодексе (ГК РФ) специальное коллизионное регулирование представительства появилось в 2013 году, хотя отдельные его аспекты регламентировались и действовавшими прежде нормами (о форме доверенности, о праве, применимом к односторонним сделкам и договорным обязательствам) [7, с. 602–603]. В ст. 1217.1 ГК РФ урегулированы договорные отношения между представителем и представляемым, а также отношения этих лиц с третьим лицом. В обоих случаях базовым принципом соответствующего регулирования является автономия воли сторон.

Отсылочная норма п. 1 ст. 1217.1 ГК РФ гласит о необходимости обращения к договорному статуту при определении применимого к договору о представительстве права. Следовательно, представитель и представляемый могут выбрать право для регулирования своих прав и обязанностей как в момент заключения договора, оформляющего их отношения, так и в последующем (п. 1 ст. 1210 ГК РФ).

Верховный суд РФ в Постановлении Пленума от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24) разрешил вопрос относительно возможности обращения сторон договора не только к правовым источникам, исходящим от государства, но и к вненациональным (неформальным, негосударственным) правовым нормам, которые рекомендованы международными организациями или объединениями государств (см. п. 32 названного постановления). Модель государственного регулирования (в национальном законодательстве либо в форме международного договора), по оценкам ученых, не отвечает современным запросам со стороны бизнеса [9, с. 98]. Применение документов, содержащих нормы негосударственного происхождения (актов мягкого права), становится все более распространеным в международной коммерческой практике [14, с. 31–35], осуществляется международным коммерческим арбитражем, поддерживается юридическим сообществом [9, с. 98–99]. Так, в практике Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ) допустимость выбора вненациональных правовых источников признавалась задолго до принятия разъяснений ВС РФ в силу п. 1 ст. 28 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [2, с. 12–19]. Более того, такой авторитетный негосударственный регулятор, как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, применялся МКАС при ТПП РФ в отсутствие выбора сторонами применимого права (решение по делу № М-17/2017) и в дополнение к выбранному сторонами национальному праву (решение по делу № 218/2012). Изменение парадигмы развития источников международного частного права в сторону альтернативных вненациональных регуляторов и саморегулирования находит формальное выражение в документах, вырабатываемых как бизнес-объединениями (см. опубликованный Международной торговой палатой (МТП) в 2015 году документ «Вненациональные нормы как право, применимое к международным коммерческим контрактам на базе типовых контрактов МТП»), так и международными межправительственными организациями (Принципы о выборе права в международных коммерческих договорах, одобренные Гаагской конференцией в 2015 году) [8, с. 72]. Применение актов мягкого права, как пояснил ВС РФ, возможно только в случае прямого выражения согласия на то сторон.

В числе прямо поименованных в постановлении Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24 актов мягкого права для внутренних отношений представительства применимы Модельные правила европейского частного права, где помимо общих положений о представительстве урегулированы отдельные виды договоров — поручения, франчайзинга, коммерческий агентский и дистрибьюторский договоры. Однако в рассматриваемом постановлении не названы другие важные вненациональные источники, как, например, типовые контракты МТП, в нашем случае — Типовой коммерческий агентский

контракт МТП (ТКАК), третья редакция которого была опубликована в 2015 году (публикация ICC 766 R). Сам ТКАК (ст. 24.1) содержит два альтернативных варианта оговорки о применимом праве, первый из которых вообще не предусматривает возможности выбора сторонами права какого-либо государства, но отсылает к условиям договора и *lex mercatoria*, в том числе к Принципам УНИДРУА (однако учитываются свехимперативные нормы государства основного места деятельности агента). Второй вариант согласование национального права допускает, однако в отсутствие выбора сторонами одной из альтернатив автоматически применяется первый вариант. При этом даже если соответствующий договор не базируется на рассматриваемой форме, отдельные авторы полагают, что в свете принятых разъяснений ВС РФ возможно обращение суда к положениям ТКАК в том случае, если сторонами в качестве применимого права выбраны негосударственные регуляторы, *lex mercatoria* и т. п. [11, с. 174]. Вместе с тем полагаем необходимым учитывать, что полномочия коммерческого агента согласно ТКАК ограничены совершением фактических действий в интересах принципала (что может не соответствовать модели коммерческого агентского договора, из которого возник рассматриваемый судом спор), целый ряд статей ТКАК сформулирован в форме альтернативных норм (например, о привлечении субагентов, выплате коммерческому агенту вознаграждения в случае самостоятельного заключения сделок принципалом с клиентами на определенной в договоре территории, а также после прекращения действия коммерческого агентского договора и пр. [13, с. 97–102]). Обращение суда к подобным альтернативным нормам ТКАК к правовой определенности не приведет. Как отмечается в литературе, «выбранные сторонами документы должны представлять собой полноценный договорный статут» [6, с. 108]. В таком случае, как представляется, суд будет вынужден в силу указаний второго абзаца п. 32 анализируемых разъяснений ВС РФ применить, исходя из коллизионных норм или соглашения сторон, внутригосударственное право, поскольку альтернативные нормы ТКАК и его отдельные конструкции не позволяют полно разрешить все спорные вопросы.

В отсутствие выбора права к внутренним отношениям представительства подлежит применению право страны, где на момент заключения договора, на котором основано представительство, находится место жительства или основное место деятельности представителя как стороны, которая осуществляет характерное исполнение, за исключением тех случаев, когда договор явно более тесно связан с правом другой страны.

Выбор права допускается российским ГК и во внешних отношениях представительства (п. 2 ст. 1217.1), однако уполномочен на такой выбор лишь один из участников этих отношений — представляемый, который может указать на желаемое право в доверенности. Односторонняя модель выбора применимого права в ГК РФ обусловлена, как отмечается в доктрине, природой доверенности как одностороннего акта представляемого, которым он наделяет соответствующими полномочиями представителя [1, с. 30]. Условием

действительности сделанного выбора является осведомленность о нем представителя и третьего лица (последнее может узнать об этом в том числе из доверенности). ГК РФ напрямую ограничивает выбор национальным правом, исходящим от того или иного государства. Следовательно, исключается возможность обращения представляемого к таким негосударственным регуляторам, как Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права или Модельные правила европейского частного права, где, помимо прочего, содержатся нормы о полномочиях представителя. Равным образом невозможна отсылка в доверенности в качестве применимого права к нормам Конвенции УНИДРУА 1983 года о представительстве при международной купле-продаже товаров, в основном посвященным внешним аспектам представительства.

Примечательно, что ВС РФ конкретизировал нормы ГК РФ о выборе статуса внешних отношений представительства, указав на допустимость учета судом подразумеваемого выбора права представляемым, если он не осуществил его явным образом в доверенности. Таковым, исходя из совокупности обстоятельств дела и содержания доверенности, суд может посчитать право той страны, на территории исключительно которой в соответствии с доверенностью представитель уполномочен совершать юридические действия от имени представляемого. Кроме того, о подразумеваемом выборе статуса основного договора (заключенного представителем, выступающим от имени представляемого, с третьим лицом) свидетельствует, по мнению ВС РФ, и выдача доверенности представителю исключительно для целей исполнения обязательств по такому договору, на что прямо должно быть указано в ее тексте. Такая конкретизация допустима согласно п. 6 ст. 1210 ГК РФ, распространяющему действие положений п. 1–3 и 5 этой статьи к допускаемому законом выбору сторонами права для регулирования их отношений, не основанных на договоре [1, с. 31–32].

Сопоставление двух конструкций применения принципа автономии воли во внутренних и внешних отношениях представительства демонстрирует, что они все же заметно различаются, а представитель и представляемый как стороны договора о представительстве обладают более широкой палитрой реализации своих законных интересов, нежели эти же субъекты и третье лицо, совершающее сделку с представителем, выступающим от имени представляемого. Помимо исключения применения к внешним отношениям представительства вненациональных правовых источников, которые могли быть выбраны сторонами этих отношений, возможностью выбора применимого права наделен лишь представляемый, тогда как остальные участники — представитель и третье лицо — такой возможности лишены. Однако, например, Конвенция 1978 года (а следовательно, и участвующие в ней государства — Аргентина, Нидерланды, Португалия, Франция) допускает выбор права к регулированию внешних отношений представительства не только со стороны представляемого, но и со стороны третьего лица — с соблюдением письменной формы такого выбора (указание представляемым в доверенности либо третьим лицом —

в договоре, заключенном с ним представителем от имени представляемого) и с условием его принятия другой стороной в явно выраженной форме (хотя подобная двусторонняя модель, предусматривающая обязательный акцепт представляемым или третьим лицом выбранного права, критикуется в доктрине в связи с практической малопригодностью [15, р. 145]). Третье лицо имеет возможность выбора применимого права в соответствии с нормами законодательства о международном частном праве Болгарии и канадской провинции Квебек. Учет позитивного зарубежного и международного опыта, складывающаяся тенденция к последовательному расширению сферы действия автономии воли сторон, а также необходимость обеспечения баланса интересов всех участников отношений представительства в совокупности приводят к выводу о целесообразности предоставления возможности выбора права, применимого к внешним отношениям представительства, также представителю и третьему лицу и внесения соответствующих изменений в первый абзац п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ. Согласовать применимое право возможно, к примеру, в момент заключения представителем и третьим лицом основного договора, где они могут отразить сделанный выбор.

В отсутствие выбора представляемым статута внешних отношений представительства последовательно применяются две коллизионные привязки. Генеральной является та, что отсылает к праву страны места жительства или основного места деятельности представителя. Так, Арбитражный суд г. Москвы признал применимым в споре российское право, исходя из того, что доверенность была выдана российским юридическим лицом российскому гражданину (решение от 15.09.2017 по делу № А40-101137/2015 [5, с. 105]). Условием применения этой привязки выступает осведомленность третьего лица о месте жительства или основном месте деятельности представителя. В противном случае применяется субсидиарная привязка к праву страны преимущественной деятельности представителя в конкретном случае. Определение этого места Пленумом ВС РФ поставлено в зависимость от способа совершения сделки представителем с третьим лицом. Если в этот момент они оба находились в одном и том же месте, то таковым признается место совершения этой сделки. В случае нахождения представителя и третьего лица в разных государствах и совершения сделки путем обмена сообщениями таковым считается место, где в момент направления третьему лицу оферты или акцепта находился представитель. Однако Пленум ВС РФ в п. 50 своего постановления указал только на один из возможных способов дистанционного совершения сделки, хотя и не конкретизировал, какого рода сообщения имеются в виду. Вместе с тем с развитием информационно-телекоммуникационных технологий формируется практика совершения сделок «с применением протокола голосовой связи через Интернет (VOIP) или посредством электронного обмена данными (EDI)», «заключения онлайн-контрактов на веб-сайтах» [12, с. 21]. Применение таких качественно новых способов, очевидно, влияет на определение момента совершения сделки представителем с третьим лицом.

Дополнив положения п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ указанием на момент, по состоянию на который определяется место преимущественной деятельности представителя в конкретном случае, ВС РФ, как и законодатель, оставил без ответа вопрос о моменте, по состоянию на который определяется место жительства или основное место деятельности представителя, что потенциально может вызвать затруднения в судебной практике при определении применимого права в отсутствие выбора его представляемым в доверенности, кроме того, самым прямым образом обуславливает осведомленность третьего лица о месте жительства представителя, которое может быть изменено после выдачи доверенности. В связи с этим полагаем целесообразным устранение выявленного пробела путем уточнения коллизионной отсылки второго абзаца п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ к праву страны места жительства или основного места деятельности представителя и указания в ней одного из предлагаемых моментов: 1) заключение договора, на котором основано представительство; 2) выдача представляемым доверенности представителю; 3) начало переговоров между представителем и третьим лицом о заключении основного договора; 4) заключение основного договора [3, с. 77]. Любой из предложенных вариантов в случае закрепления его в ГК РФ или разъяснениях Пленума ВС РФ, которыми руководствуются в своей деятельности российские суды, будет способствовать достижению должной степени правовой определенности и облегчению установления применимого права судом.

Подводя итог рассмотрению российского коллизионного регулирования отношений представительства, отметим, что в нем нашли отражение выработанные за долгие годы в доктрине, законодательстве различных государств, международной практике коллизионные привязки. Регламентация и внутренних, и внешних отношений представительства базируется на применении принципа автономии воли, сфера действия которого в последние годы заметно расширилась, вместе с тем специфика представительства, заключающаяся в существовании триады его сторон и делении его по сути на две группы отношений — между представителем и представляемым и между представителем или представляемым и третьим лицом, обуславливает различия в применении данного принципа к этим двум группам отношений. Несмотря на обновление коллизионных норм о представительстве ГК РФ, произошедшее в 2013 году, когда ГК РФ был дополнен статьей 1217.1, посвященной этим вопросам, а также детальные и обстоятельные разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам коллизионного регулирования представительства, вошедшие в его постановление от 09.07.2019 № 24, приходится констатировать наличие определенных пробелов в коллизионных нормах о представительстве, требующих, на наш взгляд, восполнения в законодательном порядке либо в порядке дачи уточняющих разъяснений Верховным судом РФ, в частности: о наделении представителя и третьего лица правом выбора статута внешних отношений представительства, а также о конкретизации в генеральной коллизионной привязке п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ момента, по состоянию на который определяется место жительства или основное место деятельности представителя.

Литература

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование отношений добровольного представительства // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 7–50.
2. Асосков А. В. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // Судья. 2019. № 11. С. 12–19.
3. Власова Н. В. Коллизионное регулирование добровольного представительства в России // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 68–77.
4. Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.
5. Колобов Р. Ю. Некоторые проблемы применения коллизионных норм в судебной практике (по следам реформы раздела 6 ГК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 100–106.
6. Колобов Р. Ю. Новейшие тенденции развития международного частного права России (к принятию Постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24) // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 104–113.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). 4-е изд., испр. и доп. / отв. ред.: Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М.: Юридическая Фирма Контракт, 2014. 688 с.
8. Лазарева Т. П., Шестакова М. П. Некоторые проблемы выбора применимого права в практике разрешения внешнеэкономических споров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 69–83.
9. Мажорина М. В. Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам: оксиморон или новая реальность // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12. С. 93–103.
10. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.
11. Михайлова Л. А. Негосударственное регулирование в сфере трансграничных агентских отношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 168–176.
12. Муратова О. В. Концепция транснационального потребительского права в современном мире // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 20–28.
13. Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография / отв. ред. Н. Г. Доронина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая Фирма Контракт, 2021. 432 с.
14. Шестакова М. П. О неформальных источниках регулирования внешнеэкономических отношений // Международное публичное и частное право. 2019. № 6. С. 31–35.
15. Badr G. M. Agency: Unification of Material Law and of Conflict Rules // Recueil des Cours. 1984. Vol. 184. P. 9–168.

Literatura

1. Asoskov A. V. Kollizionnoe regulirovanie otnoshenij dobrovol'nogo predstavitel'stva // Vestnik grazhdanskogo prava. 2014. № 6. S. 7–50.
2. Asoskov A. V. Novoe Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF o primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava: klyuchevy'e raz'yasneniya // Sud'ya. 2019. № 11. S. 12–19.

3. Vlasova N. V. Kollizionnoe regulirovanie dobrovol'nogo predstavitel'stva v Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 10. S. 68–77.
4. Zaloilo M. V. Fragmentaciya kak sovremennaya tendenciya razvitiya pravovogo prostranstva // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. 2020. № 1. S. 27–49.
5. Kolobov R. Yu. Nekotory`e problemy` primeneniya kollizionny`x norm v sudebnoj praktike (po sledam reformy` razdela 6 GK RF) // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 100–106.
6. Kolobov R. Yu. Novejshie tendencii razvitiya mezhdunarodnogo chastnogo prava Rossii (k prinyatiyu Postanovleniya Plenuma Verxovnogo suda RF ot 9 iyulya 2019 g. № 24) // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2019. № 4. S. 104–113.
7. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti tret`ej (postatejny`j). 4-e izd., ispr. i dop. / otv. red.: N. I. Mary`sheva, K. B. Yaroshenko. M.: Yuridicheskaya Firma Kontrakt, 2014. 688 s.
8. Lazareva T. P., Shestakova M. P. Nekotory`e problemy` vy`bora primenimogo prava v praktike razresheniya vneshnee`konomicheskix sporov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 6. S. 69–83.
9. Mazhorina M. V. Vnenacional'ny`e normy` kak primenimoe pravo k mezhdunarodny`m kontraktam: oksimoron ili novaya real`nost` // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2016. № 12. S. 93–103.
10. Mazhorina M. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v usloviyax globalizacii: ot razgosudarstvleniya k fragmentacii // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. 2018. № 1. S. 193–217.
11. Mixajlova L. A. Negosudarstvennoe regulirovanie v sfere transgranichny`x agentskix odnoszenij // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 3. S. 168–176.
12. Muratova O.V. Konceptciya transnacional'nogo potrebitel'skogo prava v sovremennom mire // Lex Russica. 2019. № 7 (152). S. 20–28.
13. Otdel'ny`e vidy` obyazatel'stv v mezhdunarodnom chastnom prave: monografiya / otv. red. N. G. Doronina. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yuridicheskaya Firma Kontrakt, 2021. 432 s.
14. Shestakova M. P. O neformal'ny`x istochnikax regulirovaniya vneshnee`konomicheskix odnoszenij // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2019. № 6. S. 31–35.
15. Badr G. M. Agency: Unification of Material Law and of Conflict Rules // Recueil des Cours. 1984. Vol. 184. P. 9–168.

N. V. Vlasova

Conflict Regulation of Representative Relations in Russia: Doctrine, Legislation and Judicial Practice

The article examines the problematic aspects of conflict regulation of representative relations in Russia. Conclusions are drawn about the differences in the application of the principle of autonomy of will in the regulation of internal and external relations of the representative office, about the possibility to use non-national legal sources by the court when considering cross-border disputes arising from the relations of the representative office, as well as further improvement of the Russian conflict regulation of these relations.

Keywords: representation; power of attorney; conflict of laws; applicable law; autonomy of will; non-national legal sources; soft law acts.

Д. В. Ботанцов

Классификация юридических лиц Российской империи в период XVIII – первой четверти XIX века

Предметом настоящего исследования являются виды юридических лиц Российской империи в период с появления первых отечественных законов, регулирующих их деятельность, до появления закона об акционерных компаниях 1836 года. Автор обозначает основные нормативные акты Российской империи XVIII – начала XIX века о юридических лицах, а также анализирует статус появляющихся в Петровскую эпоху организаций и учреждений, выстраивая их систему. Практическое значение исследования заключается в том, что в условиях современного реформирования корпоративного законодательства выводы автора могут быть использованы при изучении дисциплины гражданского права и истории права.

Ключевые слова: Российская империя; классификация; юридическое лицо; акционерная компания; товарищество; артель.

Центральное положение системы юридических лиц в экономической жизни современной России обуславливает актуальность раскрытия внутренней сущности их организационно-правовых форм. При этом построение их классификации позволило бы оформить систему знаний о появившихся в исследуемый период видах юридических лиц и проследить развитие отдельных способов объединения материальных и человеческих ресурсов, актуальных и для современной экономической действительности. Однако законодательство Российской империи не определяло какого-либо легального основания для выделения отдельных типов юридических лиц. Изложенное обуславливает необходимость анализа доктринальных мнений, а также законодательных актов о юридических лицах исследуемой эпохи для построения их классификации.

Первые нормативные акты, связанные с юридическими лицами, относятся к Петровской эпохе. Так, 27 октября 1699 года Петр I издал Указ № 1706

«О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний» (далее — указ № 1706). Первый русский император понимал, что без развития национальной системы юридических лиц экономика Российского государства не сможет занять достойное место на международной арене, и предпринял попытку стимулирования купцов на создание торговых компаний, а ориентиром определил их зарубежных коллег.

Так, указ № 1706 предписывал «купецким людям торговать так же, как торгуют иных Государств торговые люди, компаниями <...> и иметь о том всем купецким людям между собою с общего совета установления»¹. Таким образом, данный указ не узаконивал какую-либо организационно-правовую форму юридического лица и не содержал конкретных, практически применимых указаний по организации упомянутых в нем компаний. Данная норма носила, по сути, лишь декларативный и рекомендательный характер, призывая купцов вести торговлю по примеру иностранных предпринимателей и иметь общий совет для координации их деятельности.

Впоследствии Петром I издается еще два указа, представляющих интерес для настоящего исследования: Указ № 2327 от 2 марта 1711 года «О предоставлении права заниматься торговлею людям всякого звания <...>» и Указ № 4349 от 8 ноября 1723 года «О заведении компании китовой ловли <...>». Первый указ, по сути, декларировал право «всякому чину торговать». Данная норма также не содержала никакой конкретики и лишь предписывала платить пошлину вместо десятой части «по препорции с торгов»².

Указ же № 4349 представлял собой «изъяснение» на проект о китовой ловле и состоял из нескольких пунктов. Так, например, отдельно регламентировался порядок вложения в компанию капитала иностранцами и получения ими прибыли³.

Кроме того, в связке с указом № 4349 находился и предшествующий ему указ № 4348 от 8 ноября 1723 года, предписывающий, в числе прочего, образовывать компании китового промысла «от города Архангельского <...>»⁴.

Вместе с тем, несмотря на предпринятые Петром I попытки, купцы не стремились менять уже сложившиеся за века методы ведения торговли и учреждать

¹ О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний <...>: Именной указ от 27.10.1699 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. III. Ст. № 1706. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 03.04.2021).

² О предоставлении права заниматься торговлею людям всякого звания, о выморочных деревнях, и о наказании укрывающихся от службы: Именной указ от 02.03.1711 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. Ст. № 2327. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 03.04.2021).

³ О заведении компании китовой ловли и о приеме в оную иностранцев наравне с русскими: Именной указ от 08.11.1723 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. Ст. № 4349. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 03.04.2021).

⁴ О прилежном наблюдении, чтобы Российские товары более на деньги продаваемы были... Именной, данный Коммерц-Коллегии указ от 08.11.1723 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. Ст. № 4348. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 03.04.2021).

компании для осуществления совместной предпринимательской деятельности. Вероятно, сказывался также и тот факт, что на Руси издавна существовала система артельного объединения людей, и к началу XVIII столетия реальная экономическая потребность в переходе к новым формам еще не наступила. Кроме того, право торговли обуславливалось сугубо сословным характером, феномен крепостного права по определению лишал возможности участия в хозяйственном обороте подавляющее число населения Российской империи [3, с. 17–18].

В течение последующих десятилетий правовой статус торговых компаний Российской империи никак не менялся, и лишь 24 февраля 1757 года сенатским указом было утверждено соглашение о создании «Российской в Константинополе торгующей коммерческой компании», которая чаще всего упоминается исследователями как первое отечественное коммерческое юридическое лицо.

Инициатива в ее учреждении исходила от венецианских купцов, желавших получить возможность торговать с Россией, используя морской путь по Черному морю. Следует отметить, что в самом начале указа об учреждении компании (далее — указ № 10694) приводилась отсылка на указ Петра I от 8 ноября 1723 года: «Понеже Высочайшим <...> состоявшимся в 1723 году ноября 8 дня <...> указом повелено: Российской коммерции в иностранные места <...> компании строить», после чего указывалось, что от вступления в ту компанию и «от произведения коммерции по несогласию между собою и нехотению отrekliсь». Далее текст указа обозначал представивших «доношение» о намерении торговать в Константинополь и иные города посредством учрежденной компании, после чего следовал вывод: «компанию торги производить дозволить, и именовать <...> ее Российскою в Константинополь торгующую коммерческою компаниею»⁵.

Первые российские акционеры могли продавать принадлежащие им акции — как весь пакет целиком, так и по отдельности, однако подробной регламентации процессов распределения акций, как и иных вопросов управления и получения дивидендов, указ не содержал. Как подписывалось в п. 5 указа № 10694, «для доброго распорядка в смотрении <...> имеют они (т. е. акционеры — прим. авт.) сочинить между собой особливые кондиции <...> и в случае споров <...> разбираться <...> по силе оных».

В том же пункте содержалось и указание иметь копию данных кондиций «каждому у себя», предусматривалась и возможность внесения в них изменений.

Таким образом, мы видим, что законодательное регулирование юридических лиц на конец XVIII века как таковое отсутствовало; учредители самостоятельно должны были разрабатывать нормы для регулирования как внутренних отношений общества, так и взаимоотношений со сторонними лицами. При этом положения императорских указов о создании первых торговых

⁵ О привилегии Московской первой гильдии... и об именовании сего торгового товарищества Российскою в Константинополь торгующею коммерческою компаниею: Сенатский указ от 24.02.1757 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIV. Ст. № 10694. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 03.04.2021).

компаний являлись частными и распространялись они лишь на конкретное, учреждаемое таким указом общество.

Соответственно, данный правовой период характеризуется особой ролью уставов торговых компаний, которые являлись основным источником права для акционеров. В этой связи представляют собой интерес замечания Екатерины II, оставленные ею в 1767 году на проекте образования Новгородской торговой компании.

Так, императрица высказывала одобрение представленному проекту, указывая, что «все почти купцы малые имеют капиталы и по той причине не могут расторгнуться». По мнению Екатерины II, необходимо было предоставить возможность принять участие в акционерной компании даже купцам с самым ограниченным капиталом, установив минимальный взнос в размере 25 рублей. Руководство же компании надлежало не концентрировать у одного лица, а поручить трем директорам, которых могли бы избрать сами участники общества на общем собрании.

Кроме того, императрица предложила ввести дополнительную обеспечительную меру в виде особой «подписки» участников компании (как акционеров, так и всего руководства), которой они обязывались бы честно руководить и не отступаться от интересов своих компаньонов, стараясь «...установить и распространить пользу и кредит сей компании»⁶.

В 1805 году Александр I подписывает указ «Об ответственности акционерным компаниям, в случае взысканий, одним складочным капиталом». С этого года в России законодательно закрепляется ограниченная ответственность участников акционерных компаний, и теперь никто из акционеров «<...> при неудачах не теряет свыше положенного в компанию»⁷. Окончательное юридическое закрепление принцип ограниченной ответственности получил в изданном 1 января 1807 года Манифесте № 22418 «О даровании купечеству новых выгод...» (далее — Манифест)⁸. Этот манифест становится первым законодательным актом, содержащим попытку систематизации существующих в то время коммерческих компаний. Именно с момента его подписания в законодательстве Российской империи начинает складываться система коммерческих юридических лиц.

Преимущества компаний перед ведением бизнеса по-старому, отдельными купцами, к этому времени уже были очевидны для большинства коммерсантов:

⁶ Голицин Ю. П. «Благородные» бизнесмены. Дворянское предпринимательство в России в XVIII веке [Электронный ресурс] // Русский предприниматель. 2002. № 7. URL: <http://www.ruspred.ru/arh/05/41.php> (дата обращения: 03.04.2021).

⁷ Об ответственности акционерным компаниям, в случае взыскания, одним складочным капиталом: Сенатский указ вследствие именного от 06.09.1805 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII. Ст. № 21900. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=130®im=3 (дата обращения: 03.04.2021).

⁸ О даровании купечеству новых выгод, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий: Манифест от 01.01.1807 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи.. Т. XXIX. Ст. № 22418. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=130®im=3 (дата обращения: 03.04.2021).

совместное ведение предпринимательства позволяло объединять небольшие капиталы в крупные, существенно снижать при этом предпринимательские риски и с пользой распределять обязанности между участниками обществ [2, с. 326–328].

Манифест 1807 года состоял из вводной части и 20 статей, разделенных на 4 отделения. Первая же статья содержала пожелание, чтобы купцы торговали товариществами, и указывала на двоякую сущность купеческих товариществ: «товарищество полное и товарищество на вере». При этом уже следующий абзац уточнял, что «сверх того бывает товарищество по участкам». Под «товариществами по участкам», то есть состоящими из частей, понимались общества, идентичные современным акционерным, поскольку образовывались они неограниченным числом лиц, соединявших свои суммы в единый складочный капитал. Эти товарищества часто назывались также акционерными компаниями. Ввиду высокой важности таких компаний в понимании законодателя, товарищества по участкам утверждались по особой процедуре: их уставы утверждались Комитетом министров лишь с санкции императора.

Полным, согласно Манифесту, являлось товарищество, состоящее из не менее чем двух товарищей, «которые положили за едино торговать под общим названием». Такие товарищи отвечают за долги торгового дома всем своим имуществом, как движимым, так и недвижимым. При организации полного товарищества между его участниками заключался договор, который, согласно ст. 2 Манифеста, «...если не противен коренным правилам <...> и общему гражданскому и торговому праву», имел для них силу закона. В таком договоре могли прописываться различные положения, касающиеся взаимных обязательств между участниками, а также цели и срок его существования.

Товарищество на вере представляло собой одного или более товарищей, которые соединялись хотя бы с одним вкладчиком, вверяющим товарищам определенные доли своего капитала для ведения торговли.

Правила, регулировавшие полные товарищества, распространялись и на товарищества на вере, за исключением определенных изъятий для вкладчиков. Так, согласно Манифесту, вкладчики в случае разрушения торгового дома отвечали только в пределах сделанного вклада; кроме того, они не могли действовать от имени торгового дома. В целях защиты потенциальных контрагентов Манифест содержал положение, аналогичное современному правилу о товариществах, о том, что участник одного товарищества не мог вступать в другое (поскольку в случае чего уже будет отвечать всем своим имуществом по долгам первого).

Дворяне, которым ранее указом № 20493 от 4 ноября 1802 года уже было даровано право «внешнего оптового торгова»⁹, в Манифесте получали официальное право как самостоятельно открывать по своему желанию торговые дома,

⁹ О дозволении помещикам производить заграничную оптовую торговлю: Именной, данный Сенату указ от 04.11.1802 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVII. Ст. № 20493. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=130®im=3 (дата обращения: 03.04.2021).

так и вступать в соответствующие товарищества. При этом в Манифесте оговаривалось, что дворянин, «неся все повинности по купеческому званию наравне с купцом, <...> не перестает исполнять своих обязанностей <...> по дворянскому званию».

Манифест был первым российским законом, содержащим подробную регламентацию порядка регистрации товариществ и фактического признания их юридическим лицом. Так, согласно положениям ст. 5 Манифеста, торговый дом принимал «гражданское и торговое знаменование», когда вносил в магистрат и в Думу «выписку из своих взаимных постановлений», уведомляя других купцов о своем учреждении. Такая выписка содержала указание на конкретный вид учреждаемого товарищества, полные данные участников, подписи и печати тех товарищей, которым принадлежат функции управления, количество капитала, составленного товарищами и вкладчиками. Могли в выписке указываться также и сами вкладчики, но эта информация по желанию учредителей могла быть скрыта от посторонних.

Наконец, последний абзац первого отделения Манифеста указывал, что товарищества «обоего рода по типу гильдии, в какой считаются товарищи, пользуется правами торга». Так, гильдия составлявших торговый дом купцов определяла и гильдию самого товарищества; после рассмотрения представленных новым торговым домом сведений, товарищество получало возможность заниматься торговлей от своего имени, то есть выступать в качестве субъекта хозяйственных прав, что означало его фактическое признание государством в качестве юридического лица.

Нами уже упоминались артели, деятельность которых к концу XVIII – началу XIX века также впервые получает законодательное регулирование. Так, 12 ноября 1799 года император Павел I подписывает указ № 19187, утверждая Устав цехов, 14-я глава которого полностью посвящалась регламентации создания и работы артелей. Теперь последние получили легальное определение и понимались как общества, составленные на основе добровольного объединения людей и выполняющие «несоразмерные силам одного человека» работы¹⁰.

Устав цехов также устанавливал и ответственность артельщиков «друг за друга... порукою», указывая, что за утраченное и поврежденное имущество солидарную ответственность несут все участники артели. Кроме того, в данном уставе закреплялся порядок управления артелями через выборных старост и казначеев, назначаемых на указанные должности сроком на год, и даже устанавливался кворум, необходимый для их избрания, — не менее одной трети от общего числа артельщиков.

Вышеперечисленные виды юридических лиц объединяет единый признак — извлечение прибыли как основная цель их деятельности. С учетом изложенного их следует определять как коммерческие юридические лица в противовес

¹⁰ Устав цехов: Высочайше утвержденный 12.11.1799 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. Ст. № 19187. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=130®im=3 (дата обращения: 03.04.2021).

объединениям физических лиц, также выступавшим от собственного имени и обладавшим своей, отдельной правосубъектностью, но не имевшим в качестве основной цели извлечение дохода. Хотя в дореволюционном законодательстве не фиксировался какой-либо классификационный критерий юридических лиц, в настоящей работе для построения их системы мы прибегнем к этому основанию как наиболее удобному и привычному для современного гражданского права.

В рассматриваемый нами период круг некоммерческих юридических лиц законами Российской империи фактически никак не определялся. Вместе с тем анализ внутренних регламентов, организационной формы и самой деятельности отдельных организаций XVIII – начала XIX века позволяет высказаться о том, что фактически Российское государство уже с начала своего имперского периода знало разделение на коммерческие и некоммерческие юридические лица.

К некоммерческим юридическим лицам исследуемого периода следует отнести все сложившиеся к тому времени государственные структуры, не являвшиеся публичными образованиями. Так, сама Российская империя и ее отдельные административные единицы обладали определенной публичной властью и участвовали в гражданских правоотношениях, то есть относились к категории публичных образований. Однако в эпоху правления Петра I государственное управление подвергается значительному реформированию, появляется множество новых государственных органов, деятельность которых была строго регламентирована.

Например, учрежденные Петром I коллегии представляли собой самостоятельные учреждения, обладавшие своей печатью, и выступали они в различных правоотношениях именно от своего имени (но не их президента). Так, гл. 39 Генерального регламента указывала на возможность коллегий и некоторых канцелярий получать доходы, о чем император «впредь особый регламент выдать изволит»¹¹. Таким образом, данный регламент прямо указывал на коллегии (а не на конкретных должностных лиц) как на субъектов права, способных самостоятельно вступать в гражданские правоотношения.

К некоммерческим юридическим лицам следует отнести и государственные учебные заведения, появляющиеся в России в исследуемый нами период. Так, в современный устав Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2008 г. № 223, записана дата его основания 25 января 1755 года, при этом п. 5 данного устава напрямую определяет университет как юридическое лицо¹².

¹¹ Генеральный Регламент или Устав, по которому государственные коллегии <...> поступать имеют, от 28.02.1720 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. Ст. № 3534. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=130®im=3 (дата обращения: 03.04.2021).

¹² Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»: постановление Правительства РФ от 28.03.2008 г. № 223 [Электронный ресурс] // Документы системы Гарант. URL: <https://base.garant.ru/6386587/> (дата обращения: 03.04.2021).

Такие некоммерческие юридические лица, учрежденные публичными образованиями, впоследствии определялись в Российской империи как установления. Помимо учебных заведений и государственных учреждений к ним также относились религиозные общины, кредитные установления, богоугодные заведения. Отдельно уточним, что церковь как таковая в Российской империи не относилась ни к юридическим лицам, ни к публичным образованиям, а входила в состав самого государства; так, Святейший правительствующий синод, ее главный орган, обладал статусом государственного органа [1, с. 26–27].

Проводя анализ рассмотренных выше источников отечественного права XVIII – первой четверти XIX века, становится возможным сделать определенные выводы.

Так, если Петровская эпоха знаменуется лишь провозглашением абстрактной возможности ведения торговли компаниями «по примеру иностранных», то в период царствования Александра I в Российской империи складывается уже полноценная в своей функциональности система юридических лиц. Действительно, еще в середине XVIII века учреждение акционерных компаний происходило эпизодически и каждый такой случай являлся в своем роде прецедентом, порождавшим новые правовые нормы. Принятие же Манифеста 1807 года заложило правовой фундамент для упорядоченного создания компаний и товариществ различных, регламентированных законом видов.

Итак, юридические лица в Российской империи исследуемого периода *de facto* делились на коммерческие и некоммерческие (установления). При этом с 1807 года в России признавались следующие виды коммерческих юридических лиц: полное товарищество, товарищество на вере, товарищество по участкам (акционерная компания). Кроме того, законодательство Российской империи регламентировало и артельное производство, что позволило говорить об артелях как об отдельной, самостоятельной организационно-правовой форме юридических лиц (хотя отдельное положение о трудовых артелях появилось в России лишь в 1902 году¹³).

Мы показали, что структура отечественных юридических лиц в период XVIII – первой четверти XIX века характеризовалась отсутствием четкой законодательной регламентации. Тем не менее уже к началу XIX века в России оформляется система различных видов юридических лиц, появляются специальные нормы, раскрывающие их организационно-правовой статус, порядок формирования и управления. Таким образом, к началу царствования Николая I в Российской империи возникают серьезные предпосылки для качественно новых способов ведения торговли и функционирования государственной экономики.

¹³ Об артелях трудовых: Высочайше утвержденное положение от 01.06.1902 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. Ст. № 21550. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=130®im=3 (дата обращения: 03.04.2021).

Литература

1. Ботанцов И. В. Вещные права в Российской империи 1832–1917 гг. // Журнал экономических и правовых исследований. 2019. № 3. С. 24–29.
2. Каминка А. И. Акционерные компании. Юридическое исследование. СПб.: Типо-лит. А. Е. Ландау, 1902. 512 с.
3. Стукалова Ю. В. Юридические лица как субъекты предпринимательской деятельности в России XIX – начала XX века: историко-правовое развитие и теоретическое осмысление: автореф. дис. канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 25 с.

Literatura

1. Botanczov I. V. Veshhny`e prava v Rossijskoj imperii 1832–1917 gg. // Zhurnal e`konomicheskix i pravovy`x issledovanij. 2019. № 3. S. 24–29.
2. Kaminka A. I. Akcionerny`e kompanii. Yuridicheskoe issledovanie. SPb.: Tipo-lit. A.E. Landau, 1902. 512 s.
3. Stukalova Yu. V. Yuridicheskie licza kak sub`ekty` predprinimatel`skoj deyatel`nosti v Rossii XIX – nachala XX veka: istoriko-pravovoe razvitie i teoreticheskoe osmy`slenie: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvenny`j universitet, 2007. 25 s.

D. V. Botantsov

Classification of Legal Entities of the Russian Empire in the Period from the 18th Century up to the First Quarter of the 19th Century

The subject of this research is the types of legal entities of the Russian Empire in the period from the appearance of the first domestic laws regulating their activities to the appearance of the law on joint stock companies in 1836. The author identifies the main normative acts of the Russian Empire of the 18th – early 19th centuries on legal entities and analyzes the status of organizations and institutions that appeared in the Peter the Great era, building their system. The practical significance of the study lies in the fact that in the context of modern reformation of corporate legislation the author's conclusions can be used in the study of the discipline of civil law and the history of law.

Keywords: Russian Empire; classification; legal entity; jointstock company; partnership; work association.

УДК 347.133.86

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.10

М. И. Конончук

Актуальность внедрения в гражданское законодательство Российской Федерации таких правовых конструкций, как траст и фонд

В настоящее время в Российской Федерации проводится реформа гражданского законодательства, в рамках которой появился новый вид юридического лица — наследственный фонд. При разработке законопроекта и исследовании опыта стран общего права возник вопрос об актуальности внедрения в гражданское законодательство РФ таких правовых конструкций, как траст и фонд. Использование подобного эффективного и надежного управления активами явится своеобразной антиофшорной мерой, так как российский бизнес получит стимулы не выводить активы за границу, а также может способствовать повышению уровня жизни населения и экономики страны в целом.

Ключевые слова: фонд; траст; наследственный фонд; общее право; континентальное право.

В последнее время в законодательстве стран континентального права, включая законодательство Российской Федерации, наблюдается внедрение институтов англосаксонской системы права.

Актуальность введения трастов в законодательство Российской Федерации заключается в том, что данная правовая конструкция широко распространяется в странах общего права и является фаворитом среди организационно-правовых форм, образуемых в целях защиты, сохранения и эффективного управления активами.

В данной статье представлен сравнительный анализ существующего в правовой системе Российской Федерации наследственного фонда и зарубежных трастов, что позволит сделать вывод о целесообразности внедрения в российское законодательство трастовых конструкций, основываясь на примерах стран англосаксонской системы права.

Вопрос о возможности учреждения трастов на территории Российской Федерации в последние годы поднимается все чаще и чаще. О необходимости создания в России трастов, в которые граждане смогут передавать свое имущество для обозначенных целей, в том числе и безвозвратных трастов, которые подразумевают полный переход права собственности на передаваемое имущество от доверителя в управляющую компанию, заявил президент Российской Федерации.

Федерации Владимир Путин. Данное заявление послужило началом научных разработок и проектирования опыта англосаксонского права на действующее гражданское законодательство РФ¹.

Во исполнение предписаний президента, новая правовая конструкция была разработана и предстала в Гражданском кодексе Российской Федерации в виде наследственного фонда. Это первая в России правовая конструкция — аналог зарубежных трастов.

Как и многие другие новеллы наследственного законодательства, правовая конструкция «наследственный фонд» была заимствована у государств общего права, в правовых системах которых такие институты функционируют еще с начала прошлого века. Зародилась обсуждаемая традиция в Великобритании, а активное применение и всеобщее признание получила в США².

Использование данной конструкции в странах общего права было вынужденной мерой, так как богатые наследодатели, опасаясь за недобросовестное и нерациональное использование их активов, вынуждены были принимать меры по созданию неких регулирующих конструкций, в частности составлять завещания, в которых четко были бы определены правила распределения и порядок использования полученных наследниками активов. Актуализация данного вопроса среди широкого круга населения побудила законодателей создать правоприменительную практику особого вида юридических лиц — траст и фонд. В их учредительных документах количество условий, оговорок, поручений и правил не ограничено, в связи с чем каждый наследодатель может учредить юридическое лицо, определив в нем все необходимые условия для распоряжения его активами для достижения необходимых ему целей. В странах общего права данные конструкции широко распространены среди всех кругов населения. За помощью в создании фонда или траста может обратиться почти каждый гражданин (в некоторых странах установлен минимальный капитал) и помогут ему в этом специальные агентства, которые создадут организацию, соответствующую всем требованиям и возможностям наследодателя [5].

В последующем использование таких институтов в части передачи имущества бенефициарам стало применяться в качестве альтернативы завещания для уклонения от налогообложения полученного наследниками имущества. Таким подходом юристами англосаксонской правовой системы была усовершенствована форма владения имуществом.

В настоящее время российскими законодателями создаются условия для реализации обсуждаемой новеллы, устанавливается регламент работы нотариусов

¹ В России создадут трасты, куда граждане смогут передавать имущество [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2015. 25 марта. URL: <http://ria.ru/politics/20150325/1054420396.html> (дата обращения: 01.03.2021).

² Козлова Н. Наследство до востребования. Крашенинников: новый закон защитит права наследников // Российская газета. 31.07.2017. Рубрика «Власть». URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krashennnikov-nasledstvennyj-fond-novyy-sposob-upravleniia-imushchestvom.html> (дата обращения: 01.03.2021).

при правоприменении новых положений Гражданского кодекса о наследственном праве, в последующем данная новелла повлечет за собой ряд изменений: в первую очередь будут разработаны поправки в Налоговый кодекс, для регулирования налогообложения обсуждаемых юридических лиц, предотвращения злоупотребления управляющими фонда своими правами, противодействия проведению мнимых сделок/операций с целью уклонения от налогообложения; в Гражданском кодексе Российской Федерации изменения коснутся перечня юридических лиц и некоммерческих организаций [2]. Таким образом, гражданское законодательство Российской Федерации получит новый правовой институт — наследственный фонд, предназначенный для защиты активов, снижения налогового бремени и выступающий как альтернатива завещанию³.

Далее мы проведем сравнительный анализ существующего в правовой системе Российской Федерации наследственного фонда и зарубежных трастов с целью выяснения всех приоритетов и подводных камней при использовании той или иной правовой конструкции. Для достижения поставленной цели выделим основные отличия траста и фонда, определяющие перспективу достижения цели их создания, нюансы организации работы и возможные риски при их использовании.

Институты траста и фонда значительно разнятся и хотя имеют схожие цели, но по своей природе являются совершенно разными правовыми конструкциями.

В настоящее время концепция траста широко используется в странах общего права и с каждым днем получает там все более широкое распространение. Всем известно, что состоятельные резиденты стран континентального права активно используют данную практику и оценивают ее как единственный надежный вариант для сбережения и защиты своих активов [10, с. 42]. В законодательстве государств континентального права концепция траста пока не используется, однако достаточно распространен и в некоторых странах активно применяется производный от траста инструмент — фонд [1].

Траст — это правоотношения, действующие на основании трастового законодательства и трастового договора⁴. Суть трастовых правоотношений заключается в том, что в результате их действия одно лицо владеет и распоряжается имуществом в пользу другого лица (бенефициара траста), то есть первоначальный собственник лишается права собственности на определенный срок, либо бессрочно (по условиям траста). Между сторонами трастового договора существуют правоотношения, известные как фидуциарные обязанности и корреспондируемые права, которые устанавливаются правом справедливости в сочетании с условиями трастового договора. Наличие и применение данных правоотношений и является сутью траста.

³ Там же.

⁴ Доверительная собственность (или траст) [Электронный ресурс] // Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2003. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14466> (дата обращения: 01.03.2021).

Фонд — это юридическое лицо, организованное в виде обособленного имущества, которое становится единственным собственником и пользователем переданного ему имущества. Фонду может быть передано имущество в любом виде: недвижимое имущество, ценные бумаги, наличные деньги, доли в компаниях, результаты интеллектуальной деятельности. Конструкция фонда исключает возможность наличия в нем членов, акционеров, партнеров и т. п. [7].

Рассмотрим основные отличия имеющегося в нашей правовой системе наследственного фонда от англосаксонских трастов. Рассматриваемые правовые конструкции имеют схожие цели, а именно создание условий для максимальной защиты и охраны активов учредителей или внешний контроль распределения наследства и его доходности в пользу определенных лиц — бенефициаров [8].

Однако рассматриваемые юридические лица имеют и весомые отличия.

Главное отличие — форма организации. Траст — это письменное соглашение об условиях, порядке и целях управления активами, а фонд — это отдельное юридическое лицо, которое ведет хозяйственную деятельность от своего имени, но в интересах круга лиц, обозначенных учредителем в уставе фонда [6, с. 226–242].

Из этого следует, что учреждение фонда требует обязательной государственной регистрации, а при учреждении траста достаточно подписания сторонами трастового договора в простой письменной форме.

При регистрации фонда обязательна государственная регистрация устава. При создании траста регистрация учредительных документов не требуется, как следствие, условия трастового договора, по желанию сторон, могут быть строго конфиденциальными.

Как правило, при организации наследственного фонда устанавливается минимальный уставный капитал. В трастовом договоре какие-либо условия финансового обеспечения организации траста отсутствуют, данное условие остается на усмотрение сторон соглашения.

В результате учреждения наследственного фонда принадлежащее учредителю фонда имущество и переданное им фонду становится собственностью юридического лица — наследственного фонда. При учреждении траста все активы бенефициара составляют отдельный фонд и хотя они и переходят в собственность управляющего, но не могут стать собственным имуществом трастового управляющего, что более безопасно для бенефициара в случае каких-либо недобросовестных действий бенефициара и иных третьих лиц. Последних, как правило, не бывает ввиду отсутствия в форме трастового договора таких составляющих, как акции, доли, членство и т. п. [9].

Порядок налогообложения наследственного фонда в РФ еще не определен, однако в налоговом законодательстве некоторых стран предусмотрено налогообложение фондов в процентном соотношении от первоначального капитала и налог на капитал от суммы внесенного капитала [3, с. 43]. Так как траст не является юридическим лицом, то он полностью освобожден от уплаты

налогов. Также траст освобожден от прохождения аудита и представления налоговой отчетности. В случае ведения фондом коммерческой деятельности он обязан подавать отчетность, установленную законодательством и применимую к юридическим лицам.

Имеющийся в нашей правовой системе наследственный фонд имеет следующие отличия от траста и фонда:

1. Наследственный фонд преимущественно учреждается и начинает функционировать после смерти наследодателя (в гражданском обороте некоторых стран предусмотрено создание такого фонда при жизни для работы в тестовом экспериментальном режиме), а траст возможен на любом этапе жизни доверителя по его волеизъявлению.

2. Одним из главных отличий наследственного фонда от траста является наличие возможности у кредиторов наследодателя предъявлять к такому фонду требования об исполнении долговых обязательств умершего [4], а траст не несет ответственности по долгам доверителя.

3. Ликвидация наследственного фонда возможна только в результате наступления определенных условий, причем делается это либо по решению суда, либо по иску государственного органа [6, с. 226–242]. Прекращение траста происходит по требованию наследников с передачей им имущества либо в результате наступления определенных условий, предусмотренных трастовым соглашением.

Трасты получают все большее распространение среди богатых слоев населения во всем мире. В России возможность организации подобной хозяйственной деятельности отсутствует, что негативно влияет на доходность бюджета ввиду отсутствия налоговых поступлений и влечет за собой утечку активов за границу, а также определенное сокращение рабочих мест и замедление развития экономики нашей страны.

Создание свободных в юридическом заключении трастов, обеспечивающих максимально комфортные условия для ведения бизнеса, в России пока остается только в планах. Не так давно были определенные предпосылки к усовершенствованию законодательства в обсуждаемой области, например вводились прототипы трастов — договоры доверительного управления, что по факту являлось, однако, абсолютно иным явлением.

В России право собственности охраняется законом, в действующем законодательстве невозможен переход права собственности на недвижимое имущество и некоторое движимое (доли в компаниях, акции, ценные бумаги) без государственной регистрации. Таким образом, существование траста в таком виде, в каком он представлен в государствах общего права, без глобальных изменений в гражданском законодательстве невозможно. Данная правовая конструкция противоречит основным канонам гражданского законодательства РФ, в частности подвергается исчезновению институт права собственности в его существующем виде, который в настоящее время охраняется и строго контролируется законодателем. Внедрение трастов в правовую систему России потребует глобальных изменений

во многих отраслях права: налоговом, договорном, семейном, земельном, жилищном, потребуются поправки в регламентах работы нотариата и Росреестра, значительно модифицируются понятие права собственности и порядок перехода права собственности на недвижимое имущество, и др.

Как будет контролироваться подобное явление пока неизвестно, тем более для случаев заключения конфиденциальных трастовых договоров.

Появление трастов и фондов будет являться оздоровительной мерой для отечественного бизнеса, так как из-за их отсутствия российским предпринимателям, чтобы воспользоваться обсуждаемыми правовыми конструкциями, необходимо сегодня переводить свои активы в офшорные юрисдикции, а после введения предлагаемой новеллы в гражданский оборот законодательства Российской Федерации средний и крупный бизнес может, с устранением этой причины, оставаться и развиваться в своей стране, что положительно скажется на развитии экономики в целом.

Литература

1. Антонова А. Трасты в налоговом планировании: инструкция по применению // *Налоги и налоговое планирование*. 2011. № 10. С. 37–41.
2. Беспалов Ю. Ф. Наследственное законодательство России: недостатки и некоторые проблемы. // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 10. С. 13–17.
3. Гадиа С., Роджерс К., Хан Хо Дж. Конструкции траста по английскому праву // *Legal Insight*. 2015. № 7. С. 43–54.
4. Долинская В. В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России. // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 10. С. 3–13.
5. Карташов М. А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // *Современное право*. 2017. № 10. С. 83–90.
6. Крашенинников П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). М.: Статут, 2019. 302 с.
7. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 31. (Часть I). С. 1–18.
8. Письмо Минфина России от 09.04.2014 № 03–00-РЗ/16236 // *Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение)*. 2014. № 16. С. 1–2.
9. Смитиенко С. Б. Механизмы офшорного бизнеса в современной мировой экономике // *Валютное регулирование. Валютный контроль*. 2010. № 6. С. 68–73.
10. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 144 с.

Literatura

1. Antonova A. Trasty` v nalogovom planirovanii: instrukciya po primeneniyu // *Nalogi i nalogovoe planirovanie*. 2011. № 10. S. 37–41.
2. Bepalov Yu. F. Nasledstvennoe zakonodatel`stvo Rossii: nedostatki i nekotory`e problemy`. // *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika*. 2018. № 10. S. 13–17.
3. Gadia S., Rodzhers K., Xan Xo Dzh. Konstrukcii trasta po anglijskomu pravu // *Legal Insight*. 2015. № 7. S. 43–54.

4. Dolinskaya V. V. O tendenciyaх razvitiya i problemax nasledstvennogo prava Rossii. // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2018. № 10. S. 3–13.
5. Kartashov M. A. Nasledstvenny`j fond: novoe rossijskoe zakonodatel`stvo i inostranny`j opy`t. // Sovremennoe pravo. 2017. № 10. S. 83–90.
6. Krashennnikov P. V. Nasledstvennoe pravo (Vklyuchaya nasledstvenny`e fondy`, nasledstvenny`e dogovory` i sovместny`e zaveshhaniya). M.: Statut, 2019. 302 s.
7. O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i tret`yu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 29.07.2017 g. № 259-FZ // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2017. № 31. (Chast` I). S. 1–18.
8. Pis`mo Minfina Rossii ot 09.04.2014 № 03–00-RZ/16236 // E`konomika i zhizn` (Buxgalterskoe prilozhenie). 2014. № 16. S. 1–2.
9. Smitienko S. B. Mexanizmy` ofshornogo biznesa v sovremennoj mirovoj e`konomie // Valyutnoe regulirovanie. Valyutny`j kontrol`. 2010. № 6. S. 68–73.
10. Sokolova N. V. Doveritel`naya sobstvennost` (trast) v kontinental`noj Evrope. M.: Infotropik Media, 2012. 144 s.

M. I. Kononchuk

The Relevance of the Introduction of Such Legal Structures as a Trust and a Foundation into the Civil Legislation of the Russian Federation

Currently, the Russian Federation is undergoing a reform of civil legislation within the framework of which a new type of legal entity has appeared that is the inheritance fund. When developing the draft law and studying the experience of common law countries, the question about the relevance of introducing such legal structures as a trust and a foundation into the civil legislation of the Russian Federation arose. The possibility of using such effective, reliable asset management will be an anti-offshore measure, since Russian business will be able not to transfer assets abroad, due to the lack of the necessary tools in the legislation of the Russian Federation that keep up with modern global trends, and will also increase the standard of living of the population and the national economy as a whole.

Keywords: foundation; trust; inheritance fund; common law; continental law.

УДК 346.1

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.11

К. С. Новикова

Элементы электронного правосудия через призму основных принципов судопроизводства

В статье рассматривается влияние цифровых технологий и элементов электронного правосудия на развитие и обеспечение основополагающих принципов судопроизводства, приведен краткий анализ взаимодействия элементов электронного правосудия и таких принципов судопроизводства, как законность, гласность, открытость, доступность. Обозначены риски внедрения цифровых новаций в процесс правосудия, определенные с точки зрения реализации принципов судопроизводства.

Ключевые слова: электронное правосудие; элементы электронного правосудия; судопроизводство; цифровизация; принципы судопроизводства.

Развитие современной судебной системы в значительной мере связано с внедрением цифровых технологий и электронного правосудия. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”» [2] информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в деятельность судебной системы должны обеспечить повышение эффективности деятельности всей судебной системы Российской Федерации.

Внедрение цифровых технологий и элементов электронного правосудия в процесс судопроизводства приводит к изменению традиционного правосудия, существенно модернизирует способы его обеспечения. В. М. Лебедев на Совете судей Российской Федерации утверждал, что необходимо продолжить активное внедрение электронного правосудия в судебную систему России¹.

Цифровые технологии и элементы электронного правосудия в первую очередь призваны развивать и гарантировать основные принципы правосудия, такие как законность, независимость судей, доступность правосудия, открытость судопроизводства, равноправие сторон и т. д. Цифровые новации выступают в качестве своеобразного проводника между обществом и судебной властью, создавая доступные и удобные способы защиты прав.

¹ Выступление председателя верховного суда российской федерации В. М. Лебедева на IX Всероссийском съезде судей [Электронный ресурс] // Совет судей Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.ssrj.ru/siezd-sudiei/22668> (дата обращения: 31.05.2021).

Кроме того, нельзя отрицать, что цифровые технологии, внедренные в судопроизводство, могут служить одним из факторов преодоления правового нигилизма за счет обеспечения открытости и доступности правосудия, а также ускорения сроков рассмотрения судебных споров, повышения качества подготовки судебных актов [11, с. 73].

А. Сухаренко, связывая понятие электронного правосудия с принципами, отмечает, что это особый способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства [10].

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [4] сформированы конкретные предложения по цифровизации процессуального законодательства.

Так, повышение независимости судей обеспечивается путем внедрения автоматического распределения дел между судьями. Кроме того, формирование судебных составов осуществляется с помощью специальной компьютерной программы. Нововведение позволит обеспечить равномерную нагрузку судей, будет способствовать беспристрастному рассмотрению каждого конкретного дела, а также позволит снизить коррупционный фактор.

Введение системы видео-конференц-связи способствует обеспечению открытости и гласности судопроизводства. Данная система позволяет принимать участие в судебном заседании в дистанционном формате, что позволяет обеспечить участие в нем лиц, не имеющих возможности лично присутствовать на судебном заседании ввиду территориальной удаленности. Для организации системы видео-конференц-связи участнику процесса достаточно заявить ходатайство, о разрешении которого выносится отдельное определение. Основанием для отказа в удовлетворении такого ходатайства, как правило, служит только отсутствие у суда технической возможности для организации видео-конференц-связи.

Кроме того, необходимо отметить интернет-трансляции судебных заседаний, которые позволяют одновременно реализовать принципы гласности, публичности и доступности правосудия. Практику интернет-трансляций начал еще Высший арбитражный суд РФ, позднее такая возможность появилась у Конституционного суда РФ, а в 2015 году уже суды общей юрисдикции объявили о готовности к онлайн-трансляциям судебных процессов.

Необходимо отметить, что в 2020 году из-за пандемии коронавирусной инфекции и введения соответствующих ограничений судами был разработан новый формат судебных заседаний, а именно онлайн-заседания, что позволило осуществлять судопроизводство даже в условиях невозможности сохранить действующий порядок судебных заседаний.

Виртуализация судебного процесса также обеспечивает реализацию принципа состязательности. Если раньше участники судебного процесса могли

состязаться только непосредственно участвуя в судебных процессах, то современные процессуальные инструменты позволяют излагать свою позицию фактически из любой точки планеты.

Принципы гласности, открытости и доступности правосудия обеспечиваются путем размещения в сети Интернет текстов судебных актов. Так, все акты арбитражных судов в обязательном порядке публикуются в картотеке арбитражных дел (за исключением актов, принятых в закрытых заседаниях), что дает возможность лицам, участвующим в деле, оперативно узнавать информацию о движении дела.

Подача документов в суд в электронном виде позволяет обеспечить такие принципы, как принцип диспозитивности, состязательности и равноправия сторон. Количество обращений в суды в электронном виде растет с каждым годом. Особенную актуальность электронная подача документов получила в период распространения коронавирусной инфекции. Так, в период с 18.03.2020 по 20.04.2020 в суды поступило 225 200 документов в электронном виде, что в полтора раза больше, чем за аналогичный период прошлого года².

Возможность подачи документов в электронном виде позволяет обеспечить более оперативную обработку поступающих в суд документов, таких как иски, заявления, жалобы и иные процессуальные документы. Так, в 2020 году сервис «Электронное правосудие» обеспечил подачу в суды общей юрисдикции 1 047 480 документов, а в арбитражные суды — 494 980 документов³.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.12.2017 № 57 закрепило за судами возможности извещать сторон процесса в электронном формате. Для этого в судах общей юрисдикции используется система ГАС «Правосудие», а в арбитражных судах — система «Мой арбитр».

Необходимо отметить, что на данном этапе развития электронного правосудия цифровые вступления используются только по инициативе лица, участвующего в деле, либо с его согласия. Так, суд может известить лиц, участвующих в деле, посредством электронной почты или СМС-сообщения только в случае наличия их письменного согласия на извещение указанным способом [3].

С 1 сентября 2019 года введено аудиопотоколирование судебных заседаний. Теперь во всех открытых заседаниях любой инстанции аудиопотоколирование заседаний ведется в обязательном порядке. И если раньше аудиопотоколирование закреплялось в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации и Кодексе административного судопроизводства

² Работа отечественных судов в условиях пандемии [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.vsrff.ru/press_center/news/28858/ (дата обращения: 31.05.2021).

³ Отчет об итогах деятельности судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019 год. Утвержден решением коллегии Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 24.03.2020 № 2/1-к.д. М., 2020. С. 130 [Электронный ресурс] // Судебный департамент: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Otchet_SD_za_2019_g.pdf (дата обращения: 31.05.2021).

Российской Федерации, то теперь аналогичные нормы введены в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

Данное нововведение обеспечивает принцип состязательности судопроизводства, так как стороны процесса уверены в отражении всего хода судебного процесса в аудиопротоколе. Наличие аудиопрокола также обеспечивает соблюдение процессуального срока рассмотрения дела, так как у стороны спора отпадает необходимость подачи замечаний на протокол ввиду внесения туда неточной информации. Кроме того, наличие аудиопрокола позволяет снизить риск фальсификации доказательств в связи с тем, что все устные доказательства будут надлежащим образом зафиксированы. По нашему мнению, данное нововведение в ближайшем будущем позволит полностью отказаться от ведения протокола на бумажном носителе.

В последнее время все чаще рассматривается возможность полного перехода на электронную форму подачи документов в арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Тенденцию отказа от бумажных носителей подтверждают изменения, внесенные в Арбитражный процессуальный кодекс, которые закрепляют электронную форму всех судебных актов. Кроме того, сторонам, участвующим в арбитражном споре путем почтового направления, отправляется только определение о принятии искового заявления, все последующие акты стороны спора обязаны самостоятельно отслеживать на сайте, то есть судебные акты доступны сторонам процесса после их размещения на сайте.

Данное нововведение позволило упростить судебный документооборот, ускорить процесс извещения сторон процесса о дате и времени предстоящего судебного заседания, минимизировать риск неполучения стороной спора судебного акта в связи с неудовлетворительной работой почтовой организации, что существенно снижает риск отмены судебного акта по процессуальным основаниям.

Отказ от бумажных носителей позволил бы значительно упростить хранение дел, а также порядок ознакомления с материалами дела для участников процесса; кроме того, ведение электронных дел минимизирует риск потери дела, а также ускорит процесс передачи дел между судами, например в случае обжалования решения суда или в случае направления дела по подсудности.

На данном этапе ознакомление с материалами дела в электронном виде доступно только в арбитражных судах в отношении дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства. Все дела сканируются вручную и размещаются в системе «Мой арбитр». В свою очередь, лица, участвующие в деле, получают специальный код, с помощью которого им станут доступны материалы дела.

Как известно, развитие систем электронного правосудия зачастую связывают с внедрением технологий искусственного интеллекта в процесс судопроизводства. Речь идет уже не о возможности использования цифровых

технологий в подготовительной деятельности юристов, а об использовании искусственного интеллекта непосредственно при осуществлении правосудия [8, с. 199].

Рассматривая технологии искусственного интеллекта, подходящие для процесса судопроизводства, необходимо отметить казус с американской системой ProPublica, которая фактически была уличена в дискриминации по расовому признаку, нарушив этим основные принципы судопроизводства. Данная программа использовалась при вынесении приговора. Алгоритм предусматривал 137 вопросов, на основании ответов на которые программа оценивала обвиняемого по специальной шкале. При этом алгоритм, заложенный разработчиками, присваивал более высокий риск рецидива для лиц афроамериканского происхождения. Этот пример показывает, что внедрение машинного интеллекта в процесс судопроизводства уже ставит перед нами многочисленные вопросы этического характера.

Несмотря на то что внедрение цифровых технологий и элементов электронного правосудия в современную систему судопроизводства призвано в первую очередь обеспечивать основные принципы судопроизводства, не стоит забывать о факторе доступности цифровых технологий жителям Российской Федерации. Так, большинство жителей страны, особенно пожилого возраста, недостаточно хорошо владеют цифровыми технологиями, в связи с чем им потребуется специальное обучение для возможности использования элементов электронного правосудия. Кроме того, для использования этих элементов у граждан должны быть соответствующие технические средства и доступ к сети Интернет.

В. В. Ярков отмечает, что доступ к электронной системе правосудия должен быть открыт для всех на равных правах, включая равенство технических возможностей [12, с. 50].

Таким образом, при внедрении элементов электронного правосудия в систему судопроизводства необходимо учитывать особенности социально-экономического развития страны, территориальный фактор, а также уровень и качество жизни граждан. На данном этапе цифровое неравенство граждан РФ не позволяет обеспечить им равный доступ к элементам электронного правосудия. По данным исследования Аналитического центра НАФИ, проведенного в начале 2020 года, только 27 % россиян обладают высоким уровнем цифровой грамотности⁴.

Именно исходя из этого, Верховный суд Российской Федерации, предлагая внести изменения в части извещения участников, указал на то, что при извещении лиц должным быть учтены следующие факторы: 1) факт отдаленности территории; 2) финансовые возможности граждан; 3) возрастные особенности

⁴ Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 [Электронный ресурс] // Сайт аналитического центра НАФИ. URL: <https://nafu.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 31.05.2021).

граждан. Верховный суд отмечает, что стороны спора могут считаться извещенными только в случае реального получения соответствующей информации при условии обеспечения им доступа к такой информации [7, с. 32].

Консультативный совет европейских судей отмечает недопустимость замены традиционных процедур судопроизводства цифровыми, полагая, что аргумент об общедоступности информационных технологий для населения является ошибочным [9].

Европейский суд по правам человека в своем Постановлении от 17.01.2017 «Дело “Янковскис (Jankovskis) против Литвы”» (жалоба № 21575/08) [5], рассматривая вопрос о праве на доступ к информации, а также важной роли государства в обеспечении этого права, указывает, что государство в определенных случаях имеет обязанность обеспечивать доступ граждан к сети Интернет.

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что использование цифровых технологий и элементов электронного правосудия в условиях отсутствия доступности таких технологий абсолютно всем участникам процесса не должно носить безальтернативный характер [6, с. 52].

Кроме того, реализация принципа доступности судопроизводства с помощью использования цифровых технологий ставит вопрос обеспечения информационной безопасности личных данных лиц, участвующих в деле. Именно с этой целью ст. 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [1] подразумевает обезличивание текстов судебных актов судов общей юрисдикции, Верховного суда (кроме споров, рассматриваемых в соответствии с арбитражным законодательством). Кроме того, законодательством определены категории судебных споров, судебные акты по которым не подлежат размещению в сети Интернет.

Таким образом, переход к электронному правосудию предполагает создание баз данных, гарантирующих устойчивость и сохранность информации.

В заключении настоящей статьи необходимо отметить, что внедрение цифровых технологий и элементов электронного правосудия направлено на обеспечение эффективности деятельности судебной системы Российской Федерации. Несомненно, современные технологии вносят изменения в реализацию основных принципов правосудия. Внедрение таких цифровых новаций, как видео-конференц-связь, аудиопротокол, онлайн-заседания, электронная подача документов, обеспечивает доступность, открытость и гласность судопроизводства, позволяет сократить срок рассмотрения дела.

Система электронного правосудия доказала свою актуальность в период распространения коронавирусной инфекции, когда доступ к судебной власти фактически был возможен только благодаря цифровым технологиям и зачастую служил единственным средством реализации права на судебную защиту. С учетом цифрового неравенства населения необходим поэтапный

переход от традиционного правосудия к электронному, в противном случае право доступа к правосудию лица, не имеющего необходимых навыков для использования цифровых технологий или необходимых технических средств для их использования, будет нарушено.

Литература

1. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
2. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 07.01.2013. № 1. Ст. 13.
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
5. Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 «Дело “Янковскис (Jakovskis) против Литвы”» (жалоба № 21575/08) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Капустин О. А. Принципы организации судебной деятельности в условиях информационного общества // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 51–55.
7. Несмеянова С. Э. Информатизация правосудия: новые возможности? // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 31–35.
8. Пашенцев Д. А., Новикова К. С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 198–202.
9. Правосудие и информационные технологии: Заключение № 14 (2011) Консультативного совета европейских судей от 9 ноября 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Сухаренко А. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2015. № 41. С. 3.
11. Чуча С. Ю., Сорокина И. В., Кулагина Е. А. Электронное судопроизводство как фактор снижения конфликтности в российском обществе // Закон. 2011. № 2. С. 73–76.
12. Яров В. В. Электронное правосудие и принципы цивилистического процесса // Закон. 2011. № 2. С. 44–50.

Literatura

1. Federal'nyj zakon ot 22.12.2008 № 262-FZ (red. ot 08.12.2020) «Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatel'nosti sudov v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 29.12.2008. № 52 (ch. 1). St. 6217.
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 № 1406 «O federal'noj celevoj programme «Razvitie sudebnoj sistemy` Rossii na 2013–2024 gody`» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.01.2013. № 1. St. 13.
3. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verxovnom Sude RF ot 25.12.2013 № 257 «Ob utverzhdenii Reglamenta organizacii izvshheniya uchastnikov sudoproizvodstva posredstvom SMS-soobshhenij` // Byulleten` aktov po sudebnoj sisteme. 2014. № 2.

4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26.12.2017 № 57 «O nekotory`x voprosax primeneniya zakonodatel`stva, reguliruyushhego ispol`zovanie dokumentov v e`lektronnom vide v deyatel`nosti sudov obshhej yurisdikcii i arbitrazhny`x sudov» // Byulleten` Verhovnogo Suda RF. 2018. № 4.
5. Postanovlenie ESPCh ot 17.01.2017 «Delo “Yankovskis (Jakovskis) protiv Litvy”» (zhaloba № 21575/08) // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Kapustin O. A. Principy` organizacii sudebnoj deyatel`nosti v usloviyax informacionnogo obshhestva // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 1. S. 51–55.
7. Nesmeyanova S. E`. Informatizaciya pravosudiya: novy`e vozmozhnosti? // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. 2019. № 12. S. 31–35.
8. Pashencev D. A., Novikova K. S. Iskusstvenny`j intellekt kak sub``ekt sudebnogo tolkovaniya prava // Obrazovanie i pravo. 2020. № 7. S. 198–202.
9. Pravosudie i informacionny`e tehnologii: Zaklyuchenie № 14 (2011) Konsul`tativnogo soveta evropejskix sudej ot 9 noyabrya 2011 g. // SPS «Konsul`tantPlyus».
10. Suxarenko A. E`lektronnoe pravosudie // E`Zh-Yurist. 2015. № 41. S. 3.
11. Chucha S. Yu., Sorokina I. V., Kulagina E. A. E`lektronnoe sudoproizvodstvo kak faktor snizheniya konfliktnosti v rossijskom obshhestve // Zakon. 2011. № 2. S. 73–76.
12. Yarkov V. V. E`lektronnoe pravosudie i principy` civilisticheskogo processa // Zakon. 2011. № 2. S. 44–50.

K. S. Novikova

Elements of E-Justice through the Prism of the Basic Principles of Legal Proceedings

The article examines the impact of digital technologies and elements of e-justice on the development and provision of the fundamental principles of legal proceedings, provides a brief analysis of the interaction of elements of e-justice and such principles of legal proceedings as legality, publicity, openness, accessibility. The risks of introducing digital innovations into the justice process are outlined in terms of the implementation of the principles of legal proceedings.

Keywords: e-justice; elements of e-justice; legal proceedings; digitalization; principles of legal proceedings.

М. В. Залоило

Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации¹

В статье представлен аналитический обзор выступлений участников заседания секции «Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации», проведенной 15 апреля 2021 года при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий», в рамках Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного юриста РФ, д. ю. н., профессора Ф. М. Рудинского, на тему «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития». В свете новых тенденций общественного развития, влияния цифровизации на реализацию и защиту прав физических и юридических лиц, а также динамики правовых статусов субъектов цифровых отношений отмечаются актуальные проблемы правосубъектности и понимания субъекта права.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосубъектность; субъект права; цифровая среда; цифровизация.

Цифровизация стала одним из факторов, существенно влияющих на развитие правовой сферы общества [10, 12, 15, 16], правотворчество [1, 8, 11, 17] и правореализацию [7, 14]. Цифровые технологии вышли на первое место по темпам своего развития в ряду большой четверки технологий, что определило формирование нового (цифрового) типа социальной реальности в экономике, праве, государственном управлении и пр., инициируя переход к новому типу общества — цифровому.

Новая цифровая среда не только неизбежно сказалась на преобразованиях в экономике и праве, государстве и обществе [2, 4, 5, 9, 13, 18], но и привела

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ — научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

к серьезным изменениям самого человека, у которого в правовом пространстве появляются новые правовые статусы, особые цифровые права, складывающиеся под влиянием цифровых технологий. Вместе с тем этот цифровой поворот, по сути, выдвинул на передний край проблематику субъекта права и человека как такового. Цифровая трансформация общественных отношений привела к появлению квази-субъектов и новых субъектов права, статус которых дискутируется в современной науке, предпринимаются попытки переосмысления и изменения в свете новых научных парадигм и стратегических ориентиров содержания таких базовых правовых категорий, как субъект права и правосубъектность, [3, 6, 12].

Проблемы правосубъектности и понимания субъекта права в русле новых тенденций общественного развития, влияния цифровизации на реализацию и защиту прав физических и юридических лиц, специальные правовые статусы субъектов цифровых общественных отношений обсуждались 15 апреля 2021 года на **секции «Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации»**, проведенной при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «*Новации механизмов правотворчества и право-реализации в условиях развития цифровых технологий*», в рамках Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного юриста РФ, д. ю. н., профессора Ф. М. Рудинского, на тему «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития».

Модераторами секции выступили д. ю. н., профессор **Д. А. Пашенцев** и заместитель директора Северо-Западного филиала РГУП, д. ю. н., профессор **А. А. Дорская** при содействии к. ю. н. **М. В. Залоило**.

Обратившись к участникам секционного заседания с приветственным словом, **Д. А. Пашенцев** выступил с докладом (материалы готовились при финансовой поддержке РФФИ — научный проект 18-29-16219), который был посвящен определению влияния цифровизации на субъект правоприменения. Такое влияние выступающий оценил как комплексное и многоаспектное, при этом отметив, что оно приобретает как формально-технический, так и содержательно-аксиологический характер. Меняется психика человека — субъекта правоприменения, трансформируется присущая ему система ценностей. В докладе был затронут такой важный и дискуссионный вопрос, как потенциальная возможность наделения роботов статусом субъекта правоприменения, в том числе статусом судьи, принимающего решения. Однако, по мнению Д. А. Пашенцева, участие искусственного интеллекта в правоприменении возможно в тех аспектах, в которых оно будет иметь технически-вспомогательный характер, тогда как содержательно-оценочная правоприменительная деятельность даже в цифровом обществе может полноценно осуществляться только судьей-человеком.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, д. ю. н., профессор **И. Б. Ломакина** обратила внимание присутствовавших на то, что с точки зрения антропологической парадигмы субъекта права вне правовой жизни общества не существует. Только общество способно

создать юридического человека с его правами и обязанностями, которые отнюдь не были вечными и неизблемыми. Субъект права — творец правовой реальности не только в единичном (индивидуальный уровень), но и в особенном (статусные группы) и всеобщем (общество в целом) аспектах своего существования. Не уменьшая значения индивидуальных субъективных прав и свобод ни в теории права, ни в правовой жизни, выступавшая подчеркнула, что вне зависимости от формы существования человека именно субъект права является источником права, всех правовых ролей, правопорядка в целом. С обозначенных позиций субъект права порождает правовую реальность и подобно портному облачает в правовую материю все наиболее уязвимые (социально значимые места) сферы социальной жизни и самого себя.

В докладе профессора кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, д. и. н. **А. В. Скоробогатова** и доцента кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала РГУ, к. ю. н. **А. В. Краснова** была предпринята попытка дать новое видение проблемы правового статуса личности. Категория «правовой статус личности» была проанализирована на основе коммуникативной методологии. Анализ сущности и содержания данной категории позволил содокладчикам утверждать, что правовой статус личности представляет собой конструируемый правовой феномен, содержание которого формируется в той или иной правовой ситуации в результате взаимодействия как на базе норм действующего законодательства, так и с учетом норм неписаного права. Субъект права выступает не только в качестве адресата, но и адресанта правовых предписаний. Формирование правового поведения субъекта опосредовано ценностными установками, которые являются результатом конвенционального согласия, достигнутого в процессе правовой коммуникации.

Субъект права как юридический нарратив стал предметом рассмотрения в докладе д. ю. н. **И. Л. Честнова**, профессора кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ. В рамках темы своего доклада И. Л. Честнов определил три задачи постклассической теории (или философии) права. Во-первых, необходимо преодолеть сохраняющийся и продолжающийся господствовать неопозитивистский догматизм юридической конструкции «субъект права» в отраслевых юридических науках. Другая задача, близкая к реалистическому измерению субъекта права, — показать механизм его конструирования и воспроизведения дискурсивными, нарративными практиками, в том числе практиками цифровизации. Третья задача — показать фрагментацию, расколотость юридического «Я», а также виртуализацию как отличия субъекта постсовременности от субъекта эпохи модерна. Все это требует дальнейших исследований в рамках постклассической юриспруденции.

Докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, к. ю. н., доцент **В. И. Павлов** в своем докладе на тему «Трансформация субъекта права в условиях “цифрового поворота”: антрополого-правовой анализ»

отметил, что феномен цифрового поворота (Digital Turn) пришел вслед за тремя крупнейшими поворотами в эпистемологии науки XX века: онтологическим, лингвистическим и антропологическим. Однако в отличие от них цифровой поворот произошел не под влиянием систем мысли, а под влиянием развития техники. Основной его чертой является создание нового вида реальности — виртуальной, в том числе и виртуальной правовой реальности. Докладчик определил виртуальную правовую реальность как моделируемую информационно-коммуникационными технологиями среду элементов права, лишенную ввиду своей модельно-технологической природы одного либо нескольких параметров наличной правовой реальности, и обозначил основные риски, которые возникают в связи с трансформацией субъекта права в виртуальной правовой реальности.

В своем выступлении профессор-исследователь Высшей школы экономики, д. ю. н., заслуженный юрист РФ **В. Б. Исаков** высказал мнение, что попытки «очеловечить» роботов, наделенных искусственным интеллектом, предоставить им в той или иной форме «человеческий» статус методологически ошибочны и ведут в тупик. Человеческая позиция в системе правоотношений (право-способность, дееспособность, гражданство и т. д.) разработана и существует в законодательстве исключительно для человека. Поэтому в настоящее время роботы выступают не субъектами, а исключительно объектами правовых отношений. Ответственность за действия роботов, в том числе за причиненный ими вред, несут собственники и (или) владельцы машин, а при наличии к тому оснований — еще и производители роботов. Докладчик задался вопросом: может ли в перспективе быть создан робот, который, как и человек, будет обладать подобием человеческого сознания, в том числе свободой воли, автономными интересами и целями? Технически это возможно. Однако создание и использование машин с подобной степенью автономии требует особой осторожности, поскольку в их действиях появляется элемент опасной непредсказуемости. Снятие с подобных машин человеческого контроля в любом случае, как заключил В. Б. Исаков, должно производиться с высоким пониманием ответственности, исходя из опасности глобальных последствий для человека и человечества.

Г. М. Лановая, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя, д. ю. н., в своем докладе подчеркнула, что проблемы, с которыми связана актуализация вопроса о возможном наделении систем с искусственным интеллектом правосубъектностью, гораздо серьезнее, чем представляется на первый взгляд. Чаще всего ученые-юристы акцентируют внимание на потребности в перераспределении ответственности за вред, причиненный действиями роботов, и необходимости предотвращения общественно опасных последствий возможного выхода систем с искусственным интеллектом из-под контроля человека. Однако в действительности актуализация вопроса о возможном признании систем с искусственным интеллектом субъектами права во многом обусловливается тем, что современный человек остро ощущает дефицит справедливости, безопасности и гуманизма.

К сожалению, констатировала Г. М. Лановая, решить эти проблемы, наделив роботов правосубъектностью, невозможно.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета, к. ю. н. **Я. В. Гайворонская** в своем выступлении «Проблема гуманизации искусственного интеллекта в современном российском праве» затронула два аспекта. Во-первых, были определены некоторые методологические предпосылки, которые являются принципиально важными при размышлениях о понятии и правовом статусе искусственного интеллекта. На «очеловечивание» роботов влияют два значимых фактора: автономность и антропоморфность юнитов искусственного интеллекта. Промышленные роботы давно используются в производстве, но это не порождало дискуссий о распространении на них прав человека. Здесь принципиально значимым является технологическое разделение искусственного интеллекта на сильный и слабый, которые будут обладать разными правовыми режимами. По мнению выступавшей, режим имущества (или имущества с особым статусом при необходимости, например, для источника повышенной опасности) вполне достаточен для правового урегулирования юнитов слабого искусственного интеллекта. Вопрос о правосубъектности и ее содержании будет рассматриваться только применительно к сильному искусственному интеллекту. Во-вторых, была оценена идея о механическом распространении на роботов прав человека, которая Я. В. Гайворонской представляется весьма утопичной и малоперспективной. Гораздо разумнее (во всяком случае сегодня) выглядят, по ее мнению, предложения о формулировании особого перечня прав роботов, значимых для юнитов искусственного интеллекта и неприменимых к человеку (право на неприкосновенность, право на существование, право на доступ к ресурсам и техническому обслуживанию и т. д.).

В докладе профессора кафедры трудового и экологического права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, д. ю. н., кандидат культурологии **М. В. Барановой** был проанализирован правовой статус субъектов канселинга (cancel culture) — нового социального интернет-феномена, некой «культуры отмены», «стирания» из доступного информационного пространства сведений о человеке, бренде, событиях, получивших негативную оценку. Спектр субъектов канселинга весьма широк, отличается своеобразием, основанным на ролевых задачах, целях, статусных особенностях лиц, вовлеченных в процесс канселинга и логике процесса изъятия: изымающие, предоставляющие условия для процесса изъятия, изымаемые, контролирующие процесс «изъятия». Выступающая подчеркнула, что в настоящих правовых реалиях только часть субъектов канселинга становится субъектами правоотношений. Демонстрируя тенденцию к активизации и расширению сфер возможного влияния, канселинг требует четких рамок, позволяющих очертить границы, специфику, степень допустимого воздействия, обеспечить гарантии реализации механизмов защиты от недопустимой агрессии. Особую актуальность приобретает доктринальный

анализ возможных перспектив «культуры отмены», поиск путей использования канселинга как инновационного самостоятельного технико-юридического общесоциального средства. «Культура отмены» представляет собой особый механизм снятия напряжения в социуме, позволяющий снизить градус агрессии через возможность публичного активного, порой агрессивного выражения эмоций. М. В. Баранова выразила надежду, что открытость процессов канселинга, доступность наблюдения за трансформацией субъектного ряда и его спецификой позволит со временем выработать разумные и действенные регламенты.

Е. М. Крупеня, профессор кафедры теории и истории государства и права Школы права Института права и управления МГПУ, д. ю. н., рассмотрела статус индивидуального субъекта публичного права и его различные состояния в контексте самоорганизованной критичности. Конструкт «юридический статус», как пояснила выступавшая, используется в инструментальном ключе, что позволяет концептуализировать статусное публичное право в качестве комплексного института, мыслится как несущая конструкция и одновременно идейный центр, стягивающий смысловые поля смежных общетеоретических понятий, выступает как понятие базовое, но не единственное. Наряду с этим основным понятием в основу, необходимую для теоретико-правового обоснования статусного публичного права, интегрируется комплекс общеправовых, связанных в логико-смысловом отношении понятий: «субъект права», «индивидуальный субъект». Последний — это разновидность субъекта права, который выделяется на основе эмпирически наблюдаемого фактора тождества. Он состоит в том, что актором регулируемого правовыми нормами поведения может быть исключительно человек (гражданин) и никто кроме него, поскольку коллективные субъекты есть результат социально-правового конструирования законодателя с использованием принципа антропоморфизма, а сам гражданин мыслится как правовое существо — ему черты права присущи имманентно, а правовое бытие является всеобъемлющим и самодостаточным. В завершение своего доклада Е. М. Крупеня подчеркнула, что теоретико-правовые воззрения на статус индивидуального субъекта публичного права и его различные состояния имеют научную перспективу при условии приложения следующей модели критичности — методологически сложной, контекстуальной научной программы, которая сочетает эвристические ресурсы таких методологических подходов, как антропологизм и социологизм.

Профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления (филиала) РАНХиГС, профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета, д. ю. н. *Т. В. Шатковская* обозначила актуальную проблему современной юридической науки, состоящую в необходимости преодоления противоречия между неуклонным ростом требований к личности в условиях информатизации и цифровизации и ограниченным набором юридических возможностей человека, имеющимся в действующем российском законодательстве. Для преодоления данного противоречия, по мнению Т. В. Шатковской, следует отказаться

от восприятия субъекта как объекта правового регулирования, нуждающегося в усовершенствовании посредством государственного воздействия и лишения свободы действия в своем интересе. Такой переход следует начинать с частного права, а именно вывести лицо из положения типичного среднестатистического человека, которому предписано действовать в соответствии с установленными шаблонами и образцами, и гарантировать индивиду прочные юридические основания для саморазвития, самореализации и самодеятельности.

В докладе заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, д. ю. н., профессора *М. Л. Давыдовой* и доцента этой же кафедры, к. ю. н. *В. О. Макарова* были рассмотрены правовые статусы субъектов экспериментального правового режима, выделены две группы акторов, выступающих субъектами правоотношений по установлению и функционированию экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ: акторы-регуляторы (регулирующий орган, уполномоченный орган, организация предпринимательского сообщества, координационный орган) и акторы-участники (инициатор, претендент, субъект и участник экспериментального правового режима). Докладчики раскрыли особенности правового статуса каждого из этих субъектов, выявили терминологические коллизии в формирующемся законодательстве об экспериментальных правовых режимах. Как показало проведенное исследование, правовой статус всех названных субъектов раскрыт в законе лишь в общих чертах, так как в значительной части его содержание должно определяться программой конкретного режима. Закон задает лишь параметры общего механизма взаимодействия регулирующего органа и участника. Именно этот механизм имеет ключевое значение для эффективной реализации экспериментального режима, и именно в этом направлении по мере практической апробации нового законодательства будет, вероятно, происходить корректировка правовых статусов его основных акторов.

Духовный смысл цивилизационных вызовов стал предметом выступления заведующего кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургской юридической академии, к. ю. н., доцента *С. В. Павловой*. В анализе современной политико-правовой проблематики докладчиком был использован вывод дореволюционного отечественного правоведения, которое исходит из признания духовной природы человека, что составляет его отличительное достоинство. Духовность человека определяется как религиозная составляющая сознания, признающего идею Творца. Как бы своевременно и адекватно ни реагировало позитивное право на вызовы времени, оно, по мнению С. В. Павловой, бессильно в своем регулятивном воздействии без духовной основы правосознания. Именно нравственность участников правоотношения в конечном итоге определяет эффективность реализации права и правопорядок, поскольку субъект по своей природе представляет собой свободную личность и действует в соответствии со свободой воли в отношении соблюдения правовых предписаний.

Сомодератор секционного заседания, заместитель директора Северо-Западного филиала РГУП, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин СЗФ РГУП, д. ю. н., профессор *А. А. Дорская* выступила с докладом, где рассматривалась проблема эволюции понятия «субъект права» в контексте развития концепций эффективности правового регулирования с середины XVII века до наших дней. Было показано, что начиная с первого русского профессора права С. Е. Десницкого к данному вопросу обращались как российские специалисты в области внутригосударственного права, так и юристы-международники. Была отмечена тенденция постепенной потери государством статуса привилегированного субъекта права.

Топические основания определения правового статуса субъекта права в условиях цифровизации исследовала в своем докладе доцент кафедры трудового и экологического права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, к. ю. н. *О. Б. Купцова*. Было отмечено, что юридико-технические константы все в большей степени получают свое новое осмысление и применение в современных правовых исследованиях, которые отражают реалии действительности, развивающейся под воздействием научно-технического прогресса. Правовой статус субъектов права в условиях цифровизации общественных отношений испытывает на себе все большее влияние правокультурных и политико-правовых условий существования социума. Есть основания полагать, что его определение должно также носить более сложный и многоаспектный характер, чем это имеет место быть в настоящее время, и в этом случае необходимо обратиться к топическим основаниям его закрепления. Ссылаясь на характер трансформационных изменений в современном обществе, выступавшая подчеркнула, что нормативные установления не должны подвергаться изменениям лишь содержательного и формального характера, модернизированными должны быть их структура и системные связи. Развитие процессов цифровизации общественных отношений предопределяет необходимость обращения к топическому уровню осмысления наднормативного и в определенной степени надсистемного характера правовых предписаний. Топы юридического языка как структурно-смысловые модели языкового характера обладают существенным потенциалом совершенствования юридико-технических составляющих правовой материи, в частности специфики определения правового статуса субъектов права в условиях цифровизации.

С. В. Бочкарев, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, к. ю. н., посвятил свой доклад теме «Институциональный баланс власти в контексте динамики правового статуса субъектов права как средство преодоления кризисных явлений в праве». Актуальность рассматриваемой проблематики, по мнению выступавшего, обусловлена кризисными явлениями, наблюдаемыми в настоящее время как в праве в целом, так и в конституционном праве в частности. Одним из средств его преодоления является создание институционального баланса власти посредством реализации принципа разделения властей

и системы сдержек и противовесов, что обеспечит применение новых институциональных механизмов для нивелирования кризисных правовых явлений и стабилизации государственной системы независимо от формы правления и государственного устройства.

П. В. Васильев, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала РАНХиГС, к. ю. н., сообщил об отдельных проблемах установления, обеспечения и реализации прав, законных интересов и обязанностей участников рейтингов в условиях цифровизации. Им было отмечено, что фактическая распространенность рейтинговых систем на территории всей Российской Федерации никак не соответствует локальному уровню их регламентации. В докладе была поставлена общая проблема, состоящая в отсутствии централизованного федерального законодательного регулирования рейтинговых отношений. Многие проблемы рейтинговых систем, по мнению выступающего, могут быть сняты принятием основополагающего нормативного правового акта федерального уровня, регулирующего рейтинговые правоотношения без учета специфики сферы трудовой деятельности. В завершение доклада научному сообществу было предложено обсудить необходимость и перспективы разработки концепции проекта федерального закона, предметом регулирования которого станут рейтинговые правоотношения членов трудовых коллективов, в том числе образовательных организаций.

А. Н. Чертков, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета, д. ю. н., доцент, поднял проблемы цифровизации местного самоуправления в контексте вовлечения в эти процессы местных сообществ как основных субъектов права на цифровое самоуправление. Выступающий подчеркнул, что цифровизация публичного управления и самоуправления стала объективной реальностью, которая, однако, таит в себе существенные риски. Современная парадигма цифровизации местного самоуправления видится в развитии преимуществ и минимизации рисков. Преимущества связаны с новыми техническими возможностями управления, его ускорения, упрощения, удешевления и гуманизации, а риски обусловлены традиционными проблемами публичного управления, усиленными новыми техническими возможностями, а также бездумным и недальновидным стремлением заменить человека машиной в принятии управленческих решений. Субъектом права на местное самоуправление должны остаться именно люди, объединенные в местное сообщество, а «цифра» может дать новый импульс партисипаторной демократии.

Профессор кафедры гражданского права Университета им. О. Е. Кутафина, д. ю. н. **В. В. Долинская** на основе понятия «цифровая экономика» и авторских определений цифровизации и правового статуса исследовала акты в сфере частного права и информационного законодательства. Выступавшей была предложена классификация субъектов по смешанному критерию: функциям в гражданском обороте и месту в цифровых отношениях. В завершение доклада был сделан вывод о том, что специфика правового статуса

участников гражданского оборота в условиях цифровизации сводится к повышению требований к ним, эксклюзивности видов их деятельности и цифровизации информации об этих субъектах. При этом сохраняются общие и специальные проблемы информационного общества.

Ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗИСП, к. ю. н. **М. В. Залоило** в своем докладе (материалы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ — научный проект 18-29-16219) рассказал о перспективах появления новых субъектов права, затронул проблемы квазиправосубъектности в цифровую эпоху, отметив, что в условиях высокой динамики развития социума, технологий и права эти категории являются весьма подвижными, и если сейчас вопрос обретения правосубъектности рядом сущностей остается открытым, то нельзя оставаться уверенными в том, что в будущем состав субъектов права не изменится. В этой связи праву как опережающему отражению действительности отводится роль формирования адекватного юридического ответа на возникающие вызовы современности.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Севастопольского государственного университета, к. ю. н. **Д. Л. Кондратюк** рассказала о влиянии цифровой среды на субъект права. Каждое из направлений цифровизации (виртуальная реальность, дополненная реальность, интернет вещей и др.) в силу внедрения во все сферы человеческой жизнедеятельности оказывает влияние на субъект права. При использовании информационных и коммуникационных технологий Д. Л. Кондратюк призвала следовать принципу приоритета традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдать основанные на этих ценностях нормы поведения. Право, являясь инструментом, обеспечивающим цифровизацию, одновременно стало объектом ее воздействия, что приводит к изменению его содержания, формы, структуры и, в результате, к изменению механизма правового регулирования. Поэтому в условиях глобальной цифровизации важно обеспечить сохранение ценности права. В этих условиях возникают новые сферы деятельности, что влечет востребование новых способностей человека, признавая которые, государство должно обозначить их в законе (закрепить новые статусы). По мнению выступавшей, наиболее существенное влияние цифровизации на субъект права можно проследить в сферах правотворчества и правоприменения. При разработке нормативных правовых актов необходимо учитывать сложившуюся правовую традицию, в том числе и при урегулировании отношений, вызванных к жизни цифровой средой.

На наличие серьезных противоречий в процессах взаимосвязи и взаимодействия юридической ответственности и реализации права указал доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, к. ю. н. **И. А. Кузьмин**. По результатам анализа законодательства и правоприменительной практики докладчик отметил неоднозначную тенденцию к увеличению уголовных дел, завершаемых

освобождением лиц от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а также обозначил критическое отношение к попыткам введения дополнительного (помимо преступления) основания уголовной ответственности — уголовного проступка. Докладчиком было предложено гармонизировать результаты общетеоретических, отраслевых и прикладных исследований, разработав на их основе научно-методические рекомендации и методики правоприменения для государственных и муниципальных органов власти. Также была обоснована необходимость создания модели реализации юридической ответственности исходя из алгоритмов и принципов действия искусственного интеллекта, в которой итоговое решение будет принимать не программа, а человек.

Старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП, к. ю. н. *О. А. Иванюк* в своем докладе «Правосубъектность юридических лиц в условиях цифровизации» (материалы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ — научный проект 18-29-16219) подчеркнула, что в условиях процессов цифровизации общества как создание и прекращение юридического лица, так и его повседневная деятельность неразрывно связаны с использованием информационных технологий. При этом цифровая правосубъектность юридических лиц в современную эпоху не ограничивается этапами их создания и ликвидации, а включает в себя множество других прав и обязанностей организаций, для реализации которых требуется применение цифровых механизмов. Повседневная хозяйственная деятельность организаций (решение внутрихозяйственных организационных вопросов, применение различных механизмов ведения и продвижения бизнеса, а также оформления необходимой отчетности) также неразрывно связана с применением различных современных цифровых инструментов, конкретный набор которых, по мнению докладчика, зависит от потребностей соответствующей сферы бизнеса и особенностей каждой конкретной компании.

Доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, к. ю. н. *Н. И. Алексеева* на основе анализа правоприменительной практики продемонстрировала проблемы эффективности правового регулирования имущественных отношений с участием религиозных организаций. Для повышения эффективности правового регулирования имущественных отношений религиозных организаций в выступлении Н. И. Алексеевой было предложено использовать информационные платформы для проведения социологических опросов населения на предмет изучения общественного мнения. Это позволит в режиме реального времени собирать юридически значимые сведения, узнавать и учитывать при принятии решений мнение граждан, будет способствовать поэтапному устранению противоречий, имеющих в нормативно-правовых актах и относящихся к специфике передачи культовых сооружений, являющихся памятниками культурного наследия. Также для регулирования данного вопроса, по мнению докладчика, целесообразно начать создание информационно-справочной системы, включающей в себя базу оцифрованных

документов, которая может быть использована в качестве инструмента при проведении правового мониторинга и оценки регулирующего воздействия.

На основе характеристики электронного здравоохранения, данной Всемирной организацией здравоохранения, и статистических данных (о цифровизации лечебных организаций и т. п.) в докладе помощника члена Общественной палаты Российской Федерации, эксперта научно-практического журнала «Законы России: опыт, анализ, практика» *Л. М. Долинской* в критическом ключе были проанализированы программные, нормативные и технико-юридические документы о цифровизации здравоохранения в России. Оптимизация электронного документооборота, различные пациенториентированные сервисы, телемедицина, геномная паспортизация населения, по мнению выступавшей, являются средствами, методами, а целью цифровизации — реализация прав человека, удовлетворение его интересов, в том числе в сфере здравоохранения.

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск), к. ю. н. *К. К. Кораблин* рассказал о внедрении современных инновационных технологий в практику работы системы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы. На фоне глобальной информатизации общественных отношений ФСИН России проводит постоянную работу, направленную на внедрение современных инновационных технологий (ИТ) в практику работы учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС). Применение современных ИТ и новейших средств вычислительной техники позволит совершенствовать единую базу данных УИС, существенно увеличить количество и качество обрабатываемой служебной информации, повысить уровень автоматизации рабочих мест сотрудников УИС, широко применять биометрические паспорта и электронные браслеты, накапливать различные платформы программного обеспечения, успешно решать образовательные задачи путем внедрения различных форм дистанционного обучения осужденных, способствующих формированию имеющихся или желательных ими профессиональных компетенций. Таким образом, широкое использование ИТ позволит в значительной степени повысить эффективность и качество работы исправительных учреждений УИС по практическому применению аудиовизуальных, электронных, технических и иных средств контроля и надзора за осужденными.

Доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, к. ю. н. *З. Ш. Матчанова* проанализировала взаимосвязь кризисов в международном праве с кризисными явлениями в отдельных областях современных международных отношений. Субъекты международного права и акторы международных отношений находятся в постоянном развитии, динамике, они меняют отдельные свои характеристики под воздействием различных исторических процессов. В настоящее время отмечается существенное влияние на динамику правового статуса субъектов и организацию их деятельности такого явления, как цифровизация. При этом общее усложнение мироотношений и возрастание противоречий

порождают новые поколения кризисов. Взаимосвязь кризисов в международном праве с кризисными явлениями в отдельных областях современных международных отношений, по мнению выступавшей, очевидна. Так, кризисы права международной безопасности тесно связаны с кризисами в сфере обеспечения коллективной безопасности, борьбы с международной преступностью, кризисы в международном гуманитарном праве неразрывно связаны с масштабными нарушениями прав человека в регионах, охваченных вооруженными конфликтами, нерешенность многих экологических проблем свидетельствует о неэффективности ряда норм международного экологического права и т. д.

Доцент кафедры международного права Российского государственного университета им. А. И. Герцена, к. ю. н. **В. А. Косовская** в своем докладе отметила, что современные условия цифровизации существенным образом сказываются и на правовом регулировании общественных отношений, выявляя проблемы и кризисные явления, возникающие в том числе и при формировании правового статуса субъектов права. Отношения между субъектами в сфере торгового мореплавания регулируются с помощью различного рода унифицированных источников, среди которых значительную роль играют обычаи. Влияние цифровизации и новых технологий на развитие торговых отношений между различными субъектами стремительно меняет сложившиеся в течение долгих столетий основы обычно-правового регулирования отношений в данной сфере. Несмотря на это, обычаи торгового мореплавания продолжают играть существенную роль в его регулировании.

Т. Ю. Сухондяева, доцент Военного университета Министерства обороны РФ, к. ю. н., отметила, что в условиях цифровизации общества силовым структурам приходится искать баланс между интересами развития и безопасностью; с этой целью выстраивается собственная информационно-коммуникационная сеть внутри Министерства обороны России и одновременно ограничивается использование военными любыми внешними сетями и средствами связи. Информационное неравенство военнослужащих и неравномерный уровень развития цифровой среды воинских частей являются препятствием для реализации права целой социально-профессиональной группы общества на доступ к информации и не позволяют в полной мере удовлетворить потребности вооруженных сил в использовании цифровых технологий. Получать недостающую информацию военнослужащим приходится за рамками служебного времени и вне территории службы.

О роли субъекта права в реализации принципа законности в условиях цифровизации рассказала младший научный сотрудник отдела научного обеспечения международного сотрудничества прокуратуры и сравнительного правоведения Университета прокуратуры РФ, юрист 2 класса **Ю. В. Альбертий**. Доклады других молодых ученых — аспирантов ИЗиСП — были посвящены определению понятийного аппарата машиночитаемого права (**П. С. Гуляева**), проблеме «общества рисков» и его влиянию на законные интересы в структуре статуса субъекта права (**Е. А. Мотова**), свойству социотехничности и трансформации элементов современных правоотношений (**Н. Ф. Порываева**),

трансформации права граждан на участие в управлении делами государства в цифровую эпоху (*А. Ю. Базыкин*), эффективности электронного правосудия и перспективам использования технологии искусственного интеллекта в судебной системе (*А. Ю. Романов*), особенностям правового статуса субъектов цифровой экономики (*Л. И. Ивардава*), критериям свободы волеизъявления в правотворчестве (*Т. Б. Крупнова*), трансформации жилищных правоотношений в свете новых цифровых ориентиров социальной политики государства (*В. В. Абросимов*), субъектному составу договоров транспортировки нефти по магистральным нефтепроводам и транспортировки газа по магистральным газопроводам (*Т. В. Воронина*), нотариусу как субъекту права в Российской империи (*М. Р. Атоян*).

В завершение мероприятия *Д. А. Пашенцев* презентовал монографию «Цифровизация правотворчества: поиск новых решений» [11], сборники научных трудов «Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху» [14], «Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации» [10], «Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений» [17], опубликованные при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и право-реализации в условиях развития цифровых технологий».

При подведении итогов заседания его участниками было отмечено, что:

- проблема субъекта права и его цифровой трансформации является одной из ключевых в современной фундаментальной юриспруденции;

- углубляющееся воздействие цифровых инструментов на человека, оцифровывание среды его обитания меняет устоявшиеся правовые модели поведения человека;

- современная теория государства и права требует перестройки понятийно-категориального аппарата, обусловленной появлением новых (цифровых) сущностей и феноменов в праве (цифровой поворот в праве), переосмыслением места и роли субъекта права не только в правовой системе, но и в цифровой среде. Эту перестройку следует проводить с учетом возникающей многомерности правовых статусов, дробления правового статуса человека и гражданина соразмерно формированию его новых социальных статусов, наслоения регулирующего воздействия множества нормативных актов;

- усиленное воздействие цифровизации на реализацию прав и свобод человека и гражданина обладает не только значительным потенциалом, но и содержит в себе риски и опасения, что актуализирует проблемы влияния цифровизации на фундаментальные права и свободы человека и гражданина при переходе к новому — постиндустриальному — типу общества, а также определяет высокое значение разработки прогнозов и учета рисков обеспечения этих прав и свобод человека в условиях турбулентности общественных отношений и возрастающей неопределенности;

- с ростом ценности изучения проблем человека в праве, правосубъектности и субъекта права будет возрастать необходимость переосмысления

базовых методологических оснований и установок классических и современных подходов в контексте их человекомерности;

– ценность теоретических концепций развития человека и прав человека будет играть определяющее значение в свете новых парадигм развития цивилизации, что предопределяет перспективность и важность изучения динамики субъекта права сквозь призму социальной и юридической антропологии.

Литература

1. Алимова Д. Р. и др. Исторические этапы развития отечественного законодательства: от имперских традиций к цифровым новациям // Вопросы истории. 2020. № 11 (2). С. 118–124.
2. Залоило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22–37.
3. Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 132 с.
4. Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2. С. 196–209.
5. Малько А. В., Солдаткина О. Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–19.
6. Пашенцев Д. А., Новикова К. С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 198–202.
7. Пашенцев Д. А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. № 1. С. 35–49.
8. Пашенцев Д. А. Российская законодательская традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
9. Пашенцев Д. А., Залоило М. В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование // Право и образование. 2020. № 8. С. 29–34.
10. Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. 430 с.
11. Пашенцев Д. А. и др. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
12. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
13. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). 2019. № 9. С. 9–18.

14. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 213 с.

15. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

16. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–105.

17. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 273 с.

18. Alimova D. R., Zaloilo M. V., Pashentsev D. A. Historical background of the development of lawmaking in the context of digitalization // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 112–119.

Literatura

1. Alimova D. R. i dr. Istoricheskie e`tapy` razvitiya otechestvennogo zakonotvorchestva: ot imperskix tradicij k cifrovym novacijam // Voprosy` istorii. 2020. № 11 (2). S. 118–124.

2. Zaloilo M. V. Zakonnost` i celesoobraznost` v obshhestve postmoderna: peresmotr slozhivshejsya klassicheskoj modeli // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 6. S. 22–37.

3. Zaloilo M. V. Iskusstvenny`j intellekt v prave: nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. d-ra jurid. Nauk, prof. D. A. Pashenceva. M.: Infotropik Media, 2021. 132 s.

4. Zaloilo M. V., Pashencev D. A. Nacional`ny`j pravoporyadok Rossii v usloviyax cifrovizacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. № 2. S. 196–209.

5. Mal`ko A. V., Soldatkina O. L. Prioritety` rossijskoj pravovoj politiki i izmeneniya prava v usloviyax cifrovizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 9. S. 5–19.

6. Pashencev D. A., Novikova K. S. Iskusstvenny`j intellekt kak sub``ekt sudebnogo tolkovaniya prava // Obrazovanie i pravo. 2020. № 7. S. 198–202.

7. Pashencev D. A. Osobennosti pravoprimeniya v usloviyax cifrovizacii obshhestvenny`x otnoshenij // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2020. № 1. S. 35–49.

8. Pashencev D. A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya pred vy`zovom cifrovizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 2. S. 5–13.

9. Pashencev D. A., Zaloilo M. V. Vliyanie cifrovym`x tehnologij na razvitie obrazovaniya i ego pravovoe regulirovanie // Pravo i obrazovanie. 2020. № 8. S. 29–34.

10. Pravovy`e cennosti v svete novy`x paradigm razvitiya sovremennoj civilizacii: sbornik nauchny`x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2020. 430 s.

11. Pashencev D. A. i dr. Cifrovizaciya pravotvorchestva: poisk novy`x reshenij: monografiya / pod obshh. red. D. A. Pashenceva. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2019. 234 s.

12. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. Smena tehnologicheskix ukkladov i pravovoe razvitie Rossii: monografiya. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2021. 184 s.

13. Sinyukov V. N. Cifrovoe pravo i problemy` e`tapnoj transformacii rossijskoj pravovoj sistemy` // Lex russica (Russkij zakon). 2019. № 9. S. 9–18.

14. Transformaciya pravovoj real`nosti v cifrovuyu e`poxu: sbornik nauchny`x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2019. 213 s.

15. Xabrieva T. Ya. Pravo pered vy`zovami cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 9. S. 5–16.

16. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85–105.

17. Yazy`k pravotvorchestva v usloviyax cifrovizacii obshhestvenny`x otnoshenij: sbornik nauchny`x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2019. 273 s.

18. Alimova D. R., Zaloilo M. V., Pashentsev D. A. Historical background of the development of lawmaking in the context of digitalization // Voprosy` istorii. 2019. № 11. С. 112–119.

M. V. Zaloilo

The Subject of Law and the Dynamics of its Legal Status in the Context of Digitalization

The article presents an analytical review of the presentations of the participants at the meeting of the section «Subject of law and dynamics of its legal status in the context of digitalization» held on April 15, 2021 with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project 18-29-16219 «Innovations in the mechanisms of lawmaking and law implementation in the context of the development of digital technologies», held within the framework of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, prof. F.M. Rudinsky, on the topic «Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects» In the light of new trends in social development, the impact of digitalization on the implementation and protection of the rights of individuals and legal entities, as well as the dynamics of the legal statuses of subjects of «digital» relations, actual problems of legal personality and understanding of the subject of law are noted.

Keywords: artificial intelligence; quasi-subjects; legal status; legal personality; legal entity; digital environment; digitalization; «digital turn».

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ МАРЧЕНКО **(11.08.1940 – 02.07.2021)**

2 июля 2021 г. скончался известный российский ученый, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный профессор Московского университета, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Михаил Николаевич Марченко.

Выражаем глубокие соболезнования родным и близким Михаила Николаевича.

Михаил Николаевич Марченко родился 11 августа 1940 г. в станице Воронежская Краснодарского края.

В 1957–1959 гг. работал в Краснодаре на заводе «Стройдеталь».

В 1959–1962 гг. служил в рядах Советской армии в Закавказском военном округе.

В 1967 г. после окончания юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова поступил в аспирантуру.

В 1969–1970 гг. в аспирантуре проходил стажировку в Великобритании (Оксфорд, Кент, Лондонская школа экономики).

В 1971 г. окончил аспирантуру по кафедре теории государства и права.

В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию, после чего на юридическом факультете занимал должности: ассистента (1972–1975), старшего преподавателя (1975–1976), доцента (1977–1982).

В 1981 г. защитил докторскую диссертацию.

Основные направления научных исследований Н. М. Марченко: теоретико-правовые проблемы государства и права, сравнительное правоведение, политология.

Михаил Николаевич долгое время был советником Председателя Конституционного суда РФ, президентом Ассоциации юридических вузов России. Принимал активное участие в работе правовых комиссий при Совете Федерации Федерального собрания РФ.

Являлся председателем диссертационного совета по защите докторских диссертаций, членом редколлегии журналов «Государство и право», «Правоведение», «Вестник МГУ» (Серия 11. Право.), «Журнал российского права».

В 1992–1996 гг. занимал должности проректора МГУ, заместителя председателя ученого совета МГУ.

В 1982–1992 гг. был деканом юридического факультета МГУ.

Помимо преподавания в российских вузах, профессор М. Н. Марченко выступал с лекциями в университетах США, Сиднейском университете (Австралия), Шанхайском университете (КНР), Университете Васэда (Япония), вузах ряда других стран.

Автор более 300 научных работ, среди которых 18 монографий, учебники, учебные пособия по теории государства и права, федерализму, разделению властей, сравнительному правоведению и политологии.

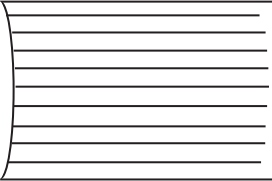
Награжден орденом Дружбы народов (1986), Почетной грамотой Президента Российской Федерации (2021).

До последних дней своей жизни Михаил Николаевич Марченко был полон научных и творческих идей. 24 июня этого года Михаил Николаевич провел последнее заседание кафедры и поделился своими мыслями о преподавателях, которые несут свет разумного независимо от их ученых степеней и званий...

В Московском городском педагогическом университете М. Н. Марченко проработал более 20 лет на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета (ныне — Институт права и управления). Он читал курсы «Проблемы теории государства и права», «Сравнительное правоведение», руководил подготовкой ВКР, диссертационными исследованиями аспирантов.

Активное участие Михаил Николаевич принимал в научной жизни коллектива и факультета. Уважительное отношение к студентам, коллегам, своевременность проведения учебных занятий, а самое главное, высокие личные качества сохраняются в памяти нашего коллектива об этом великом Человеке и Ученом. Вечная память нашему дорогому Коллеге и Учителю!

Коллектив Института права и управления

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2021, № 3 (43)**

Баев Валерий Григорьевич — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Тамбовского государственного технического университета.

E-mail: vgbaev@gmail.com

Ботанцов Данила Владимирович — аспирант заочной формы обучения РГПУ им. А. И. Герцена.

E-mail: botantsow@mail.ru

Бурьянов Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Школы права Института права и управления МГПУ.

E-mail: BuriyanovSA@mgpu.ru

Васильев Павел Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Власова Наталия Викторовна — старший специалист отдела международного частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: natasha.vlasova@rambler.ru

Залоило Максим Викторович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: z-lo@mail.ru

Конончук Марина Игоревна — аспирант Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ).

E-mail: Kononchuk.M@yandex.ru

Матчанова Зоя Шарифовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Новикова Кира Станиславовна — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: kira_stn@mail.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Школы права Института права и управления МГПУ.

E-mail: PashencevDA@mgpu.ru

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления МГПУ.

E-mail: AngelS7@yandex.ru

Шатковская Татьяна Владимировна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета.

E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

A U T H O R S
of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Legal Sciences», 2021, № 3 (43)

Baev Valery Grigorievich — Professor, Doctor of Law, Candidate of History, Professor of the Department of Theory and History, Law Institute, Tambov State Technical University.

E-mail: vgbaev@gmail.com

Botantsov Danila Vladimirovich — part-time post-graduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: botantsow@mail.ru

Buryanov Sergey Anatolyevich — Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of International Law Department, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: BuriyanovSA@mgpu.ru

Churilov Sergey Nikiforovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: AngelS7@yandex.ru

Kononchuk Marina Igorevna — postgraduate student at Southwestern State University (SWSU).

E-mail: Kononchuk.M@yandex.ru

Matchanova Zoya Sharifovna — Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Novikova Kira Stanislavovna — postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: kira_stn@mail.ru

Pashentsev Dmitry Alekseevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: PashencevDA@mgpu.ru

Shatkovskaya Tatyana Vladimirovna — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Southern Russian Institute of Management — a branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University.

E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Vasiliev Pavel Vyacheslavovich — Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Legal Disciplines, Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Vlasova Natalia Viktorovna — Senior Specialist, Department of international Private Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: natasha.vlasova@rambler.ru

Zaloilo Maxim Viktorovich — Candidate of Law, Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: z-lo@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться следующими требованиями к оформлению научной литературы.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата за публикацию рукописей в журнале не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: <https://vestnik.mgpu.ru>

По вопросам публикации статей в журнале обращаться на e-mail: instituty@bk.ru

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
2021, № 3 (43)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

С. П. Пузырьков

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

Телефон: 8-499-181-50-36.

Сайт: <https://vestnik.mgpu.ru>

Подписано в печать: 30.09.2021 г.

Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.

Объем: 8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.